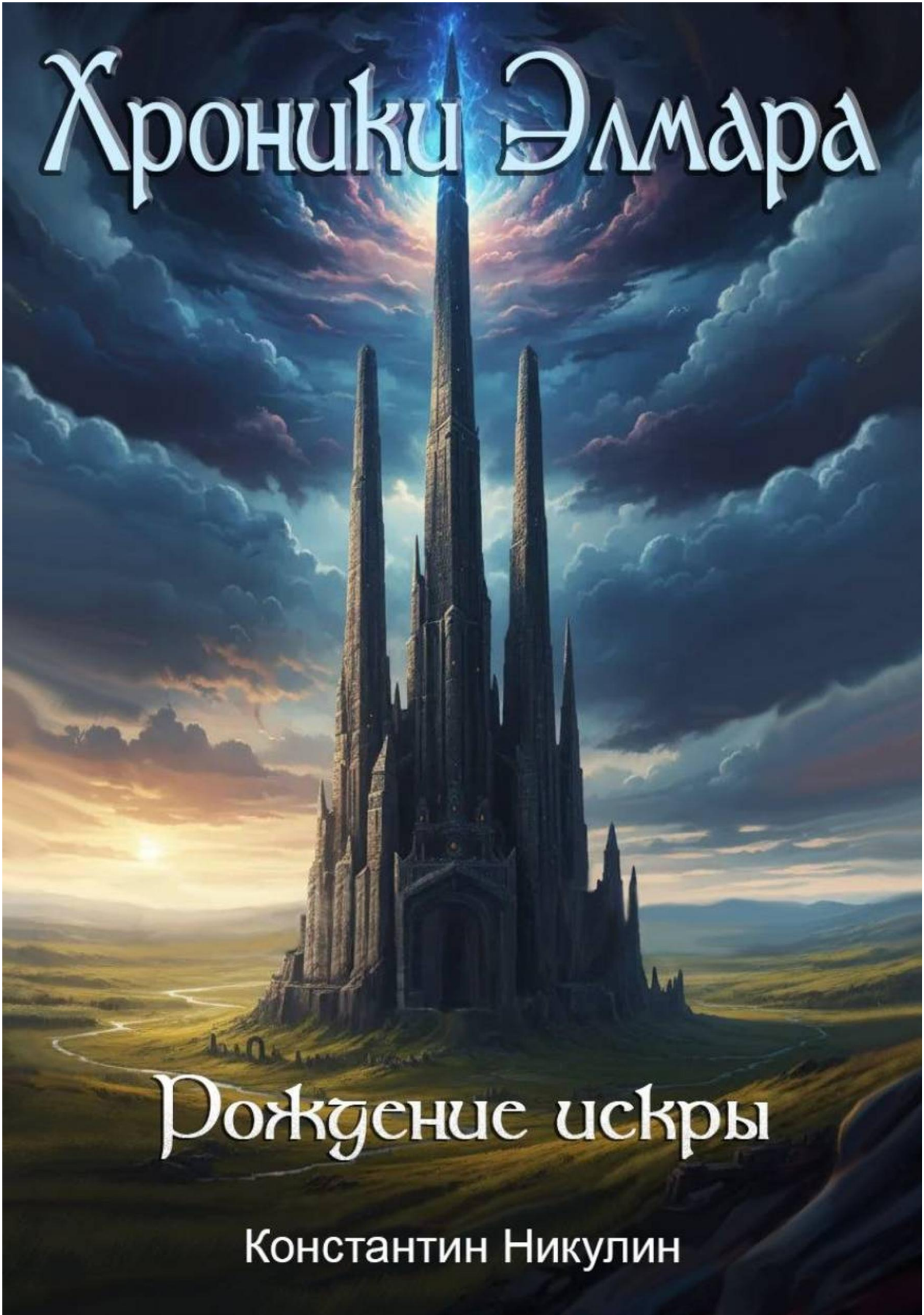
Хроники Элмара

Рождение искры

Константин Никулин

Константин Никулин

Хроники Элмара. Рождение Искры

«Автор»
2026

Никулин К.

Хроники Элмара. Рождение Искры / К. Никулин — «Автор», 2026

ISBN 978-5-600-05094-5

Фэнтези-роман о неожиданно одаренном большим могуществом главном герое, который проходит череду глубоких метаморфоз, которые чем дальше, тем сильнее начинают пожирать его разум и сущность.

ISBN 978-5-600-05094-5

© Никулин К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Часть Первая 6
Глава первая 7
Глава вторая 12
Глава третья 21
Глава четвертая 26
Глава пятая 31
Глава шестая 36
Глава седьмая 40
Глава восьмая 50
Глава девятая 56
Глава десятая 61
Глава одиннадцатая 67
Глава двенадцатая 73
Глава тринадцатая 79
Глава четырнадцатая 81
Глава пятнадцатая 92
Глава шестнадцатая 95
Глава семнадцатая 104
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Константин Никулин
Хроники Элмара. Рождение Искры

От автора

Эта книга не увидела бы свет без творческого вклада Ольги Лаврешиной, чьи описания, эпитеты и художественные дополнения в большом количестве украшают текст.

Особая благодарность выражается Яне Ериной, чья профессиональная редактура позволила обогатить текст, никоим образом не нарушив повествование.

Отдельная благодарность выражается Александру Брыкову, чьи комментарии на этапе черновика позволили насытить текст дополнительными элементами и выявить некоторое количество ошибок и ненужных нагромождений.

Часть Первая

Первопричина – причина всего, что не имеет иной причины, кроме Первопричины.
Первопричина дала начало сущностям, что обрели умение творить.
Первое бытие среди небытия, они впоследствии были названы Первичными.
Первичные сотворили подобных себе, кои стали называться Вторичными.
Первичные канули в небытие.
Вторичные сотворили подобных себе, кои стали называться Третичными.
Вторичные канули в небытие.
Третичные сотворили подобных себе, кои стали называться Четвертыми.
Третичные канули в небытие.
Четвертые сплотились и сотворили Элмар, его природу, его существ и его судьбу.
Тьма накрыла Элмар, и Четвертые были отрезаны от нашего мира.
Но помним мы наших создателей, наших богов и величайшего из них – Четвертого по имени Лавэр, да звучит имя его во веки веков.

Записи Отступника Эндрота.
I век Темного Времени.
Библиотека Цайлорна.

Глава первая

– Как мы назовем их, дорогой?

Валеар, бережно держа на руках одного из младенцев, вздрогнул, услышав ее голос.

Сквозь узкое окно в комнату, пропахшую травами, проникал блеклый серый свет пасмурного утра. В объятиях хрупкой женщины, лежащей на широком ложе, уютно посапывал второй малыш. Алейрит внезапно испытал острый прилив счастья. Теперь супругов связывали не только годы, проведенные в любви, но и эти два маленьких теплых комочка – настоящий дар судьбы.

– Для первенца имя мы уже выбрали… – мягко проговорила Хаззель. – А вот как назвать его младшего брата, решай ты, любовь моя.

Валеар на мгновение задумался, разглядывая спящих малышей. Крохотные нахмуренные бровки придавали их личикам до смешного серьезное выражение, которое делало их сходство еще более явным.

– Я и вправду мечтал о двойне, – улыбнулся алейрит. – Пусть первенец будет, как мы и хотели, Ищущим. Второго назову так, как мне подсказало Вечное Древо, – Следующим. Пусть всегда будет крепка их связь, пусть оберегают друг друга всю жизнь и всегда находят ответы на свои вопросы – один за другим, как и появились на свет.

Фиоргаст и Кхеллен – Ищущий и Следующий на особом наречии пророчеств Вечного Древа. Оно посоветовало такие имена, ибо предвидело удивительную судьбу этих невинных младенцев, спавших у матери на груди. Хаззель и Валеар даже помыслить не могли, насколько тернистый путь ждет их сыновей.

По случаю рождения близнецов Валеар устроил грандиозный праздник, куда пригласил всех, с кем хотел разделить свою радость: пару сотен жителей Алейры, несколько десятков эльфов из Эркаллона и даже одного человека. Алейриты никогда не славились гостеприимством, но появление на свет двойни стало достаточным поводом для того, чтобы открыть свои двери и сердца.

В назначенный день с полудня начали прибывать первые гости. Валеар и его близкие постарались на славу – украсили деревья гирляндами из цветов, расставили скамьи в тени их могучих крон, посреди поляны поставили огромный круглый стол, украшенный резными фигурками и лозами плюща. Стол был подарком Совету Алейры от короля эльфов и пришелся как нельзя кстати: алейриты были невелики ростом – примерно в две трети от среднего роста человека, а вот есть и пить гостям, согнувшись в три погибели, было бы неудобно.

На белой скатерти расставили блюда со множеством разнообразных яств как из местных погребов, так и привезенных по этому случаю эльфами из Эркаллона. Гости уже смекнули, что трапеза обещает быть не только сытной, но и веселой: в искусно вырезанных деревянных кубках плескалось рубиновое вино, настоянное на лесных ягодах. Алейриты ничего крепче воды и травяных отваров не пили, но для гостей неумеренность могла закончиться весьма плачевно.

Людской род представлял живущий среди алейритов больше года средний сын короля Шулрена – Осмольд, высокий молодой человек шестнадцати лет от роду. Несмотря на столь юный возраст, он многому научился в Алейре. Первым его достижением стал эльфийский язык, который, благодаря необъяснимой причуде создателей, был родным не только для эльфов, но и для алейритов. Молодой человек постигал мудрость этих земель вопреки желанию родителей, которые не любили его и считали «неудавшимся сыном». Внешне Осмольд походил на своего отца – так же был крепко сложен, силен и даже имел схожее выражение лица. Однако король Шулрена был человеком недалеким, и свой острый ум юноша унаследовал от матери.

На праздник он был приглашен своими местными наставниками – счастливыми родителями близнецов. Валеар, встретив Осмольда, крепко обнял его и лично проводил за стол.

Гостей из Эркаллона было больше двух десятков. Земли эльфов и алейритов связывала давняя дружба. Общий язык, похожая культура и общие представления о мироздании обеспечивали взаимное уважение и добрые отношения рас. Даже внешне они были чем-то похожи. Несмотря на то, что миролюбивые жители леса были почти вдвое ниже ростом, тонкие черты лица, слегка заостренные уши, худосочность и очень светлый цвет кожи указывали на некое родство между ними. Существовало поверье, что Четвертые – создатели обеих рас также были очень близки друг другу, если такие слова применимы к богам. Эльфы считали алейритов своими младшими братьями, хотя бытовало мнение, что мудрость жителей Алейры, передаваемая из уст в уста через поколения, превосходит все записанные знания Эркаллона.

Валеар с уважением приветствовал всех эльфов, но особо был рад троим из них. Самый старший, четырехсотлетний Эристар, был советником короля. За свою жизнь он повидал немало: участвовал в войнах эльфов и мэллордов – соседей, питающих друг к другу вечную ненависть, видел, как гибли его товарищи на поле боя, и успел изрядно устать от этих междоусобиц. На этой самой мирной из известных ему земель он чувствовал покой, которого часто не хватало дома.

Эристар привез с собой детей – красавицу Илрену с волосами цвета пшеницы, украшенными голубым барвинком, и юного Кланнора с растрепанной шевелюрой и дерзким взглядом зеленых глаз. Ей было шестьдесят, ее брату – двадцать; по эльфийским меркам они были сущими юнцами и немногим отличались от тех, кто сейчас лежал в уютной колыбели.

Как только все приглашенные гости заняли места за столом, Валеар объявил о начале праздника. От волнения ему кусок в горло не лез, но он с удовольствием наблюдал, как с огромных блюд исчезают вкуснейшие яства, как рекой льется терпкое сладкое вино, а гости веселеют на глазах. Впрочем, все было пристойно: алейриты запивали еду родниковой водой и узваром из ягод, а эльфы хмелели очень медленно. Осмольд, как ни странно, сделал всего пару глотков вина, отставил кубок и перешел на воду, что Валеар молчаливо одобрил.

Когда стол опустел, пришел черед традиционных поздравлений. Вместо пожеланий счастья детям и благополучия родителям, принятых у людей, рассудительные жители Алейры желали юному поколению хорошего воспитания и многих знаний, а родителям – гордости за детей.

Первыми выступили члены Совета, затем слово взял Осмольд. Для своей речи шулренец выбрал язык людей, чтобы подчеркнуть, что не только алейриты и эльфы поздравляют молодых родителей, но и весь мир. Язык людей в мире, носящем общее название Элмар, называли всеобщим, и разные народы часто использовали его для общения.

Эльфы выступили с несколько высокопарной речью. Придерживаясь обычая, пожелали новорожденным и их родителям держаться Света и противиться влиянию Тьмы. Для Осмольда, единственного из слушателей, сказанное было пустыми напыщенными словами, за которыми не крылось никакого смысла. Более тысячи лет единственным влиянием Тьмы в Элмаре было сокрытие мира от взора Четвертых. Осмольд списал эти речи на свойственную как эльфам, так и алейритам приверженность древним традициям и давно устаревшим, по его мнению, наставлениям создателей.

Слушая добрые слова, Валеар расчувствовался. Хаззель сидела рядом, держа в объятиях мирно спящих младенцев и положив голову супругу на плечо. Поздравлениям гостей вторили мягкий шелест ветра в кронах деревьев и несмолкающий щебет птиц. Наверное, этот момент был для Валеара таким же счастливым, как и тот, когда он и Хаззель дали обет друг другу быть вместе до самой смерти.

Закатное солнце позолотило верхушки деревьев, гости разбредались по поляне и завязывали разговоры. Вокруг Хаззель собрались алейритки, они щебетали так, что Валеар опасался

за спящих детей. Но сон их был крепким, и он отошел в сторону со счастливой улыбкой, все еще не веря своему счастью. Увлекшись созерцанием, как ему казалось, идеальной картины мира, алейрит не заметил, как к нему подошли несколько гостей.

– Знаешь, я тебе завидую, друг мой. Но это не мешает мне радоваться за тебя, – сказал один из них.

Валеар не обернулся. Он знал этот голос достаточно давно, чтобы обмануться.

– Тебе нечему завидовать, Эристар, – с улыбкой отозвался он. – Своими детьми ты по праву можешь гордиться. К тому же самый сложный период их воспитания позади, а моим это еще предстоит.

– Тут ты прав, – усмехнулся эльф, – своими детьми я горжусь, – он оглянулся на стоявших рядом Илрену и Кланнора. – Но ошибаешься, считая, что самые большие трудности позади. Как раз наоборот, друг мой. Испытания, сложности и конфликты показывают, кто мы на самом деле, как мы были воспитаны и каких принципов держимся. Мэллорды уже давно не тревожили нас, но все знают, что это не навсегда. Война – лучшая проверка для настоящего эльфа. Если опасность вновь нависнет над Эркаллоном, и мои дети с честью встретят тяжелые времена, вот тогда я скажу: да, они действительно достойны моего уважения.

– Мы не подведем тебя, отец, – тихо сказал Кланнор.

Илрена кивнула, соглашаясь с братом.

Валеару внезапно стало холодно, словно солнце резко скрылось за облаками. Алейрит поднял голову – над ними было чистое небо.

– Знаешь, Эристар, было бы неплохо обойтись без такой проверки, – пробормотал он. – Давай лучше поговорим о том, кем станут мои дети.

Это был еще один древний обычай. Алейрит, ставший отцом, спрашивал у всех, что ждет новорожденных. Обычно ему отвечали, что детям уготовано великое будущее. Вот и сейчас все в один голос принялись восхвалять грядущие заслуги близнецов, которые сопели в люльке и не ведали, что им предстоит оправдать чужие ожидания. Лишь глава Совета Алейры сказал совсем не то, чего ожидал счастливый отец.

– Будущее твоих отпрысков туманно, Валеар. Я спрашивал о твоих детях у Вечного Древа, как делаю это всегда, когда появляются близнецы. «Ищущий да найдет то, что ищет, – сказало оно мне, – хоть находка и принесет ему несчастье, а Следующий да последует за братом». Как видишь, смысл сказанного неясен.

Валеар почувствовал, как тревога и безотчетный страх скользкими змеями вползают в его сердце, еще недавно полное счастья и любви.

– Ты пугаешь меня! – воскликнул он. – Зачем ты говоришь мне это? Древо уже давно не оправдывает наших ожиданий, его пророчества оказываются ложными. Не вздумай сказать Хаззель об этой чепухе!

Глава Совета погладил длинную бороду и покачал головой, словно осуждая Валеара за несдержанность.

– Не волнуйся, не скажу, – проговорил он. – Но ты все же задумайся над словами Древа и воспитывай детей, учитывая сказанное. Не допусти, чтобы пророчество сбылось! Скажу тебе правду, – он наклонился к самому уху Валеара так, что расслышали его только стоящие рядом, – меня слова Древа пугают гораздо больше, чем тебя. Будь бдителен!

Глава Совета поспешно распрощался и удалился, оставив Валеара в полной растерянности, а его друзей в недоумении: как он мог говорить подобное во время празднования?

Эристар попытался успокоить друга:

– Не обращай внимания. Ты прав, время Вечного Древа, судя по всему, подходит к концу. Не приведи Четвертые, оно окажется под влиянием Тьмы. Забудь его слова и расти своих детей так, как считаешь нужным.

Но никакая дружеская поддержка, никакие доводы не могли утешить Валеара. Он отошел от гостей и вернулся к Хаззель. Алейритка выглядела уставшей. Дети возились у нее на руках, их тихий плач грозил перерасти в настоящий рев.

– Пора заканчивать, – прошептала Хаззель. – Мне с малышами нужно уединиться, а тебе – заняться уборкой.

Валеар молча кивнул. Он без улыбки посмотрел на младенцев, ведь слова Главы Совета не шли у него из головы. Что если Древо не ошиблось? Что им делать, как избежать неприятного пророчества, как уберечь детей от несчастья, которое грозит обоим?

Хаззель начала было вставать, но пристально взглянула на мужа, кусающего губы.

– Что случилось, любимый? – алейритка опустилась на скамью.

– Ничего, – он покачал головой.

– Мне можешь не лгать. Ты все равно не умеешь этого делать.

Валеар вздрогнул и покраснел. Хаззель сверлила его взглядом ярких зеленых, как молодая листва, глаз, и даже малыши притихли, словно почувствовали важность момента.

Супруг рассказал ей о словах Главы Совета. Она на мгновение нахмурилась, но потом рассмеялась:

– Не принимай всю ту чепуху, о которой говорит Древо, так близко к сердцу, любовь моя. Ты прекрасно знаешь, что его время уходит, а пророчества уже не одно десятилетие напоминают скорее бессмысленный набор ложных утверждений, чем реальные откровения. Верь своему сердцу, полагайся на разум и опыт, а не на дурацкие бредни. Обещаешь?

Валеар уныло кивнул. Он старался сдержать это обещание, но получалось плохо: его не переставали одолевать сомнения и тайные страхи. Хаззель сделала еще несколько попыток успокоить его, но сдалась, решив, что супруг рано или поздно придет в себя. В конце концов толковать пророчество можно по-всякому, особенно слово «несчастье». Только время покажет, прислушалась ли судьба к словам старого Древа. Пока же только они с Валеаром отвечают за благополучие своих детей, поэтому готовы сделать все, чтобы сыновья стали счастливыми.

С тех пор прошло одиннадцать лет. Эристар с детьми давно не появлялись в Алейре, как и большинство гостей, что присутствовали на празднике в честь новорожденных.

Осмольд по-прежнему оставался в древних лесах земли алейритов и учился их мудрости. Парню исполнилось двадцать семь лет. Не так давно отец подобрал для него супругу из знатного шулренского рода и потребовал, чтобы непутевый сын бросил заниматься глупостями, вернулся домой и остепенился. Когда Осмольд отказался, родители отреклись от него. Со времен рождения двойни он не был в Шулрене, а теперь и вовсе потерял право жить там, хотя не очень-то стремился вернуться.

Тем временем близнецы подросли. Как и все дети, они любили шалить, хотя прекрасно знали о последствиях: алейриты наказывали своих отпрысков, запирая их в доме и лишая права бегать по любимому лесу.

Фиоргаст и Кхеллен были похожи как две капли воды, лишь мать и изредка отец могли отличить одиннадцатилетних мальчишек друг от друга. Сходство сыновей было только внешним, по характеру они были разными, хотя почти всегда все делали вместе.

Фиоргаст был страстным любителем всего неизвестного. Он мог часами сидеть у костра, если ему казалось, что оттуда может выпрыгнуть какое-нибудь огненное существо. Мальчик обожал рассказы о путешествиях, об удивительных созданиях и героических подвигах. Особенно он любил истории Осмольда, который часто виделся с близнецами. Опальный сын короля Шулрена пересказывал Фиоргасту то, что ему самому в детстве рассказывала на ночь мать. Однако сюжеты людских историй не отличались миролюбием, которое так ценили алейриты. В Шулрене в ходу были легенды о войне, смелых героях, что крушили своих врагов и врагов королевства, о победе добра над злом. Более всего в рассказах людей Фиоргаста завора-

живало то, что их персонажи верили в таинственные могучие силы, которые называли магией. Корни этой веры таились в преданиях, передаваемых из поколения в поколение устами тех, кто был свидетелем присутствия богов в мире.

По преданиям, Четвертые, обладающие способностью творить разумом и волей, создали мир и населили его различными существами, а когда наступило Темное Время, исчезли. Неведомая Тьма накрыла Элмар, но знание об удивительных способностях богов осталось в памяти их созданий, перекочевав сначала в легенды, а затем в предания людей. Историки Алейры знали, что до начала Темного Времени людей не существовало. Они с удовольствием слушали красивые легенды других народов и вплетали их в свои сказания. Так способность Четвертых к творению в людских преданиях превратилась в магию.

К сверхъестественному алейриты относились скептически. Все думали, что увлечение Фиорграста магией – временное. Лишь Глава Совета не высказывался и беспокойно поглаживал бороду. Среди ученых мужей Алейры, среди эльфов и многих других народов бытовало мнение, что процесс творения бытия из небытия – исключительная способность Четвертых. Раз Тьма накрыла Элмар и лишила богов доступа к созданному ими миру, то и подобному созиданию пришел конец. Если допустить, что такой дар существовал, то единственным его источником была Тьма, погрузившая мир в хаос и превратившая расы Элмара в сирот. Поэтому персонажи людских сказаний, обладающие подобными способностями, воспринимались многими народами исключительно как злодеи. Фиорграст, напротив, с жадностью слушал эти легенды и даже воображал себя их героем. Героем, обладающим неведомой силой, помогающей в его подвигах.

Кхеллен был полной противоположностью своему брату. Он, как и все дети, тянулся к неизведанному, но, в отличие от Фиорграста, не увлекался им так страстно. Более всего он любил рассказы про единорогов – загадочных существ, живших на юге полуострова Лерции. Этой разумной расе существ, похожих на лошадей, по поверьям алейритов, их Четвертый передал особые умения, которые те смогли сохранить и с наступлением Темного Времени. Людских рассказов он, как истинный алейрит, не любил, хотя слушал вместе с братом, не желая обидеть Осмольда. Для Кхеллена в них было слишком много войн, страданий и мало покоя и познания, к тому же в них никогда не упоминались единороги.

В год одиннадцатилетия близнецов в Алейре произошло странное событие, связанное с Вечным Древом.

Огромное дерево с раскидистой кроной было даром народу Алейры от их создателя. Даже с исчезновением Четвертых из Элмара Вечное Древо оставалось живым и долгие годы помогало алейритам советами и пророчествами. Однако последнее столетие было омрачено странными, непонятными и даже пугающими прорицаниями, которые не всегда было возможно понять. Иногда пророчества оказывались ложными.

В день, когда Фиоргасту и Кхеллену исполнилось одиннадцать лет, на коре Древа появились глубокие линии, похожие на огромные порезы, и вся листва, не покидавшая веток ни летом, ни зимой, осыпалась на землю, чтобы появиться снова лишь через год. Глава Совета долго бился над этой загадкой и в конце концов решил, что этот знак предвещает Древу скорую гибель.

К этому времени уже мало кто из алейритов всерьез прислушивался к тому, что говорило Древо, но по старой памяти все его любили и, оказываясь рядом, подходили поклониться ему. Лишь один житель Алейры испытывал к Древу странную неприязнь. Странную, потому что сам себе не мог объяснить, почему так ненавидит символ своего народа. Этим жителем был юный Фиорграст.

Глава вторая

В Алейру пришла весна, вдохнув жизнь в уставшую от долгой холодной зимы землю. Деревья покрывались нежной зеленью, в густой траве распускались яркие цветы, и мир обретал привычные краски. По утрам землю укрывали туманы, дождливые дни чередовались с ясными. Хотя весна делала еще только свои первые робкие шаги, алейриты радовались как дети каждому новому ростку и теплому лучу солнца.

Эти приятные дни жители Алейры почти все время проводили в лесу, будто забыв про свои дома. Под крышами они насиделись за зиму, и теперь им хотелось на природу. Алейриты лежали на траве, созерцая ночное небо и игру солнца в молодой листве; дети и молодежь с радостью носились по лесу наперегонки, играли в прятки среди деревьев и были по-настоящему счастливы.

Возраст молодости у алейритов заканчивался в сто лет, и лишь пара десятков жителей Алейры не дотягивали до этого рубежа. Из этих двадцати совсем юными были только пятеро.

Ранней весной 1034 года Темного Времени пятерка встретилась под сенью Вечного Древа. Они были одеты в свободные льняные одежды светлых тонов, которые носили почти все алейриты. Двое близнецов в возрасте двадцати одного года, шестнадцатилетний сын Главы Совета Лессор, двадцатилетняя Орайа, дочь одного из членов Совета, и тридцатилетний Цоронд. Всем им пришла в голову идея расспросить о чем-нибудь «сумасшедшее» дерево, пока рядом не было взрослых, которые могли испортить всю затею.

– Вот мы и пришли, – сказал Лессор, когда вся компания остановилась у подножия гигантского дерева. – Что будем делать? Как правильно спрашивать-то?

Остальные промолчали – ответа никто из них не знал.

– Может быть, нужны какие-то особые слова, которые знает только твой отец? – предположила Орайа, медленно перебирая пальцами длинные русые волосы, заплетенные в косу. – Нам Древо ничего не скажет.

– Все может быть… – пробормотал Фиоргаст. – Возможно, стоит просто спросить его, и оно ответит.

– Вот и спроси, раз ты так уверен, – буркнул Лессор.

– Ни в чем я не уверен, но попробую.

Фиоргаст подошел ближе к дереву и мягко коснулся ладонью его изрезанной глубокими шрамами коры, подсознательно ожидая, что именно этот жест пробудит спящие в нем силы. Однако ничего не произошло. Услышав за спиной сдавленные смешки друзей, Фиоргаст закусил губу, раздраженно встряхнул головой и коснулся ствола второй ладонью. Правильные слова пришли сами.

– О древнейшее из созданий, ответь мне на вопрос! Есть ли в Элмаре те, кто способен творить разумом и волей, подобно Четвертым?

Друзья за спиной Фиоргаста переглянулись. Орайа пожала плечами, Лессор криво улыбнулся, а Цоронд замаскировал смешок, кашлянув в кулак. Подростки не разделяли предубеждений старших к упоминаниям способностей богов, но и особой веры в людские легенды не имели, в отличие от Фиоргаста.

– Опять он за свое, – раздраженно пробормотал Кхеллен. – Я думал, он уже вырос из осмольдовых сказок, ан нет, до сих пор дурака валяет. Интересно, когда-нибудь пересилит он себя? Поймет ли, что все это вздор?

– Даже если он из головы эти мысли выкинет, то из души, боюсь, вряд ли, – усмехнулась Орайа. – Уж очень привязался он к этой абсурдной идее…

Лессор тоже захотел высказаться и открыл было рот, но осекся. Из глубин Вечного Древа донесся глухой вой как если бы сотня волков в глубокой пещере разом подала голос. Этот вой

нарастал и вскоре сделался невыносимо, мучительно громким. Фиорграст первым зажал уши, друзья последовали его примеру, но едва они это сделали, шум внезапно стих. Ему на смену пришел тихий далекий голос, который будто бы исходил из самого сердца дерева.

– Не суждено летать тем, кто не рожден с крыльями. Но судьбу можно перехитрить. Она не всевластна.

Голос умолк. Фиорграст потрясенно обернулся и посмотрел на друзей, которые стояли, точно громом пораженные. Они знали, что уже несколько лет Вечное Древо молчало, не отвечая даже на вопросы Главы Совета. Но этому юному алейриту оно ответило! Все были изумлены до такой степени, что сперва даже не обратили внимания на смысл фразы, произнесенной Древом. Но Фиорграст очень хорошо расслышал и понял его слова. Сердце наполнилось ликованием: все, с кем он до этого разговаривал, твердили ему одно и то же: человеческие легенды – это просто сказки, а Древо-то, гляди, знает побольше остальных!

Впрочем, изумление его спутников длилось недолго. Кхеллен, негромко кашлянув, сказал:

– Ты бы, брат, не обнадеживал себя. Все говорят, что Древо выжило из ума и не стоит доверять его словам.

Но Фиорграст его не слышал. Он был счастлив, как ребенок, которого родители впервые взяли с собой на долгую прогулку по лесу, душа пела от радости. Его детская мечта – стать героем сказки наяву – стала намного ближе. Непонятно было, как именно и когда она сбудется, но Фиорграст был уверен, что рано или поздно это обязательно случится.

– Вот те на! —наконец пришел в себя Лессор. – Уж и надеяться не смели, а гляди-ка! Древо разговаривать еще умеет, хоть и чушь всякую несет, как по мне. Спрошу-ка и я у него кое-что.

– Надеюсь, тебе оно скажет исключительно правду, – ухмыльнулся Кхеллен. – В отличие от…

– Хватит уже! – раздраженно перебил его Лессор, подошел к дереву и, следуя примеру Фиорграста, прижал к стволу обе ладони.

– Скажи мне, Древо, когда начнется следующая война между эльфами и мэллордами?

Воцарилась тишина. Древо молчало. Друзья, которые приготовились к шуму и загодя зажали уши, опустили руки. Лессор нахмурился, возмущенно ударил ладонями по стволу и отступил на шаг.

– Это что такое? Фиоргасту, значит, на его дурацкий вопрос оно ответило. Между прочим, я про судьбу всей Лерции спрашиваю, а оно меня игнорирует!

– Он не дурацкий! – возмутился Фиорграст, очнувшись от своих сладких грез.

– Значит, Древо дурацкое. Реагирует на всякую ерунду, а на важные вопросы молчит, не знает ответов!

– По-моему, ты просто неверно спросил, – вдруг выступила вперед Орайа.

Остальные недоверчиво покосились на нее. Подобрав юбку, молодая алейритка подошла к дереву, отстранила растерянного Лессора и, прикоснувшись к стволу, негромко и с чувством проговорила:

– Ответь нам, о великое Древо, когда в Элмаре наступит мир, а спокойствие и счастье воцарятся от владений единорогов до крайнего востока?

Ответ пришел почти сразу. Громыхнуло так, что друзья не успели зажать уши. Из самого сердца Древа прозвучали отчетливые слова:

– Не суждено вам дожить до того времени, когда закончатся распри на Элмаре.

Ответ потряс всех, особенно Орайю, едва ли не самую миролюбивую жительницу Алейры. Она моментально сникла, отошла от дерева и чуть не разрыдалась. Кхеллен, с которым ее давно связывала не только дружба, нежно обнял ее и погладил по волосам.

– Этого следовало ожидать, милая, – пробормотал он, касаясь губами ее макушки. – Но, по-моему, правды в этом ни на грош. Фиоргасту оно тоже какую-то чушь напророчило, согласись. Нам уготованы многие столетия жизни. Если мы не угодим под меч, может, и доживем до того дня, когда наступит мир.

Орайа всхлипнула и благодарно погладила своего возлюбленного по плечу. Другого утешения ей не надо было, она не ждала больше слов. Но слова пришли, хотя и не из его уст. Не было ни шума, ни грохота, однако речь полилась из глубин огромного ствола – Вечное Древо заговорило:

– Всем вам суждено попасть под меч, но не всем – погибнуть от него. Никто из вас не доживет до тех времен, когда исчезнут распри в этом мире. Вымрут все, кто населяет Элмар, вымрут их дети и дети их детей, и пращуры их пращуров. Лишь войны и гибель будут царствовать в этом мире! Здесь предо мной стоят те, кому суждено стать причиной кровавых смут и нести гибель тысячам душ…

– Замолчи! – не выдержал Кхеллен, неведомым образом сумев перебить голос Вечного Древа. – Всем давно известно, что ты лжешь! Никто из алейритов не способен принести в мир зло!

Древо захохотало, и лес содрогнулся. Сын Валеара ошеломленно замолчал. Такой ужасный звук Алейра слышала впервые, и пять маленьких фигур под огромным деревом съежились от страха. Орайа прижалась к Кхеллену, Лессор упал на колени и закрыл лицо руками, Фиоргаст и Цоронд замерли на месте, дрожа от ужаса. Всем показалось, что Древо тянет к ним свои грозные ветви, чтобы закрыть солнце и забрать их во тьму.

– Да знаешь ли ты, Следующий, сколько бед принесет в мир то, что родится на этой земле? – прогремело Древо. – Придет срок, ты все увидишь своими глазами. И вспомнишь мои слова!

Дерево умолкло, а ветви приподнялись, словно выпуская на волю испуганных друзей. Переглянувшись, они бросились прочь от места, где впервые почувствовали враждебную духу Алейры силу – в самом ее сердце, там, где, казалось, нет места не только словам, но и мыслям о войнах и смерти. Вечное Древо смотрело им вслед и усмехалось, подрагивая зеленой листвой.

Выбравшись из чащи, друзья припустили к дому близнецов. Фиоргаст несся впереди всех, будто у него выросли крылья, остальные старались не отставать. Страх постепенно отпускал их из своих ледяных объятий, а родные зеленые просторы придавали сил и уверенности. Фиоргаста, по крайней мере, утешал ответ Древа, а остальные не могли избавиться от тревожного чувства.

В тени двух раскидистых дубов показался дом близнецов. Друзья подбежали к двери, толкаясь и шумя, ввалились внутрь и замерли. За большим столом у очага сидели старые знакомые Валеара и Хаззель – эльфы, от которых несколько лет не было никаких вестей. Эристар, Кланнор и Илрена с удивлением взглянули на запыхавшихся алейритов и молча потеснились, уступая им место за столом.

Молодежь расселась по лавкам, толкаясь локтями. Молчать о случившемся было решительно невозможно, и разгоряченные бегом и переживаниями близнецы заговорили, перебивая друг друга и в подробностях рассказывая о том, что случилось у Древа. Затем вступили Орайа и Цоронд, внося в сбивчивый рассказ еще большую сумятицу, а Лессор, который молчал и пил воду кубок за кубком, подытожил историю фразой: «Вот как-то так».

Воцарилась тишина. Эльфы переглянулись и нахмурились.

– Вот что, – наконец проговорил Эристар. – Ваши родители ушли. Пока я попробую их найти, поговорите с моими детьми.

Он стремительно поднялся и вышел, провожаемый изумленными взглядами алейритов. Следом за ним, сорвавшись с места и не попрощавшись, убежали Лессор с Цорондом. Фиоргаст

пожал плечами и покосился на брата. Тот изо всех сил делал вид, что ничего особенного не произошло. Орайа сидела рядом, вид у нее был подавленный.

Тишину нарушил Кланнор.

– Вы изрядно подросли, – сказал он. – Я помню вас еще новорожденными. Но вы, ребята, при встрече сначала говорите, кто есть кто. Наверное, различить вас могут только родители.

– Не только они, – тихо проговорила Орайа, бросая нежный взгляд на Кхеллена.

Эльфы перехватили этот взгляд и усмехнулись, но не смогли понять, на которого из близнецов она посмотрела.

Заметив нерешительность в глазах гостей, Фиоргаст рассмеялся.

– Я Ищущий, а ему просто повезло.

Все заулыбались, даже Орайа немного воспряла духом.

– Как жизнь в Эркаллоне? – спросил Кхеллен.

– Эркаллон живет и процветает, спасибо мудрому правлению короля Эвенара, и пока на наших восточных границах царит мир, – ответила Илрена. – Но этот мир хрупок. Кто знает, когда наши враги вновь поднимут знамена войны.

– Или это сделаем мы, – добавил Кланнор. – Мы прибыли сюда, чтобы оповестить Алейру, что в Лунной Твердыне вышло указание считать алейритов такими же врагами мэллордов, как и эльфов, и относиться к ним соответственно.

Кхеллен хотел что-то сказать, но внезапно его перебил Фиоргаст.

– Илрена, – проговорил он с деланной небрежностью в голосе, – считают ли у вас в Эркаллоне, что способности Четвертых исчезли вместе с ними? Даже у тех, кто был их учениками?

Кхеллен и Орайа обменялись быстрыми многозначительными взглядами, но Фиоргаст сделал вид, что не заметил этого. Он пристально смотрел в зеленые глаза удивленной и слегка смущенной вопросом эльфийки, которая не торопилась отвечать. Фиоргаст ждал, и в конце концов она сказала:

– Мудрейшие из эльфов учат нас, что, когда Тьма накрыла Элмар, Четвертые оставили нам лишь некоторые… артефакты, подобные Вечному Древу или Радужному Алмазу гномов в Насгорде. А еще множество указаний, советов и наставлений, которые сначала передавали из уст в уста, а затем записали в священных текстах. Это все, что осталось от Четвертых. О чем конкретно ты спрашиваешь? О каких способностях?

– Творение, – сказал Фиоргаст несколько торжественно.

Кхеллен, не сдержавшись, фыркнул.

– Способность созидать нечто из ничего, – продолжил Ищущий. – Неужели все это ушло вместе с ними?

Кланнор нахмурился и с удивлением окинул юного алейрита взглядом. Прежде чем его сестра успела ответить, он заговорил сам:

– Да, никто не способен на то, что творят боги, Фиоргаст. Если такое случится, то, увы, это будет означать лишь то, что это происки Тьмы. Это сулит гибель всем нам, созданиям Четвертых.

Кхеллен и Орайа с тревогой ждали, что Фиоргаст начнет спорить, но он лишь глубоко вздохнул. Со стороны могло показаться, что ответ его удовлетворил, но его брат отлично понимал, что это не так. Странную мечту брата нельзя было так просто разрушить.

– Почему в Лунной Твердыне вдруг решили считать нас врагами? – увела разговор в другое русло Орайа. – Чем мы досадили мэллордам?

– Ваш Глава Совета сейчас в гостях у нашего короля, – ответил Кланнор. – Его пригласили туда не просто так. Эльфы Эркаллона, люди Шулрена и гномы Насгорда обсуждали, что в случае нового нападения мэллордов нужно вместе противостоять их натиску. Глава Совета Алейры согласился принять покровительство обновленного союза. Ведь Лунная Твердыня угрожает не только эльфам, но и их друзьям. Ваш миролюбивый народ ничем не сможет помочь

в случае войны, но нужно было дать понять мэллордам, что вы под нашей защитой. В ответ они признали вас врагами. Так что алейритам теперь в Твердыню путь заказан.

– Да и раньше не больно-то хотелось, – заметил Фиоргаст.

– Это верно, – кивнул Кланнор, – но мы приехали, чтобы предостеречь вас от неразумных поступков. Вдруг какому-нибудь сорванцу вроде вас взбредет в голову посмотреть, как живут мэллорды.

Фиоргаст хотел продолжить, но распахнулась дверь, и в дом вошли родители близнецов в сопровождении Эристара. К этому времени друзья уже пришли в себя от пережитых эмоций и выглядели спокойными и веселыми, так что встревоженные Валеар и Хаззель, к своему облегчению, ничего страшного не увидели. Ребят еще раз заставили рассказать о том, что произошло под сенью Вечного Древа. Хаззель осталась дома, а Эристар с Валеаром поспешили к другим членам Совета.

Молодежь продолжила беседовать, пока за окнами не сгустились теплые летние сумерки. Извинившись, Фиоргаст встал и вышел из-за стола. Легко сбежав с крыльца, он остановился, прислушался к тихому шепоту леса, вдохнул полной грудью свежий аромат листвы и подумал о том, что совсем не обязательно обманывать судьбу. С ней можно просто поспорить. Честно и открыто бросить вызов и посмотреть, кто окажется сильнее.

Ему показалось, что он слышит вдали тихий смех Древа, но, разумеется, это была просто иллюзия.

Прошло еще восемнадцать лет. За этот срок в Алейре случилось несколько важных событий.

После того как обнаружилось, что Вечное Древо не только продолжает отвечать на вопросы мрачными пророчествами, но еще и злобно хохочет, в его мудрости разуверились последние приверженцы старого образа жизни. Вечное Древо обнесли оградой, у которой теперь находился сторож из числа возрастных жителей, прогонявший любопытную молодежь. Дольше всех сопротивлялся этому решению Глава Совета, предпочитающий гибель Древа его безумию. Сначала он не поверил в слова детей, но после клятвенных заверений его собственного сына отступать было некуда. Глава Совета согласился со своими собратьями, но решил для себя, что с окончательным развенчанием мифа о мудрости Вечного Древа и ему самому пора на покой. Его место перешло к другому члену Совета – отцу Орайи.

Орайа и Кхеллен обручились и намеревались пожениться следующей весной. Родители обоих были счастливы, ибо считали, что лучшей пары их отпрыскам не найти. К тому времени Кхеллен стал искусным целителем, и способности его росли. Орайа же славилась по всей Алейре своей уникальной способностью залечивать чужие горести своим душевным теплом и силой мягкого слова. С ней Кхеллен никогда не чувствовал себя одиноким, усталым, печальным, и это очень радовало его родителей. К Орайе приходили многие из тех, кто нес на сердце тяжелый груз. Она помогала уменьшить горестную ношу или даже вовсе избавиться от нее.

Единственным, на кого не действовал талант Орайи, был брат ее жениха. За эти восемнадцать лет Фиоргаст сильно изменился. Его мальчишеская радость и легкость исчезли, уступив место апатии и грусти. Умом и способностями он не уступал талантам Кхеллена. Фиоргаст, выбравший для себя стезю астронома, стал разбираться в звездах лучше многих алейритов. Теперь различить братьев было гораздо легче: Фиоргаст редко улыбался, а Кхеллен лучился счастьем. Даже их внешний вид стал отличаться – в одежде первого появились темные тона, а на голове царил хаос растрепанных волос, в то время как его брат следовал цветовым традициям своего народа, равно как и обычаям аккуратности и прилежности.

Только Кхеллен и его невеста догадывались о причинах хандры Фиоргаста. Тот по-прежнему лелеял свою детскую мечту – быть не как все, а действовать подобно герою людских сказаний, подвиги которого недоступны простым смертным. А что ему могла предложить Алейра?

Целительство, земледелие, история, даже астрономия, которую он выбрал – все это не приносило ему удовлетворения, все это было не то, чего он хотел. В самом деле, какое геройство в том, чтобы сидеть с подзорной трубой и разглядывать звезды? Особой отваги тут не нужно, как и особых способностей, а вот если бы они были…

Уныние, в котором пребывал Фиоргаст, не давало покоя Кхеллену и мешало ему радоваться жизни. Он считал, что нужно помочь брату смириться с реальностью, и регулярно заводил с ним разговоры на эту тему, но безрезультатно. Несколько раз в этих беседах участвовала Илрена, которая время от времени приезжала в Алейру. Между ней и Фиоргастом установилась какая-то особая связь, которой Кхеллен до конца не понимал, но был рад, что рядом с братом есть близкое создание, которому он может излить душу.

Несмотря ни на что, Кхеллен не сдавался. Летним вечером он вновь заявился к брату с намерением повторить попытку развеять его несбыточные мечты. Они проспорили почти всю ночь, но Кхеллен так и не добился своего. Расстроенный, он вернулся к невесте, рассказал ей об этом, и они вдвоем долго думали, как убедить упорного Фиоргаста в его неправоте. На следующий день Кхеллен вновь отправился к брату.

Он ожидал чего угодно: что Фиоргаст не станет ему открывать, что прогонит его, не дав сказать и пары слов, но встретивший его с улыбкой на лице брат привел его в изумление. Потрясенный такой переменой в его настроении, Кхеллен вошел в дом и оторопел: прямо посреди комнаты ярко горел огонь. Никаких дров или углей – сгусток пламени висел в воздухе, колыхаясь и обдавая жаром. Деревянный пол под ним лишь немного потемнел, доски не горели.

Это так поразило Кхеллена, что он некоторое время не мог вымолвить ни слова.

– Нравится? – спросил Фиоргаст, глядя на выражение лица потрясенного брата. – Я сам это сделал, сам!

Кхеллен с трудом пришел в себя. Его брат наконец-то был счастлив, таким он не видел его очень давно, но вместо радости Кхеллен ощутил сильную тревогу, которая граничила со страхом.

– Зачем ты развел в доме костер? – спросил он, не зная, что еще сказать.

– Я не разводил его! – воскликнул Фиоргаст, и глаза его заблестели. – Не разводил! Но он есть! Ты видишь его, ведь правда? Он есть, но я не разводил его!

Кхеллену стало страшно так, как никогда раньше. Страх был не сравним со случаем, когда с ним заговорило Вечное Древо. Мысль о том, что его брат теряет рассудок, вызвала в нем панику, поэтому он попытался собраться с духом и понять, что произошло.

– Если ты не разводил его, откуда он тут взялся?

Фиоргаст широко улыбнулся и обеими руками взъерошил волосы.

– В том-то все и дело! Знаешь, я испытываю просто неземное блаженство, когда думаю, что моя мечта станет реальностью в конце долгого и трудного, но вполне проходимого пути.

Кхеллен начал догадываться, что Фиоргаст радуется не самому́ явлению огня, а тому, что именно он имеет к нему отношение. Ему стало еще страшнее.

– Ты видишь, что костер… он же горит без дров?

Взор старшего из близнецов внезапно помрачнел, радость схлынула с его лица. Последняя фраза Кхеллена прозвучала так, что Фиоргасту сразу стали ясны его мысли.

– Думаешь, я из ума выжил? – хмуро осведомился он. – Можешь не отвечать, я знаю, что ты скажешь. Ты считаешь, что мое стремление к мечте погубило меня, и я лишился рассудка? Успокойся, со мной все хорошо. Вернее, нет. Что я говорю… Со мной не все хорошо, но с умом – полный порядок! А то, что костер горит без дров – это и есть причина моей радости. Если бы тут были дрова, думаешь, я вел бы себя так? Именно такая удивительная вещь и вселила в меня надежду.

– Но это невозможно! – воскликнул Кхеллен.

Фиоргаст только этого и ждал.

– Да! Это невозможно! – вскричал он. – Но смотри – огонь горит без дров и горит ярко! Понимаешь, к чему я клоню?

Кхеллен отлично понимал. Раз случилось невозможное, то почему бы не случиться еще чему-нибудь, еще более невероятному? Но Кхеллен не был в этом столь уверен. Ведь чудес не бывает.

– С чего ты взял, что это что-то невозможное? – упрямо спросил он. – Я уверен, этому есть объяснение, просто мы его не знаем.

– Это ты его не знаешь! – внезапно зло буркнул Фиоргаст. – Объяснение есть всему. Ты хочешь узнать причину этого… чуда? Хочешь?

Кхеллен вздрогнул и отступил на шаг. Таким он брата видел впервые – тот словно прибавил в росте, на его лицо легла тусклая тень. В карих глазах полыхали отблески пламени, а обрамляющие лицо кудри темных волос делали его бледным. При таком освещении тонкая кожа казалась натянутой на череп, так что выглядел Фиоргаст весьма грозно. Но Кхеллен понимал, что тот просто злится, оттого что ему не верят.

– Конечно, я хочу узнать, – твердо сказал он. – Тем более наверняка…

Кхеллен умолк, потому что Фиоргаст быстро шагнул к нему и положил руки на плечи. Его глаза сияли.

– Магия, – прошептал он. – Магия – вот чем вызван этот огонь без дров. Именно она наконец-то позволит мне обрести то, чего я так хочу.

Ошарашенный Кхеллен замер. Теперь он окончательно понял, что его брат если не полностью, то частично потерял рассудок. Когда Фиоргаст в детстве просто читал или слушал детские сказки и видел себя на месте их героев, это было нормально, но уверовать в их реальность – за гранью разумного.

– По-моему, ты болен, – осторожно сказал он. – Давай я отведу тебя к Орайе, она поможет…

Кхеллен ждал чего угодно: Фиоргаст заорет на него, прогонит, а то и набросится. На скулах брата заиграли желваки, а кулаки непроизвольно сжались, но он сдерживался.

– Ты не хочешь понять меня на словах? Тогда придется доказать тебе все на деле,– тихо произнес он. – Обернись и посмотри на огонь.

Кхеллен послушно повернулся и устремил взгляд на пламя. Внезапно оно, до этого горевшее ровно и ярко, ослепительно вспыхнуло – так, что он зажмурился. Когда Кхеллен открыл глаза, костра не было, как и следов огня на деревянном полу – ни золы, ни углей. Только закопченные доски выдавали недавнее буйство пламени.

Кхеллен остолбенел.

– Понял теперь, что приведет меня к моей мечте? – негромко спросил Фиоргаст прямо у него над ухом.

Но Кхеллен просто не хотел верить своим глазам и рассудку. Магия – это нелепость, небылица, которая если и существует, то только у тех, кто подвластен Тьме. С другой стороны, это его брат, которого он знал с рождения. И огонь, который горел в пустоте. Признаться в том, что удивительное явление почти убедило его в правоте брата, Кхеллен так сразу не мог, поэтому упрямо сказал:

– Иллюзия. Кто-то играет с нами в игры. Хочет, чтобы мы оба потеряли рассудок и поверили в небылицы или… – его неожиданно осенила мысль, – это влияние Тьмы. Помнишь, Кланнор говорил…

Теперь Фиоргаст рассердился всерьез. Он быстро шагнул вперед, схватил Кхеллена за плечи и резко повернул лицом к себе.

– Ты что, так и не понял? Никакая это не иллюзия и тем более не проделки Тьмы! Ты ведь чувствовал жар, идущий от этого костра?! Он – настоящий! Это магия, и она поможет

мне… – он умолк на мгновение и выпалил: – Потому что это я создал этот огонь из ничего, и я же его туда вернул!

Повисла напряженная тишина. Кхеллен только сейчас, после признания брата, окончательно поверил, что чудо сотворил именно Фиоргаст. Но не это поразило его настолько, что на несколько мгновений он потерял дар речи и замер, скованный ужасом. Потому что только ужас могли вызвать те слова, которые произнес Фиоргаст несколько мгновений назад: «Создал… из ничего».

Только Четвертые умели подобное, но они были отрезаны от Элмара Тьмой. Никто не знал, разумна ли она, но многие соглашались с тем, что если Тьма лишила элмарцев их создателей и наставников, изменила саму природу Элмара, посеяла в мире болезни, страдания и смерть, то вряд ли она способна на что-то хорошее. Без Четвертых способности творить из ничего могли идти только от нее.

Раньше в разговорах братья касались этой темы. Фиоргаст с пеной у рта доказывал, что никакой уверенности в этом быть не может. Нельзя никак доказать, что подобные способности идут обязательно от Тьмы. Возможно, Четвертые оставили такие способности кому-то, как Вечному Древу – его пророчества, а единорогам – их удивительные навыки. Возможно, в самой природе Элмара ими же было заложено нечто подобное. Кхеллен даже соглашался с общей логикой своего брата, но сложно было спорить с тем, что во всех известных им землях – Эркаллоне, Алейре, Насгорде и даже в Лунной Твердыне почти единогласно признавали, что способности созидания из ничего в отсутствие Четвертых могут идти только от Тьмы.

Но это были просто разговоры. Сейчас Кхеллен видел перед собой реальность и, словно утопающий, уцепился за последнюю соломинку.

– Скажи, что это неправда! – чуть ли не взмолился он. – Скажи, что ты здесь ни при чем, что это все нереально! Умоляю, разбуди меня!

Фиоргаст был непреклонен. Вместо ответа он вытянул руку вперед ладонью вверх так, что она оказалась под рукой Кхеллена. Из пустоты раскрытой ладони полыхнул яркий сгусток пламени, не оставляющий никаких сомнений в своей реальности. Огонь обжег руку Кхеллену, и он отдернул ее. Пламя было настоящим.

Но потрясение было сильнее боли. Кхеллен медленно перевел взгляд с обожженных пальцев на Фиоргаста. На лице брата сияла улыбка победителя. Фиоргаст был если не счастлив, то весьма доволен. О себе того же Кхеллен сказать не мог.

– Фиор, послушай, – так он называл брата только когда очень боялся за него, – ты не понимаешь, к чему это может привести…

– Все я понимаю! – отрезал Фиоргаст. – Я знаю, к чему это может привести и к чему это в конце концов приведет – к тому, что я наконец-то найду занятие себе под стать! Я могу быть… да кем угодно! Могу быть великим целителем, могу быть путешественником, открывать новые земли! Могу быть великим воином, повергать своих врагов в хаос! Кем угодно! – он мечтательно закрыл глаза.

Стало ясно, что его не переубедить, но Кхеллен не мог молчать и сделал последнюю попытку вразумить брата.

– Но Совет не одобрит… – начал было он, но брат не дал ему закончить.

– К мэллордам Совет! – взревел Фиоргаст. – Никто не сможет помешать осуществлению моей мечты! Да, я понимаю, – продолжил он спустя несколько мгновений и успокоившись, – чего ты боишься. В Совете не дураки сидят, они поймут. Должны понять. Я сам все им расскажу. Завтра на рассвете я созову Общий Совет Алейры и покажу им, что теперь умею. Ты представляешь, сколько пользы может принести магия всему миру?!

Слова срывались с языка Кхеллена, но он сдерживал их. Он окончательно понял, что переубедить брата невозможно. К тому же вдруг подумал, что Фиоргаст, быть может, прав.

– Что ж, – осторожно проговорил Кхеллен, отчасти чтобы успокоить брата, – давай попробуем. Вдруг действительно эта… магия может принести в Элмар что-то хорошее.

Глава третья

Общий Совет в Алейре не собирался много лет. Общий сбор жителей требовался лишь в случае непосредственной угрозы, а обычные вопросы решались Советом Семерых. По традиции созвать Общий Совет мог любой алейрит. Именно этим правом воспользовался Фиоргаст и на рассвете следующего дня обратился к Главе Совета с просьбой созвать всех жителей Алейры.

Вечером того же дня Общий Совет собрался у ограды вокруг Вечного Древа. Просторная поляна могла вместить всех желающих принять в нем участие в качестве зрителей. В круг поставили семь деревянных кресел – по количеству членов Совета. На нынешнем собрании председательствовал Глава Совета Заррон, отец Орайи. Когда солнце спустилось к горизонту и окрасило крону Вечного Древа в нежно-золотой оттенок, Заррон поднялся со своего кресла и поднял руку, призывая к тишине.

– Жители Алейры! Мы собрались здесь по зову нашего собрата Фиоргаста, старшего сына-близнеца Валеара и Хаззели, – громко проговорил он. – Согласно древней традиции, я спрашиваю у тебя, Фиоргаст, с какой целью ты пригласил нас всех сюда, под сень Вечного Древа?

Фиоргаст стоял в центре круга Совета и был готов говорить. Его темная одежда вызывала у зрителей странное ощущение его обособленности, будто было недостаточно того, что именно он созвал их всех. Решимости ему придавало присутствие родных: отец сидел в Совете, мать – в первом ряду, как и его брат с невестой и его друзья Лессор, Цоронд, Осмольд и волей случая оказавшийся в Алейре Кланнор.

Фиоргаст выглядел уверенным в себе, и это тревожило тех, кто привык долгое время видеть его печальным и растерянным. Причины этой перемены знали только Кхеллен и Орайа, поэтому не беспокоились за Фиоргаста, они за него *боялись*.

– Я созвал вас сюда, о мудрые, дабы вы узнали то, что может навсегда изменить жизнь Алейры, да и всего Элмара, – раздался в тишине голос Ищущего.

Шепот изумления пробежал по рядам алейритов. В их глазах Фиоргаст был всего лишь ребенком.

Выражение лица Заррона несколько изменилось. Он явно не ожидал от юноши такой решительности.

– Что ж, поведай нам, сын Валеара, о чем таком ты узнал в свои годы, что может изменить судьбу всего Элмара, – с оттенком беззлобной насмешки произнес он.

Фиоргаст проигнорировал насмешку.

– Выслушайте меня, мудрые, – спокойно сказал он и обвел взглядом Совет. – Позавчера я бродил по лесу, решил вздремнуть и прилег в тени. Едва я закрыл глаза, мне было видение, будто лечу я высоко в небе… – он умолк на мгновение, еще раз оживив в памяти это удивительное ощущение, и продолжил: – Лечу в поднебесье и смотрю на землю с высоты. Большего удовольствия и представить себе невозможно! Знали бы вы, каково оно, ощущение полета… Но это был лишь сон! Я проснулся разочарованным. Раздражение и злость требовали выхода, и я, сам не зная почему, направил свои мысли на лежавший рядом камень и сказал: «Рассыпься!» – Фиоргаст снова выдержал эффектную паузу, наслаждаясь звенящей тишиной вокруг, и закончил: – И камень рассыпался.

Тишина, казалось, достигла своего пика, но после этих слов растворилась в недовольном бормотании зрителей, которые принялись укорять Совет в том, что им приходится выслушивать фантазии мальчишки. Фиоргаст не дрогнул. Он стоял и молча смотрел перед собой, ни единым жестом не выдав своего волнения.

– Надеюсь, ты не ждешь, что мы поверим в этот вздор? – холодно спросил Заррон. – По-твоему, Пятый может раздробить камень усилием воли?

Фиоргаст выдержал испытующий взгляд Главы Совета. «Пятый» – этим словом изредка называли простых жителей Элмара – созданий Четвертых обычно для того, чтобы подчеркнуть разницу.

– Я прекрасно осознаю, что вы не верите, поэтому приведу вам доказательство, – он старался говорить так, чтобы его голос звучал ровно. – Но сначала позвольте мне продолжить рассказ.

Заррон помедлил и неохотно кивнул. Фиоргаст склонил голову в знак благодарности.

– Когда я увидел, что произошло, то понял: мои мечты могут стать реальностью. Я стал пробовать иное. Конечно, никакого вреда живой природе я не нанес, но в тот день с огромным усилием разрушил немало камней…

– Это же вздор безумца! – донеслось из толпы.

Но пока Фиоргаста слушали члены Совета, он имел право говорить, что хотел.

– Тогда я решился на следующий шаг, который сначала показался мне кощунственным, но все же… Мне просто нужно было проверить, как далеко зайдут мои умения. Я уже понял, что могу *разрушать* неживое, и теперь…

Кхеллен, сидевший в первом ряду, закрыл ладонью лицо. Он знал, что скажет сейчас его брат. Орайа успокаивающе погладила его по плечу. Когда с уст Фиоргаста вновь сорвалась фраза «создать из *ничего*», Совет и остальные алейриты онемели. Хаззель ошеломленно покачала головой. Лицо Валеара покрылось мертвенной бледностью, но именно он первым нарушил тишину:

– Сын мой, ты понимаешь, что говоришь?

Фиоргаст почувствовал, что его триумф висит на волоске. Ведь он почти не сомневался, что родители поймут его, и теперь эта уверенность пошатнулась. Он отвел взгляд от искаженного страхом лица матери и посмотрел на Валеара.

– Да, отец, я все понимаю. Поверь, я много раз это обдумывал. Вчера Кхеллен так же отреагировал на мои слова. Но я уверен в своей правоте. Мы верили, что только Четвертые умели создавать из *ничего*, но это не так! Я, Пятый, обладаю такой способностью. И не вижу в этом ничего предосудительного!

В рядах зрителей поднялся шум. Лишь немногие молчали – те, кто поверил Фиоргасту, и те, кто решил, что он окончательно свихнулся. Возражение Кхеллена, что его брат не лжет, потонуло в буре других голосов. Только Осмольд стоял и смотрел на Фиоргаста так, словно видел его впервые, и глаза его блестели от волнения. Человек поверил алейриту, потому что был единственным, кто действительно этого хотел.

Наконец Заррон встал с кресла и поднял руку. Шум от разговоров постепенно стих.

– Мне жаль, Валеар и Хаззель, но ваш сын обезумел, – проговорил он. – Вам надлежит заботиться о нем и надеяться, что целебные силы нашего леса помогут ему. Я попрошу свою дочь попробовать вернуть его к нам силой ее слова. Зная о глубокой связи братьев, за Кхелленом также надлежит приглядывать. Заседание Совета окончено.

Члены Совета Семерых поднялись с мест. Зрители, шумно переговариваясь, начали расходиться. Фиоргаст побелел от ярости – его просто проигнорировали! Заррон закончил заседание, даже не дослушав его, не дав ему возможности продемонстрировать свои способности.

– Я могу все доказать! – заорал он, заглушая шум толпы, и алейриты умолкли. – Не хотите верить на слово – поверьте своим глазам!

Краем глаза Фиоргаст заметил, как Кхеллен кинулся к нему, чтобы остановить, но было поздно. Он вытянул вперед руку и повторил то, что сделал вчера. На сей раз пламя полыхнуло так, что деревянное кресло Главы Совета мгновенно превратилось в пепел. Зрителей обдало

жаром, многие шарахнулись назад, переворачивая скамейки, раздались возгласы ужаса. Кхеллен подбежал к Фиоргасту и схватил за плечи, его лицо было искажено страхом.

– Что ты наделал?! – в отчаянии закричал он. – Ты хоть понимаешь, что с тобой теперь будет?

Фиоргаст стряхнул с себя руки брата и мягко отстранился. После содеянного его охватило удивительное ощущение покоя, будто всю его злость выжгло сотворенное им пламя.

– Понимаю, – кивнул он. – Они наконец-то образумятся, и мы займемся тем, ради чего я созвал Совет – найдем применение моим способностям.

Кхеллен схватился за голову. Его брат всегда высмеивал рьяную приверженность традициям и прямое следование заветам тысячелетней давности. Близнецам это было несвойственно, но Фиоргаст позабыл о том, на чем воспитаны и кем являются большинство его сородичей. Это приводило Кхеллена в отчаяние, но было поздно. Ужас на лицах членов Совета постепенно сменялся решимостью. Прошло несколько минут, прежде чем присутствующие взяли себя в руки. Со всех сторон послышался недобрый шепот.

– Ничего мы искать не будем, – глухо проговорил Заррон. – Ты отступник, сын Валеара и Хаззели, и навлекаешь позор и беду на всю Алейру. Твои способности идут от Тьмы! Ты предался ей и тебе не место на нашей земле! Ты будешь изгнан из Алейры!

Фиоргаст онемел от изумления. Все его спокойствие обрушилось в невидимую бездну, разверзшуюся между ним и его сородичами. Он чувствовал на себе сотни острых взглядов, которые причиняли ему вполне осязаемую боль. «Все это время Кхеллен был прав, – подумал он. – Совет никогда не примет мой дар. Меня изгоняют. Из-го-ня-ют». Фиоргаст закрыл глаза и покачнулся, охваченный внезапной слабостью. Краем уха он слышал, как кричит Кхеллен, призывая Совет соблюсти традицию и проголосовать, чтобы вынести справедливое решение. Гул голосов вокруг смолк, а затем закружился тошнотворным вихрем, и Фиоргаст понял: все за изгнание. Отца отстранили от участия в обсуждении, а он был единственным, кто пытался вступиться за него.

Фиоргаст открыл глаза. На него смотрели со всех сторон – укоряюще, со страхом, а то и вовсе с неприкрытой враждебностью. Лишь его родители, Кхеллен, Орайа и Осмольд были опечалены, взгляды их были полны горечи и сочувствия. Фиоргаст посмотрел на Кланнора, но тот мрачно покачал головой и отвернулся.

Вот и все. Краткий миг триумфа, которого он ждал, обернулся бессрочным позором, тяжесть его легла на сердце. Фиоргаст побрел прочь. Алейриты расступались перед ним, словно боясь прикоснуться, и ни один не подал ему руки. «Нужно добраться до дома, – думал Фиоргаст, задыхаясь от горького кома в груди. – Добраться до дома, собрать вещи и уйти. Куда?» Этого он не знал. Да не все ли равно теперь…

Кхеллен возник в дверях, когда Фиоргаст складывал в путевой мешок свои инструменты. Увидев брата, он опустил взгляд и отвернулся. Кхеллен молчал. Наверное, нужно было что-то сказать, но слова не шли на ум – те самые, единственно правильные. На свете были лишь четыре существа, которых он любил: родителей, невесту и брата. Сейчас по воле судьбы он безвозвратно терял одного из них.

Фиоргаст засунул в мешок последние вещи и повернулся к двери. Печаль на его лице уступила место решимости. Увидев поникшего брата, он не стал ничего говорить, лишь крепко обнял Кхеллена и прижал к груди. Они попрощались в тишине. Напоследок Фиоргаст крепко пожал руку Кхеллену, который чуть не плакал, накинул котомку на плечо и решительно вышел из дома. Но уйти просто так ему не дали те немногие, что, невзирая на всеобщее осуждение, испытывали к нему теплые чувства. У двери стояли его родители и Осмольд, а чуть поодаль – Орайа и Кланнор.

– Сынок, как же так? – с горечью проговорил Валеар. – Что же за наказание такое… Мы растили тебя в любви, старались дать только самое лучшее, воспитывали и думали, что нам это удалось…

– Вам удалось, – мягко ответил Фиоргаст, опустив на землю мешок. – Благодаря вам я всегда стремился к лучшему. Пусть вы не хотите понять и принять этот… дар, я все равно благодарен вам за то, что вы мне дали. Я… я никогда вас не забуду.

На последних словах его голос дрогнул, и он крепко обнял отца и мать. Хаззель плакала. Она чувствовала, что теряет своего сына навсегда. Валеар сдерживался, но это давалось ему с большим трудом. Кхеллен, стоявший в двери, вытер щеку – по ней медленно катились слезы. Орайа закрыла лицо ладонями.

Наконец Фиоргаст выпустил родителей из объятий. К нему подошел Осмольд и крепко пожал ему руку.

– Пусть тебя утешает то, что здесь остается тот, кто верит тебе, – сказал он. – Я верю в магию, верю в тебя и верю в то, что теперь тебе откроются непостижимые тайны, и ты обретешь величие. Всегда помни об этом.

– Спасибо, друг! – проговорил Фиоргаст, чувствуя, как к горлу подкатывают слезы. – Твои слова станут для меня утешением в трудные минуты. Прощай.

Он поднял мешок, собираясь уйти, но к нему подошла Орайа.

– Я бы очень хотела излечить тебя, но знаю, что ты мне не поддашься, – сказала она с глубокой печалью, слезы текли по ее нежному лицу. – Иди и найди свое счастье. Исполни свою мечту. Мы всегда будем помнить тебя.

Фиоргаст промолчал и слегка поклонился ей. Едва она собралась отойти, он коснулся ее руки, наклонился к ее уху и прошептал:

– Береги моего брата. Я знаю, ты сможешь, а он мне очень нужен. Чует мое сердце, мы с вами еще встретимся. Хотя не знаю, к добру ли…

Орайа молча кивнула. Она знала, как Кхеллен дорог Фиоргасту.

Кланнор на прощание не обнял его и даже не подал руки. Глаза его были холодны, на лице застыло суровое выражение. Фиоргаст попытался найти в его взгляде хоть каплю сочувствия, но натолкнулся на ледяную стену презрения.

– Я считал тебя своим другом, сын Валеара, – мрачно сказал Кланнор, – но ты разрушил нашу дружбу, сговорившись с Тьмой. Я отрекаюсь от тебя. Если мне доведется встретить тебя еще раз, знай, мы теперь враги. Даже не вздумай появляться в Эркаллоне. Если увижу тебя там, сочувствия не жди. Отправляйся к мэллордам, там тебе самое место!

Эльф сжал руки перед грудью в кулаки и сдвинул их, ударив сведенными локтями. Древний жест проклятия стал для Фиоргаста последней каплей, переполнившей чашу его боли и отчаяния, изо всех сил он сжал зубы, чтобы не разрыдаться как мальчишка.

Кхеллен чуть было не кинулся на эльфа – настолько его разъярили сказанные слова, а еще больше время, выбранное для них. После трогательных прощаний гневная речь эльфа казалась кощунственной. Фиоргаст, однако, сумел справиться с эмоциями.

– Мне жаль, что мы вот так расстаемся, – проговорил он с грустной улыбкой. – Просто знай, что Тьма тут ни при чем. В тебе говорят наши традиции, которым ты чересчур веришь. Мир меняется, и вместе с ним должны меняться все мы, но тебе этого не понять. Как бы ты ни называл меня, я все равно скажу тебе: прощай, бывший добрый друг.

В лесах Алейры Фиоргаст не произнес больше ни слова. Он закинул мешок за спину, обвел взглядом всех, кто пришел с ним попрощаться и, низко поклонившись, ушел. За его спиной сомкнулись стволы деревьев, словно чаща поглотила его и отрезала путь назад.

Первой пришла в себя Орайа. Она подошла к Кхеллену и взяла его за руки.

– Нам остается лишь надеяться, что где-нибудь там он найдет свое счастье, – проговорила она.

– Он найдет его, я уверен, – тихо ответил Кхеллен и в последний раз посмотрел в сторону, куда ушел его брат. – Найдет обязательно.

Фиоргаст уходил все дальше, стараясь не сбавлять шага, хоть на плечи давил тяжелый груз пережитого. Всего за один день изменилось все – он навсегда оставлял за спиной то, что любил. Детская мечта, которая казалась ему такой близкой и доступной, поманила и снова отступила. Если бы мудрые сородичи поверили ему! Так нет же, они наотрез отказались принять его дар, и это было обиднее всего.

«Тоже мне, мудрые…» – Фиоргаст горько усмехнулся.

Тот, кто по-настоящему умен, никогда не отвергнет своего счастья. Не упустит возможности, что сама плывет в руки. Значит, не так уж мудры члены Совета? Спустили на него всех собак, особенно Заррон. Раньше Фиоргаст не одобрял его пиетета перед отжившими свое заветами старины, но все же считал его умным и рассудительным. Теперь за недальновидность осталось только презирать его.

«А остальные… К мэллордам остальных! Пусть осуждают сколько хотят. Все они просто заблуждаются. Не будь Заррона, другие члены Совета уж точно прислушались бы ко мне», – думал он, перешагивая через корни деревьев и щурясь на солнце, медленно скатывающееся к горизонту. Хотя другие алейриты тоже пали жертвой проклятых традиций. Иначе не объяснить, почему они решили, что он угодил под влияние Тьмы. «Пожалуй, хорошо, что отца отстранили от голосования, – уныло подумал Фиоргаст и поправил тяжелый мешок. – Ведь ему пришлось бы сделать нелегкий выбор между сыном и сородичами».

«А Кхеллен…» – Фиоргаст вздохнул. Кхеллен был первым, о ком он подумал, когда узнал про свои магические способности. Первым, кто заслуживал чести узнать о даре и, возможно, перенять его, чтобы осуществить свою заветную мечту. Замечтавшись, он думал о том, что когда-нибудь Кхеллен его поймет, они вновь встретятся и станут вместе постигать азы магического искусства, которое не имеет ничего общего с Тьмой. Не подумал Фиоргаст только о том, что заветная мечта его брата вот уже несколько лет как осуществилась.

Все эти размышления время от времени сменялись слепым, безумным отчаянием. Фиоргаст шел и не понимал, зачем, куда… Что ждет впереди? Кланнор дал понять, что в Эркаллоне ему не место. Тогда Фиоргаст не осознал полностью его слов и ответил максимально сдержанно, но сейчас, когда остался один, можно было дать волю чувствам.

Лес вокруг был пустынным. Все знали, куда идет изгнанник, и всячески избегали встречи. Лишь деревья тихим шелестом приветствовали одинокого алейрита и сразу же прощались с ним. И все же шорох ветра в широких кронах и несмолкающий птичий гомон согревали измученную душу Фиоргаста и приносили слабое утешение.

Он перешагнул через звонкий ручеек, бегущий среди валунов, поросших ярким зеленым мхом, и замер – голос леса вдруг умолк. На смену ему пришел жуткий хохот, подобный раскатам грома; он прокатился по округе, распугал всех лесных обитателей и заставил Фиоргаста вздрогнуть от неприятного воспоминания. Единожды услышав, этот страшный смех невозможно было забыть – так хохотало Вечное Древо.

Глава четвертая

Дорога в Корсендор, столицу Шулрена, проходила через дремучий Коарский лес, имеющий дурную славу – здесь обосновались разбойничьи банды, промышляющие грабежом на дорогах королевства. Шулренские власти боролись с этой напастью как могли: направляли в лес боевые отряды, объявляли награду за головы главарей, жестоко карали пойманных разбойников – все было без толку. Лес был действительно огромен и до поры до времени надежно защищал своих обитателей.

Именно эту дорогу выбрал Фиоргаст за неимением другой. Он понимал, что неплохо было бы прибиться к какому-нибудь купеческому каравану. Его снова обуяла тоска: «Будь что будет! Если суждено мне погибнуть от ржавого разбойничьего клинка, так тому и быть».

Фиоргаст поправил мешок на плече, прошел мимо последнего гарнизона шулренцев на опушке леса и нырнул под сень огромных деревьев. Дорога вела его в густой зеленый полумрак, пронизанный бледными лучами утреннего солнца. Лес выглядел так… привычно. Фиоргаст не утерпел – сошел с дороги, продрался сквозь цепкие заросли и побрел по чаще. Он был в самом сердце леса, дышал им, слушал его шепот, чувствовал пружинистую мягкость мха под своими ногами, шершавость и теплоту коры под ладонями, прохладное касание листвы… Это был не совсем тот лес, к которому он привык в Алейре, но все же он манил к себе и дарил успокоение. Фиоргасту казалось, что он слышит, о чем говорят между собой деревья, и это завораживало его.

Два часа пролетели как один миг. В реальность его вернули странные звуки, доносившиеся с дороги. Фиоргаст замер и прислушался: кто-то орал во всю глотку, затем вопли сменились диким хохотом. Алейрит встревожился. Осторожно прокравшись сквозь кусты, стараясь не шуметь, он выглянул на дорогу.

Там творилось нечто страшное, хоть и не удивительное. Лесные разбойники устроили засаду на груженый караван, который отправился в путь незадолго до ухода Фиоргаста. Охрана оказалась не робкого десятка и дала головорезам мощный отпор, но все же проиграла в этой битве. Дорога была залита кровью, повозки валялись по обочинам в окружении мешков с товарами и тел наемников и разбойников. Из тридцати нападавших уцелели семеро, один из которых, мэллорд, был на последнем издыхании. Главарь, его сородич, не пострадал. Он сидел на земле рядом с раненым и отчаянно озирался вокруг, словно в поисках того, что могло спасти жизнь его другу.

Фиоргаст замер. В нем отчаянно боролись стремление помогать всем и присущий всем живым существам страх за собственную жизнь. Он еще раз внимательно посмотрел на лежащего на земле и тихо стонущего раненого. Истинный алейрит не мог не попытаться помочь умирающему, даже рискуя жизнью. Зов сердца победил доводы разума. Фиоргаст выбрался из зарослей и направился в сторону каравана – со стороны это выглядело более чем безрассудно.

Заметив его, разбойники мгновенно вскинули оружие и бросились ему навстречу. Фиоргаст поднял руки, показывая, что он не вооружен. К такому головорезы не привыкли – где это видано, чтобы беззащитная жертва сама шла к ним в руки! – поэтому они медленно окружили Фиоргаста, при этом не подходя слишком близко.

– Эй, Ялин, глянь-ка сюда! – крикнул один из них мэллорду и сплюнул на землю. – У нас тут какой-то блаженный объявился. Что делать с ним?

Несмотря на творящийся вокруг хаос, Фиоргаст успел непроизвольно отметить контраст между разбойниками и их главарем. Окружающие его люди выглядели примерно так, как, по мнению алейрита, и должны были выглядеть разбойники Коарского леса: грязные, изношенные одежды, суровые, скривившиеся от упоения насилием лица, в которых стоило большого труда

найти проблески работы ума, и запах, распространяемый их давно немытыми телами, который было сложно не уловить.

На земле сидел представитель враждебной ему расы и выглядел совершенно по-другому. Он был одет хоть и в пыльный, но добротный и даже изящный легкий доспех. Длинные черные волосы собраны в хвост, ниспадающий на спину, а лицо, склоненное над умирающим товарищем, казалось высеченным из гранита и вполне подошло бы для изображения благородного профиля какого-нибудь правителя или полководца. Алейрит в первый раз в жизни видел мэллорда и успел подумать, что между эльфами и их заклятыми врагами есть что-то общее, в первую очередь, в некоем ощущении аристократического превосходства, которое производила внешность обеих рас.

На этом, впрочем, сходство заканчивалось. Мэллорды обладали гораздо более грубыми чертами лица, крепким, похожим на людское, телосложением, а их отличительным, заметным издалека признаком были глаза. Бóльшие по размеру, чем у людей или эльфов, они обладали непропорционально огромной и яркого желтого цвета радужной оболочкой, в центре которой располагались казавшиеся оттого очень маленькими зрачки. Подобно тому, как часто эльфов за глаза называли «остроухими», мэллордов за эту особенность именовали «глазастыми».

Ялин поднял взгляд на Фиоргаста. Того словно громом поразило – в мэллордских глазах, сосуде жестокости и ненависти, как их называли в Эркаллоне, стояли слезы. Его лицо было перекошено от гнева и отчаяния.

– Убейте его! – заорал он. – Отрежьте ему голову и пошлите в подарочек всей его поганой расе и их остроухим друзьям!

Разбойники расхохотались и подступили ближе, поднимая сабли, но голос Фиоргаста остановил их.

– Я алейрит, и не просто так вышел к вам. Я еще не выжил из ума, – он криво улыбнулся, изо всех сил стараясь не позволить страху сковать себя. – Я могу помочь вашему товарищу.

Гримаса ненависти медленно сползла с лица Ялина. В его глазах вспыхнуло сомнение, но он все же решился – кивнул на своего друга, который стонал от боли, и отошел в сторону. Разбойники расступились, и Фиоргаст опустился на колени возле раненого мэллорда. Ялин тут же оказался рядом и обнажил меч. Железный довод, не поспоришь. «Придется спасти бедолагу, – подумал алейрит. – Других вариантов выжить нет».

Бегло осмотрев рану, Фиоргаст мысленно обругал себя последними словами. Шансов у разбойника было немного, даже Кхеллен вряд ли справился бы. Но умирать Фиоргасту не хотелось, и он принялся за дело. В Алейре всех учили искусству врачевания. Хоть стезю лекаря выбирали лишь некоторые из алейритов, обращаться с простыми ранами умели все без исключения. С простыми, а не с такими, какие видел перед собой Фиоргаст. Очень скоро он понял, что с его умениями они оба обречены, жить им осталось несколько мгновений.

– Ты сможешь спасти его? – негромко спросил Ялин.

Фиоргаст побледнел и понял, что не в силах сказать правду.

– Д-да… Думаю, смогу. Я, кажется, понял, в чем тут дело.

– Да что ты говоришь? – издевательски прошипел мэллорд. – Представь себе, я это тоже понял. В него вошла пара футов железа, вот в чем тут дело. Сдается мне…

Меч Ялина начал медленно подниматься. Фиоргаст в отчаянии оглядывался и натыкался взглядом на тела, лежащие вокруг. «Зачем я к ним вышел? Зачем? Вот таким же сейчас стану и я, – подумал он. – Потом меня изрубят на куски… Приготовься, Фиоргаст. Похоже, придется тебе встретиться с создателем куда раньше, чем ты планировал».

Внезапно Фиоргаста озарило – его дар! Терять ему было нечего: над головой завис меч Ялина, а помочь раненому иначе он не мог. Значит, оставалось одно – воспользоваться причиной своего изгнания. В тот момент Фиоргасту даже в голову не пришло, что от разбойников

тоже можно попытаться избавиться с помощью магии. Применить свой дар для причинения страданий и смерти другим живым существам было выше его понимания.

Фиоргаст сосредоточился и направил все силы на то, чтобы спасти мэллорда, от которого зависела его собственная жизнь. Толком не осознавая, что делает, он приложил ладони к ране и закрыл глаза. Воздух вокруг него словно сгустился, завихрился и вызвал в кончиках пальцев знакомое покалывание. Тогда ему удалось создать огонь из *ничего*. Сейчас нужно другое. «*Ничто* может сотворить все что угодно, и пусть, пожалуйста, пусть это будет… мэллордская плоть!» – мелькнула мысль.

Рана начала зарастать. Разбойники во главе с Ялином ошеломленно отступили на шаг, опустив оружие, и смотрели, как сворачивается кровь, как стягиваются края раны, превращаясь в розовый шрам, который начал исчезать на глазах. Раненый перестал стонать и открыл глаза, но Фиоргаст этого не видел. Силы покинули его в тот момент, когда разбойник попытался что-то сказать, и он рухнул на землю, потеряв сознание.

Очнулся Фиоргаст ближе к вечеру. Нос щекотал аппетитный аромат вареной рыбы. На мгновение ему почудилось, что он дома, и родители приготовили ужин. Но едва Фиоргаст открыл глаза, реальность обрушилась на него кузнечным молотом. Он лежал на поляне неподалеку от костра, над которым дымился котелок, откуда и исходил этот умопомрачительный запах. Рядом с огнем сидели двое. Услышав, что Фиоргаст зашевелился, они с улыбками повернулись к нему. Мэллорды! Алейрита охватил панический страх, и он дернулся, пытаясь отползти подальше.

– Погоди ты! – крикнул Ялин. – Ты что, не признал нас? Этого парня ты вчера спас, и это было настоящее чудо!

Фиоргаст замер, вспомнив, что было до того, как он потерял сознание, но страха от этого у него не убавилось.

– Да не трясись ты так, – добродушно проговорил Ялин. – Иди сюда, поужинай с нами, – он усмехнулся. – Если бы мы хотели причинить тебе вред, ты бы вряд ли очнулся.

Весомый довод. Фиоргаст собрался с духом, нерешительно подошел к костру и сел напротив мэллордов. Ялин, ухмыляясь, подал ему аппетитный кусок рыбы, и голодный алейрит с жадностью набросился на него. Второй мэллорд, которого спас Фиоргаст, дружелюбно подмигнул:

– Мое имя Яморт. Ты мне жизнь спас, я у тебя в долгу. Даю слово мэллорда, что исполню все, о чем ты меня попросишь, если это не будет дороже моей жизни. Как звать-то тебя? Или ты немой?

Фиоргаст дожевал кусок рыбы и задумался. Мэллорды были враждебной ему расой, но они представились, и законы вежливости требовали от него открыть свое имя.

– Меня зовут Фиоргаст, – сказал он наконец. – Не обижайся, я не знаю твоих традиций, но ты мне ничего не должен. Достаточно будет того, что я выживу.

Яморт изменился в лице, словно ему нанесли смертельное оскорбление, и взглянул на Ялина. Тот опустил голову.

– Виноват, – буркнул он. – Ты, Яморт, помирал как раз в тот момент, когда я чуть было не снес ему башку. Фиоргаст, ты уж прости меня, ладно?

– Простить? – усмехнулся Фиоргаст, после съеденной рыбы в нем проснулся характер. – Какой в этом смысл? За что простить? За то, что ты хотел убить меня? За намерение не наказывают. Убил бы ты меня – чувствовал бы себя виноватым?

Ялин метнул на алейрита испепеляющий взгляд, но осознал правоту собеседника и вздохнул.

– Мы тоже не знаем ваших традиций, – сказал Яморт, – но чтим свои. По нашему обычаю, я принес тебе клятву. И никто, будь он хоть огр, не имеет права отказываться!

– Если ты так настаиваешь, – пробурчал Фиоргаст. – Но мне от тебя ничего не нужно, разве что немного еды в дорогу.

– Сделаем, – заулыбался Яморт. – Голодным не останешься. Послушай, – он внезапно стал серьезен, – как ты меня вылечил, а? Я в жизни многое повидал, но такого…

Фиоргаст смутился.

– Это… особые умения, – он запнулся. – Я… не готов говорить об этом.

– Как хочешь, – пожал плечами Ялин. – Но какого эльфа ты вышел тогда из зарослей? Неужто ждал, что мы встретим тебя с распростертыми объятиями?

– Конечно, нет, – ответил Фиоргаст. – Но мы, алейриты, не можем пройти мимо того, кому нужна помощь. Это сильнее страха смерти.

– Одно тебе скажу, алейрит: я никогда этого не забуду, – сказал Яморт, глядя ему в глаза. – Ты ни на миг не пожалеешь, что рискнул.

Фиоргаст неожиданно для себя растрогался, настроение резко переменилось.

– Я и сейчас не жалею, – улыбнулся он. – Более того, рад, что благодаря вам открыл в себе новое умение. Если бы не твой меч над моей головой, Ялин, я бы нескоро понял, на что способен. А еще… – он замялся на мгновение и продолжил немного смущенно, – я впервые увидел мэллордов вживую и начинаю подозревать, что некоторые эльфийские слухи о вас сильно преувеличены.

Мэллорды ответили не сразу. Они переглянулись, после чего глубоко задумались.

– Мне почти полторы сотни лет, – сказал наконец Яморт, – но всю свою жизнь я считал эльфов и всех, кто с ними в союзе, жестокими и бесчувственными тварями. Так нас учили в Лунной Твердыне веками, так учат и сейчас. Поскольку я этому верил, то не испытывал никакой жалости к эльфам, гномам и людям из Шулрена. Как и к алейритам, но таковых по сей день я не встречал. Здесь, в Коаре, я понял, что, к примеру, гномы вовсе не такие мерзкие отродья, как нам рассказывали в Твердыне, – он взглянул на Фиоргаста со странной смесью смущения и восхищения. – Теперь мне повезло встретить живого алейрита. Знаешь, Фиоргаст, ты меня поразил до глубины души. Я и представить не мог, что есть существа, способные на такое самопожертвование.

– Поразил до глубины души? – переспросил Фиоргаст. – Я думал, что у мэллордов нет души. Впрочем, вас двоих недостаточно, чтобы в корне изменить мои взгляды, однако начало положено. Мне еще только тридцать шесть лет, и у меня будет время, чтобы больше узнать о вашем народе, – он умолк на мгновение и уточнил: – Я надеюсь.

– Тридцать шесть?! – изумился Ялин. – Совсем юный. Как тебя занесло так далеко от Алейры? Идешь в Эркаллон? В гости?

– Иду, – кивнул Фиоргаст и вздохнул, – но не в гости. Меня изгнали из Алейры как раз за мои умения, с помощью которых я спас тебя.

– Не может быть! – удивился Ялин. – Алейриты помешались рассудком? Это же настоящий дар – умение излечить то, что излечить невозможно. Или на тебя ополчились не за это, а твой дар стал для них лишь поводом?

Фиоргаст вздохнул и поежился, придвинувшись поближе к огню.

– Я тогда показал им совсем другое, – проговорил он, глядя на пылающие угли. – Я не знал, что могу еще и лечить. Может, в этом заключалась моя ошибка. Но теперь уже поздно что-либо исправлять. У меня один путь – в никуда.

– Жаль мне тебя, – посочувствовал Яморт. – Мы проведем тебя до южной оконечности леса, что у самого Корсендора.

– Я алейрит и в лесу чувствую себя как дома, – возразил Фиоргаст. – Любую шайку я смогу обойти так, что меня не заметят.

– Любую из тех, кто тебя не ждет, – буркнул Ялин. – Таковые все, кроме одной.

Фиоргаст недоуменно посмотрел на мэллордов. Интересно, кто его ждет и зачем?

– Мои бывшие ребята, – ответил на его безмолвный вопрос мэллорд. – Мы взяли тебя под свою защиту и не дали им обчистить тебя, что слегка противоречит неписанным правилам этого места. Они ушли, но будут тебя искать. Пока мы рядом, они не осмелятся напасть.

– Держи карман шире! – неожиданно донеслось из темных зарослей, окружающих поляну.

Пятеро разбойников выбежали, угрожающе размахивая саблями. Мэллорды мгновенно вскочили с места и, обнажив мечи, бросились навстречу нападавшим. Фиоргаст шарахнулся в сторону, упал и отполз подальше, с ужасом наблюдая за происходящим.

На неискушенный взгляд алейрита, Ялин дрался великолепно. Он почти сразу расправился с двумя противниками. Яморт снес голову третьему и продолжил виртуозно биться с четвертым. Еще один разбойник проскользнул мимо дерущихся и бросился на Фиоргаста, который, будучи вне себя от страха, инстинктивно выставил ладонь и сотворил пламя, всеми силами стараясь не задеть нападавшего. Огонь не задел головореза, но на мгновение ослепил его. Ялин довершил дело, оглушив разбойника ударом по затылку. Яморт к тому времени покончил с противником и подошел к собрату, вкладывая меч в ножны.

Фиоргаст обвел мутным взглядом поляну, увидел трупы, отрубленную голову, кровь и его вывернуло наизнанку только что съеденной рыбой. Там, на дороге, он был слишком увлечен раненым, чтобы осматриваться, а здесь выбора не было. Мэллорды дружески похлопали его по плечу.

– Привыкай, дружище, ты не в Алейре, – сказал Яморт. – В большом мире еще не на такое насмотришься.

Фиоргаст был не в восторге, но ему оставалось только смириться. Алейра, тихая и спокойная, осталась далеко позади, а впереди его ждала неизвестность.

Глава пятая

Они расстались на опушке Коарского леса, у самого берега реки Таурели, несущей свои воды через земли Эркаллона и Шулрена. Именно здесь произошло удивительное для того времени событие – алейрит и мэллорды пожали друг другу руки. Фиоргаст направился вдоль берега реки к видневшемуся вдали Корсендору, а мэллорды скрылись в лесу.

Настроение у Фиоргаста после всего произошедшего сильно изменилось. Он покидал Алейру в самом скорбном расположении духа, но кто знал, что его одиночный поход через Коарский лес обернется не только внезапной встречей с заклятыми врагами, но и открытием, ради которого стоило все это пережить. Хоть что-то приятное в его изгнании. Фиоргаст воспрял духом и перестал думать о том, как несправедлив к нему мир. Отныне он мог использовать магию не только чтобы вызывать огонь и крошить камни, но и залечивать раны. Если так, то в будущем… Фиоргаст закрыл глаза и представил себя великим целителем, спасающим целый мир… ладно, целый город от эпидемии! «Посмотрим, что тогда скажут зазнавшиеся старики из Совета Алейры! К тому же, – подумал он, – не может способность залечивать раны произойти от Тьмы. Совет ошибся, – эта мысль вызвала в нем новую бурю гнева. – Нет, не из Тьмы рождается магия, потому что Она не способна на созидание! Источник моей силы в чем-то другом».

Повеселев, Фиоргаст подошел к восточным воротам Корсендора, где его остановила стража. Признав в нем алейрита, стражники дотошно обыскали его мешок – в столице Шулрена к жителям Алейры относились не слишком приветливо. Астрономические инструменты вызвали у них подозрение, но Фиоргаста пропустили в город. Впрочем, он собирался лишь переночевать в Корсендоре и наутро отправиться дальше на юг, к Эркаллону.

На ночевку Фиоргаст остановился на небольшом постоялом дворе на южной окраине города. На ужин он заказал рыбу и овощи. Мясо, как и алкоголь, алейриты в пищу не употребляли. Получив свою тарелку, он отошел в дальний конец зала и сел за небольшой стол. Поел быстро и, откинувшись на спинку скамьи, вновь погрузился в размышления, оттого и не заметил, как к нему подошли двое – эльф и человек.

– Не возражаете, если мы присядем, уважаемый алейрит? – вежливо спросил эльф.

Фиоргаст недоуменно воззрился на непрошеных гостей. Пустых столов в харчевне было достаточно. Вопрос незнакомца его несколько удивил, но вежливость пересилила подозрительность.

– Прошу, – Фиоргаст потеснился.

Гости сноровисто расставили на столе тарелки с ужином – мясным рагу и хлебом, расселись вокруг и быстро все умяли. Фиоргаст подозрительно наблюдал за ними, пытаясь понять, что произошло и чем он обязан такому вниманию со стороны незнакомцев. Когда последние крошки исчезли с тарелок, эльф вытер губы и тоже откинулся на спинку скамьи.

– Вы уж нас простите, – вежливо проговорил он, – но мой друг никогда в жизни не видел алейритов. Мы бы хотели побеседовать с вами. Вы не против?

«Диковинка, – уныло подумал Фиоргаст. – Все смотрят на меня, как на диковинку. Что же мне, рассказывать про прекрасные земли Алейры?» Не в том он был настроении.

– Почему бы и нет? – неохотно отозвался Фиоргаст. – Как вас зовут?

– Эндрот, – представился эльф. – Это мой друг, шулренец Мортморн. А вы…

Фиоргаст оглядел собеседников. Эндрот был высок и худощав, как и все эльфы, обладал изящной фигурой и безупречными чертами лица. Но не внешность привлекла его внимание, а взгляд – с нехарактерной для эльфов хитринкой. По лицу сложно было определить, сколько ему лет, но в его волосах Фиоргаст заметил пробивающуюся седину, что для представителей этой расы было большой редкостью. Одет Эндрот был тоже странно – в облегающую серую куртку

и штаны; так обычно одевались люди. В отблесках пламени свечей на широком поясе, охватывающем тонкую талию Эндрота, сверкал серебряный символ Лавэра – Четвертого, создателя сразу нескольких рас, среди которых не было народа Эркаллона. Для эльфа это было крайне необычным.

Мортморну на вид не было и тридцати, но его жесткие черты лица и проницательный взгляд свидетельствовали об определенном жизненном опыте. Воинская выправка, внушительный рост и атлетическое телосложение довершали образ решительного и смелого человека.

– Фиоргаст из Алейры, – представился он. – О чем вы хотели поговорить?

То, что случилось дальше, алейрит предвидеть не мог. Эндрот быстро скользнул взглядом по сторонам, склонился к нему и тихо спросил:

– Вас изгнали из Алейры?

Фиоргаст побледнел и выпрямился, ошарашенный и несколько испуганный неожиданным вопросом, но постарался взять себя в руки.

– С чего вы взяли? – холодно осведомился он. – Никого из Алейры не изгоняют. Что за чушь?

– Тогда как вы объясните то, что сегодня здесь объявился эльф по имени Кланнор и от имени королевского советника Эристара передал властям Шулрена просьбу не давать приют некоему изгнанному с родины алейриту, который выглядит как… вы? – негромко спросил Мортморн.

На Фиоргаста снова нахлынули воспоминания.

– Почему вы подошли ко мне, если узнали меня и помните приказ Кланнора? – сухо спросил он.

– Мы свободные элмарцы и не подчиняемся ни Кланнору, ни Эристару, – усмехнулся Эндрот. – Местные власти все еще не издали никаких приказов, поэтому мы решили вас разыскать.

– Зачем? – хмуро поинтересовался Фиоргаст.

– Чтобы узнать, как такое могло произойти, в чем алейрит мог провиниться перед мудрым Советом Алейры, – проговорил Мортморн.

– Ха, мудрым, – невесело усмехнулся Фиоргаст. – Мудрость Совета запятнана бездумным следованием древним традициям моего народа.

Эльф и человек многозначительно переглянулись.

– У моего друга среди офицеров городской стражи есть знакомые, которые рассказали, чем этот Кланнор обосновал свою просьбу, – сказал Эндрот. – С его слов, причина вашего изгнания – чернокнижие.

Фиоргаст горько усмехнулся и покачал головой.

– Также он вскользь упомянул о создании пламени из *ничего*. В зависимости от того, во что верит обычный человек, такое вызывает у них либо страх, либо недоумение. Но у меня есть другие соображения.

Фиоргаст ничего не ответил, продолжая буравить взглядом стол.

Не дождавшись ответа, эльф продолжил:

– Мой учитель много лет назад рассказал мне, что когда-нибудь смертные познают процесс творения и смогут создавать что-то новое, что-то великое и могущественное. Существует пророчество, в котором говорится об этом. Веками после того, как учитель исчез, я ждал момента, когда это произойдет. Я устал ждать и сосредоточился на другом, но благодаря Кланнору вспомнил об этом пророчестве.

Фиоргаст поднял голову и с удивлением посмотрел на существо, чей учитель называл жителей Элмара *смертными*. Эндрот смотрел на него спокойно и открыто.

– Кем был твой учитель? – спросил алейрит.

– Великий Лавэр, – с улыбкой ответил Эндрот. – Следующий вопрос тоже понятен. Этой осенью мне исполнится тысяча сто двадцать семь лет.

Некоторое время Фиоргаст ошеломленно таращился на эльфа. Всем было известно, что эльфы живут долго, несколько сотен лет, но тысячу… В Алейре многое знали об Эркаллоне и населяющей его расе, но таких случаев Фиоргаст не помнил, тем более что стариком этот Эндрот не выглядел. Да, ему явно было много лет, но тот же Эристар, который разменял четвертый век, не выглядел моложе.

– Я тоже сначала не поверил, – усмехнулся Мортморн, отхлебывая из кружки, – а со временем как-то привык.

Фиоргаст еще некоторое время сидел опешив, затем усилием воли взял себя в руки.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите, – проговорил он наконец.

– Хочу понять, о тебе ли говорится в пророчестве, – ответил эльф спокойно. – Хочу узнать, какой силой ты обладаешь и на что способен. Если в пророчестве моего учителя речь и вправду идет о тебе, я хочу стать свидетелем твоего дара.

– Дара, – Фиоргаст покачал головой. – Подумать только! Я не понимаю тебя, эльф. Твой народ первым осуждал любые намеки на происки Тьмы. Тьма отняла у вас вашего создателя и обрекла на столетия горя и страданий, поэтому все, что может идти от нее, достойно порицания. Разве не так?

– Я – не мой народ, – Эндрот подался вперед, в его голосе зазвенела сталь. – Я подобен тебе, алейрит. За то, что я стал учеником Лавэра, иного Четвертого, нежели наш создатель, я был изгнан со своей родины и наречен Отступником. Если ты, – глаза его сверкнули, – действительно способен сотворить пламя силой мысли, то именно о тебе говорится в пророчестве! Именно твой дар – это то, что предвидел Лавэр, то, что сможет навсегда изменить жизнь всего Элмара! Если ты позволишь, я хотел бы помочь тебе.

Пылкая речь эльфа слегка ошарашила Фиоргаста, и теперь он лихорадочно думал. С одной стороны, помощь существ, которые разбирались в жизни гораздо больше него, ему не помешала бы. С другой стороны, какое-то пророчество…

– Я не настолько верю в то, что говорит мой друг, – проговорил Мортморн, – но точно знаю, что он зла за душой не держит и обмануть тебя не стремится. Что касается меня, могу откровенно сказать, что мне просто интересно. Если ты и вправду можешь вызывать пламя, я очень хотел бы на это посмотреть. Когда еще выпадет шанс стать свидетелем настоящего чуда, – он улыбнулся. – В отличие от этих остроухих умников из Эркаллона, мне до Коарского леса все эти рассуждения о Тьме, Четвертых и прочих заумностях.

– Что же вы предлагаете? – Фиоргаст переводил настороженный взгляд с одного на другого.

– Помощь, – ответил Эндрот. – Добрый совет. Надежную защиту. Ты смог в одиночку пройти через Коарский лес невредимым, судьба хранит тебя.

В этот момент Фиоргаст не удержался от усмешки.

– Если ты примешь наше предложение, сможешь рассчитывать не только на удачу. Кроме того, в отличие от моих собратьев, мы не считаем тебя достойным порицания, совсем наоборот.

– Зачем вам это?

– Участие, – проговорил эльф чуть торжественно. – Участие в том, что открывается тебе. Своими глазами лицезреть исполнение пророчества Великого Лавэра – что еще нужно его ученику?

Фиоргаст прищурил глаза, внимательно разглядывая эльфа и пытаясь понять, насколько он искренен. Тот ответил ему прямым честным взглядом. На простодушном лице Мортморна был написан живой интерес и больше ничего. Подозрительно, что в первом же крупном городе его нашли те, для кого вести о нем были столь притягательны. Тряхнув головой, Фиоргаст решил не противиться подаркам судьбы.

– Хорошо, я принимаю вашу помощь, но хочу сразу предупредить: пока я сам очень мало понимаю в своих умениях, поэтому многого ждать не стоит.

– Значит, это действительно правда? – вырвалось у Мортморна, который явно меньше своего спутника был склонен верить в неправдоподобные слухи. – Ты действительно обладаешь могуществом, как Волшебник Кронн?!

Фиоргаст не удержался и звонко рассмеялся – впервые за несколько дней. Волшебник Кронн был одним из персонажей шулренских сказок, которые в детстве ему рассказывал Осмольд. Этот персонаж умел управлять четырьмя стихиями и летал на благородном грифоне, не менее сказочном существе. Если мага Фиоргаст теперь мог представить себе в реальности, то грифон по-прежнему оставался за рамками возможного.

На лице Мортморна проступила смесь недоумения и легкой обиды, поэтому алейрит решил сразу загладить свою вину. Он огляделся, удостоверился в том, что на них не смотрят, чуть наклонился вперед, положил руку на стол ладонью вверх и сосредоточился. Человек и эльф переглянулись не понимая, что он делает, и в этот момент над его ладонью появился небольшой шарик огня. За мгновение он вырос до размеров крупного яблока, после чего Фиоргаст сжал кулак и огонь исчез.

Лица Эндрота и Мортморна в этот момент напоминали лица детей, которым только что показали новый чудесный фокус. Они оба подались вперед, глядя на руку алейрита с широко раскрытыми глазами и полуоткрытыми ртами. Особенно комично смотрелся тот, чей внушительный возраст так и не лишил его способности радоваться как дитя.

– Потрясающе, – с благоговением проговорил эльф, и Мортморн согласно закивал. – Значит, это правда, – он поднял взгляд на алейрита. – Я благодарю тебя за это и за то, что ты принял наше предложение.

– Что же вы предлагаете мне делать теперь? Я думал идти в Эркаллон, у меня есть там друзья, но если Кланнор…

– Ты абсолютно прав, – уверенно перебил его Эндрот. – Нам нужно в Цайлорн. Именно там, в столице эльфийских земель, в королевской библиотеке хранится то, что тебе поможет – пророчество, о котором я говорил. Лавэр сделал его до наступления Темного Времени. Я перевел его на эльфийский и записал, рукопись должна быть там. Нам нужно найти ее. Моя память не способна вспомнить детали. Возможно, именно в пророчестве ты найдешь советы, как развивать свои силы, как совершенствовать способность творить.

– Тогда мы выезжаем? – неуверенно уточнил Фиоргаст не понимая, должен он командовать или спрашивать, или предлагать.

Оба его собеседника почувствовали это.

– Решение за тобой, – пожал плечами Мортморн. – Дорога до Эркаллона на лошадях займет пару дней, если выезжать с рассветом.

– Я не умею ездить верхом, – смущенно проговорил алейрит.

– Поедешь со мной, – сказал эльф. – Если захочешь, на будущее я научу тебя держаться в седле. Насколько я знаю, у алейритов от природы талант к взаимодействию с животным миром, так что это не составит для тебя труда. Правда, я не уверен, что лошадь тебе подойдет.

– По размеру? – уточнил Фиоргаст.

– Да. Если лошадь окажется для тебя слишком большой, возьмем пони. Полурослики обычно так делают. Ты ростом повыше, но по телосложению им уступаешь. Не знаю, возможно, у алейритов свои способы управлять лошадьми. Во всяком случае, попробуем.

– Тогда лучше дождаться рассвета и переночевать тут, – неуверенно озвучил свое решение Фиоргаст.

Его собеседники согласно закивали. За окном был ранний вечер, и оба они горели желанием больше узнать о своем новом знакомом. Фиоргаст набрался смелости и начал рассказывать им свою историю – от момента, когда рассыпался в пыль первый камень, на который

он обрушил свою обиду, до последних слов друзей и родителей, сказанных ему на прощание. Лишь о встрече с мэллордами в Коарском лесу алейрит решил умолчать.

Глава шестая

Разношерстная компания не могла не привлекать внимания. По дороге из Корсендора на юг каждый встречный считал своим долгом если не заговорить, то проводить их долгим взглядом. Фиоргаст, которого это довольно скоро начало раздражать, поглубже натянул капюшон своего плаща и всячески пытался изобразить из себя эльфийского подростка, которого отец вез на своей лошади. От праздного внимания это почти не спасало, но Эндрот был талантливым дипломатом и всегда имел в арсенале пару вежливых витиеватых фраз, от которых любопытные путники впадали в ступор.

В конце первого дня пути они остановились на ночлег на постоялом дворе, коих на тракте от Корсендора до Цайлорна было великое множество. Разместившись в углу подальше от чужих взглядов, путники занялись ужином. Сытная похлебка и кувшин вина скрашивали вечер, равно как и ворох новых вопросов, которыми они засыпали Фиоргаста. Алейрит был рад благодарным слушателям, тем более эльф легко мог поспорить с ним в знании истории. Разговор был интересным и, слишком увлекшись им, они не сразу осознали, что перед их столом кто-то стоит.

Это были трое вооруженных эльфов, двое из которых носили простую дорожную одежду, а третий щеголял в изящном кожаном доспехе.

– Что за знак у тебя на одежде, сородич? – с оттенком угрозы в голосе осведомился эльф в доспехе.

Эндрот и Мортморн отвлеклись от беседы и смерили взглядами незваных гостей. Фиоргаст инстинктивно вжался в стул, что был слишком большим для него. Непрошенное внимание все так же раздражало и пугало его.

– Это прекрасный символ одного из величайших Четвертых, – с улыбкой отозвался Эндрот. – Ему не одна тысяча лет.

– Ты же Эндрот? Отступник! – внезапно прищурился эльф.

– Твоя проницательность делает тебе честь. Ты назвал мое имя, но не сказал своего.

– Я Эрадан, офицер войска Эркаллона, – мрачно сказал эльф. – Всем известно, что Отступнику запрещено появляться на территории Эркаллона и союзных государств, тем более в компании алейрита, которого изгнали из земель его народа за чернокнижие.

Фиоргаст почувствовал себя неуютно. Надо же, и сюда добрались вести про его изгнание – причем явно со слов Кланнора. Мортморн успокаивающе похлопал Фиоргаста по плечу. Эндрот же продолжил словесную перепалку с Эраданом.

– Твое законопослушание похвально, – проговорил он, – но в твоем знании законов наших земель есть пробелы. Изгнание из Эркаллона часто используется как наказание за преступления, однако подобное наказание не может длиться более тысячи лет, о чем ясно говорится в самом первом своде правил, составленном при участии нашего создателя. Приговор мне вынесен зимой сорок первого года Темного Времени. Вот уже одиннадцать лет, как я могу вернуться на родину, не нарушая условий своего изгнания. Что касается моего друга, – Эндрот кивнул на хмурого Фиоргаста, который замер в углу, – то я на вашем месте проявил бы уважение к гостю из Алейры и знаниям, которые хранят жители тех земель.

Выслушав его, Эрадан слегка поостыл и какое-то время молча переводил взгляд с эльфа на алейрита, затем чуть подался вперед, опершись кулаками на столешницу.

– Я уважаю жителей Алейры и чту законы Эркаллона, поэтому приношу свои извинения, Отступник, – негромко произнес он. – Но если все, что говорят про вас – правда, то в Эркаллоне вас ждет не слишком теплый прием.

Эльф развернулся и вместе со своими спутниками покинул постоялый двор.

– Чернокнижник! – воскликнул Фиоргаст, расстроенный до слез. – Ну почему, почему они не могут понять?! Почему так держатся за свои дурацкие традиции, когда перед ними открывается новый мир?! – он что было силы стукнул кулаком по столу. – Почему они все считают, что источник моей силы – во Тьме?!

– Потому что не понимают, – проговорил Мортморн. – Забудь про них и делай то, что считаешь нужным. Когда-нибудь ты добьешься успеха в своем деле и сможешь показать им, как они заблуждались.

– Эх, – вздохнул Фиоргаст. – Ты, конечно, прав. К мэллордам их! Пойду по своему пути один.

– Не один, – улыбнулся Эндрот.

– Не один, – согласился алейрит.

Увидев измученную лошадь с боками в мыле и натертой до крови холкой, конюх укоризненно прищелкнул языком: разве можно так обращаться с животным? Тем более из королевских конюшен, которыми с разрешения правителя пользовались все его ближайшие соратники. Бедное животное почти до смерти загнал сын первого советника Эристара, самого уважаемого из сановников Эркаллона.

Кланнор очень торопился, поэтому на ворчание конюха не обратил никакого внимания. Он проделал огромный путь от Алейры до Цайлорна, столицы Эркаллона, чтобы сообщить важные новости, однако первым делом отправился не к королю, а к отцу.

Кланнор вбежал в покои Эристара, и советник сразу понял, что случилось что-то серьезное. Давно он не видел своего сына таким встревоженным, почти испуганным.

– Отец, у меня ужасные новости из Алейры! – выпалил Кланнор с порога.

Эристар поднялся из-за стола, налил воды в кубок и протянул его сыну. Тот залпом осушил его и упал в кресло.

– Рассказывай, – проговорил советник. – Что такого случилось, что ты мчал сюда так, будто за тобой гнались мэллорды? Только не торопись, давай по порядку.

– По порядку не получится, – выдохнул Кланнор. – Отец, Фиоргаста изгнали из Алейры за то, что он предался Тьме и обрел способность к магии. Он научился создавать пламя из *ничего*!

Эристар нахмурился. Каждому эльфу с юных лет внушают, что на подобные деяния способны только Четвертые и Тьма, но поверить в произошедшее было сложно.

– О чем ты говоришь? Какой магии? Это выдумки из детских сказок людского рода.

– Отец, я видел все своими глазами! Я видел, как он призвал огонь, который превратил в пепел кресло Главы Совета Алейры!

Эристар не знал, что думать. Либо все это шутка, однако его сын не отличался пристрастием к глупым выходкам, либо Кланнор говорит правду, и тогда дело принимает опасный оборот.

– Успокойся, – проговорил он. – Расскажи все подробно.

Кланнор закивал и начал сбивчиво рассказывать отцу все, что увидел в Алейре. Эристар внимательно слушал, изредка качал головой, в которой роилось все больше тревожных мыслей. Упоминание о хохоте Вечного Древа особенно сильно впечатлило королевского советника.

– Ты считаешь, что все сделал правильно? – негромко спросил он, когда Кланнор закончил свой рассказ.

Неожиданный вопрос встревожил Кланнора.

– Ты считаешь, я поступил плохо?

Эристар покачал головой.

– Валеар, Хаззель и их дети – близкие друзья нашей семьи. Их сын овладел какими-то силами, которые неведомы нам. Судя по твоему рассказу, Фиоргаст сам не понимает,

откуда они взялись. Ты же обвинил его в чернокнижии и одним махом разрушил многолетнюю дружбу. По-твоему, это правильно?

Кланнор непонимающе посмотрел на отца.

– Но… Ведь я своими глазами… Разве есть иное объяснение тому, что я видел? Никто, кроме Четвертых, не имеет способностей к истинному творению. Значит, это деяния Тьмы!

– Разве Тьма обладает способностями к такому творению?

– Но, отец, Тьма накрыла наш мир и лишила нас наших создателей. Что еще могло дать Фиоргасту такие силы?

– Я не знаю, – Эристар покачал головой. – И никто не знает. Но дружба с их семьей – это одна из самых больших ценностей в моей жизни. Твоя сестра очень привязана к Фиоргасту, они в чем-то похожи – оба отличаются от своих сородичей. Тем не менее ты решил действовать необдуманно.

Кланнор все больше мрачнел. Он рассчитывал на поддержку отца, а получил нагоняй, словно набедокуривший подросток.

– Отец, я понимаю твою… нашу привязанность к ним, но наш долг перед создателем – не допустить влияния Тьмы на жизнь нашего мира. Разве не так? Разве не об этом говорил его величество бессчетное число раз?

– Король Эвенар не стал бы действовать так скоропалительно, не разобравшись в деталях, сын мой.

Кланнора одолевали смешанные чувства. С одной стороны, он понимал, что разочаровал отца, и это было крайне неприятно. С другой стороны, не мог взять в толк, зачем нужна такая осторожность и такое внимание к деталям, если он своими глазами видел именно то, что в книгах, в летописях и в речах короля описывалось, как враждебная для создателя и его созданий сила.

– Отец, я думаю, нужно сообщить об этом его величеству. Король мудр и найдет решение…

– Нет, – резко сказал Эристар.

Кланнор удивленно посмотрел на него.

– Ты будешь хранить молчание. Нам нужно понять, что на самом деле произошло. Если Фиоргаста изгнали из Алейры, у него нет другого пути, кроме как в Эркаллон. Я не хочу, чтобы его встретили здесь как чернокнижника, пока я и твоя сестра сами не поверим в это. Ты понял меня?

Кланнор некоторое время молчал, исподлобья глядя на отца, затем кивнул, поднялся и вышел из комнаты.

Эристар откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления.

Цайлорн был основан более тысячи лет назад, еще до наступления Темного Времени. Создатель эльфов, Четвертый по имени Иллирион, проводил здесь много времени, обучая своих детей и давая им первые знания о мире. В большой город Цайлорн, у которого тогда было другое название, превратился в начале второго века Темного Времени и по сей день оставался центром объединения эльфийских земель.

На протяжении всей истории город постоянно достраивался. Поначалу его окружал лишь невысокий частокол для защиты от диких зверей, но в четырехсотом году состоялось знакомство с расой мэллордов. Никто точно не знал, кто начал многовековое кровопролитное противостояние, обе стороны винили друг друга. Первый конфликт с мэллордами заставил эльфов по-другому взглянуть на свои города. Цайлорн обнесли каменной стеной высотой в два человеческих роста и толщиной в шаг.

Самое грандиозное строительство затеял тогда еще молодой советник Эристар. В семьсот восемьдесят девятом году у Цайлорна, который уже имел такое название после гибели пер-

вого эльфийского короля, появились укрепления, превратившие город в настоящую крепость, способную выдержать длительную осаду. Эту работу по просьбе короля Эвенара проделали их новые и с тех пор вечные союзники – гномы из Насгорда.

В стене было пять ворот. Четверо носили названия, созвучные со сторонами света, а пятые в знак долгой дружбы между двумя государствами назвали Шулренскими. Эти ворота выходили на северо-запад и через них пролегала самая оживленная дорога – на Корсендор. Именно их и выбрали трое путников, закутанных в плащи. Они старались слиться с толпой, но Серебряные Клинки, городская стража Цайлорна, все же выловили их в шеренге путников, которая медленно двигалась в город. Внимание стражников привлек символ Лавэра на поясе Эндрота, и один из них поинтересовался, не Отступник ли он. Эндрот лукавить не стал, и всех троих под конвоем повели в королевский дворец.

Глава седьмая

В тронном зале королевского дворца шло представление – две актерские труппы из Шулрена развлекали Эвенара и его приближенных пьесой, которая живописала мудрость короля Цайлорна, отца Эвенара, и храбрость его воинов во время одной из самых кровопролитных войн Эркаллона и Лунной Твердыни. Представление подходило к концу, на сцене царил кульминационный накал страстей – гибель Цайлорна от рук мэллордов и праведная месть молодого принца, когда в зале появилась группа Клинков, ведущих под конвоем весьма странную компанию.

Спектакль не относился к числу торжественных мероприятий, поэтому большая часть королевских советников отсутствовали. Недалеко от трона сидели Эристар, первый советник его величества, в строгих одеждах дорогого покроя без каких-либо украшающих элементов, и его дочь, одетая под стать отцу в скромное, но элегантное платье темно-зеленого цвета. На открытой шее сверкала тонкая ниточка ожерелья, а волосы были собраны в утонченную прическу по местной моде.

Офицер Серебряных Клинков тихо заговорил с одной из командиров королевской стражи, объясняя причину своего визита. Эльфийка в доспехах некоторое время размышляла, стоит ли ради этого прерывать представление, и решила, что событие такого масштаба в реальности важнее, чем то, что давно осталось в истории. Стражница вышла на середину зала, актеры умолкли и расступились. По залу пробежал недовольный шепот, на лице Эвенара проступило недовольство.

– Капитан Меара, как это понимать? – осведомился он.

– Ваше величество, во дворец доставлен Отступник Эндрот, задержанный на Шулренских воротах при попытке попасть в город.

По залу снова пробежал шепот, взгляды присутствующих устремились на пленников. Эвенар нахмурился, затем сделал знак подвести их ближе. Клинки проследовали в центр зала, и большая часть зрителей подалась чуть вперед, ожидая, что перед ними начнет разворачиваться действие другой пьесы, ничуть не менее интересной, чем сцена гибели первого короля Эркаллона. Стражники довели задержанных до центра зала и отступили в стороны.

Удивлению собравшихся не было предела. Некоторое время в зале царила полная тишина, пока король и его приближенные пытались осознать тот факт, что их сородич-ренегат действительно посмел вернуться из небытия прямо в тронный зал Цайлорна.

Двое эльфов были удивлены больше других. Возвращение Эндрота было значимым событием, но то, что вместе с ним в Цайлорн пришел Фиоргаст, поразило Эристара и Илрену гораздо сильнее.

– Ваше величество! – нарушил тишину спокойный голос Эндрота. – Рад видеть вас в добром здравии, а мою родину – в состоянии мира и покоя. Серебряные Клинки решили задержать меня и моих спутников, но я надеюсь, сие досадное недоразумение не омрачит этого светлого дня. Понимаю ваш интерес к моей скромной персоне и с удовольствием побеседую с вами, но сперва я бы хотел убедиться, что моей свободе ничто не угрожает.

Король некоторое время буравил взглядом своего гостя и не отвечал, затем поднялся с трона и сделал несколько шагов вперед. Лицо его, будто отлитое из гранита, обрамленное светлыми локонами, подчеркивал тон его одежды: изящная туника темно-синего цвета, расшитая по краям тонкими золотыми и серебряными узорами; накинутая на плечи мантия, украшенная разнообразными эльфийскими письменами; дополнял образ покоящийся на поясе меч искусной работы. Увенчанный изысканной золотой короной, Эвенар выглядел величественно и даже угрожающе.

– Отступник, – проговорил он наконец, – ты был изгнан из наших земель за предательство перед создателем. Многие считали, что тебя давно нет на свете, но, видимо, дурная кровь продлевает жизнь. Ты посмел вернуться сюда, зная, какое наказание неизбежно ждет тебя?

– Ваше величество, смею напомнить вам, что в приказе правителя всех эльфов Цайлорна о моем изгнании был обозначен срок наказания – одна тысяча лет. Минуло одиннадцать лет с тех пор, как этот срок подошел к концу, а потому моя родина не может не принять меня.

Эвенар поджал губы и, заложив руки за спину, стал медленно обходить гостей по кругу. На Фиоргаста он бросил краткий удивленный взгляд, Мортморн не удостоился его внимания. Алейрит тем временем поймал взгляд Илрены и радостно кивнул, она ответила ему теплой, хоть и грустной улыбкой.

Прошло менее минуты, прежде чем король вновь оказался рядом с Эндротом. Зал безмолвствовал, не считая тихих перешептываний, и ждал решения своего правителя. Эвенар повернулся лицом к гостю и проговорил:

– Законы Эркаллона едины для всех. Ты выдержал свое изгнание и вернулся. Однако здесь ты не найдешь ни уважения, ни гостеприимства. Ты принадлежишь к нашему народу, и это твой дом, поэтому можешь быть свободен. Но знай, если ты нарушишь наши законы или начнешь проповедовать от имени своего *учителя*, – на последнем слове он скривился, – тебя ждет новое наказание.

Вместо ответа Эндрот поклонился в знак понимания и повернулся к своим спутникам, намереваясь что-то сказать им, но король продолжил:

– Вместе с тем среди наших гостей я вижу представителя Алейры. Скажи мне, уважаемый алейрит, что сподвигло тебя оказаться в обществе Отступника?

Присутствующие в зале обратили внимание на Фиоргаста. Тот беспокойно огляделся, вновь обменялся взглядом с Илреной, затем с Эристаром, облизнул пересохшие губы и ответил:

– Ваше величество, я… я покинул… Я направился сюда из Алейры и по пути…

– Мы встретились с уважаемым алейритом в Шулрене, – пришел Эндрот на помощь. – Представители Алейры славятся своими знаниями в области истории, медицины и природы. Чтобы разрешить часть наших споров с помощью королевской библиотеки Цайлорна, мы решили приехать сюда вместе. Основная цель нашего визита…

– Я понял, – Эвенар поднял руку, не дав ему закончить. – Мы всегда рады видеть наших друзей из Алейры. Добро пожаловать в Эркаллон.

Фиоргаст закивал и неловко поклонился. Эвенар улыбнулся уголками губ, развернулся и направился к трону.

– Доступ в королевскую библиотеку открыт для любого эльфа или алейрита, – проговорил правитель по пути. – Надеюсь, вы найдете там новые темы для своих бесед. Теперь оставьте нас, у нас есть неоконченное дело.

Эвенар вернулся на трон, королевская стража уводила гостей, а актеры вновь заняли свои места. Эндрот с улыбкой кивнул Фиоргасту, и тот с облегчением вздохнул. Мортморн буркнул себе под нос, что пыль под ногами стоит большего внимания, нежели простой шулренец.

Стражники вывели их из тронного зала в коридор, после чего отошли на несколько шагов и продолжили молча наблюдать за ними. Эндрот, виновато улыбнувшись, сообщил, что не имеет ни малейшего представления, где находится королевская библиотека, когда к ним быстрым шагом вышла Илрена.

Фиоргаст с улыбкой бросился к ней, и они обнялись.

– Я… Я боялся, что и ты тоже…

– Я – не мой брат, – покачала головой эльфийка. – Мы с отцом считаем, что делать какие-либо выводы о твоих… способностях преждевременно. Отец запретил Кланнору сообщать об

этом другим советникам или его величеству, пока мы не будем в чем-то уверены. Так что тебе не о чем беспокоиться.

Фиоргаст просиял.

– Спасибо тебе, – с чувством проговорил он. – Я знал, что ты не сможешь просто так… отречься от меня.

Эльфийка мягко улыбнулась и сжала его руку в своей.

– Вы и ваш отец правы, – проговорил Эндрот.

Оба удивленно посмотрели на него, словно забыв на мгновение, что они не одни.

– Делать какие-то выводы преждевременно. В библиотеке должны быть свитки с пророчеством Лавэра, которое я когда-то записал на эльфийском. Нам нужно их найти. Я уверен, там говорится про способность творить разумом, и мы найдем ответы в этом пророчестве.

Илрена некоторое время оценивающе смотрела на него, затем перевела взгляд на Фиоргаста.

– Как пересеклись ваши пути? И почему Отступник так много знает о тебе?

– Мы встретились в Шулрене, – ответил Фиоргаст. – Эндрот рассказал мне, что он помнит некое пророчество своего учителя, Четвертого Лавэра, в котором может говориться обо мне.

– Уважаемая Илрена, – проговорил Эндрот, – вы не могли бы рассказать нам, как пройти в библиотеку? Последний раз я был здесь, когда этого дворца не было.

– Я Мортморн, кстати говоря, – встрял шулренец с ухмылкой.

– Прошу прощения, Мортморн, – улыбнулась эльфийка. – Я слишком рада видеть моего друга. Я Илрена.

Шулренец благодарно кивнул и чуть приосанился.

– Я провожу вас, идемте.

Эльфийка уверенным шагом повела их по коридорам дворца. Двое королевских стражников шли за ними на достаточном расстоянии, не особо скрываясь. Они проследовали по многочисленным коридорам, переходам, лестницам и большим красивым залам, которые произвели сильное впечатление на Фиоргаста и Мортморна. На одном из нижних уровней Илрена подвела их к огромной двери гномьей работы. Она была открыта, рядом стояли два стражника. Илрена обменялась с ними парой слов и жестом пригласила следовать за ней.

Просторное помещение, в котором они оказались, было заставлено высокими деревянными шкафами, полки которых загромождали многочисленные свитки и книги. Часть из них была покрыта многолетней пылью, что никак не портило впечатления. Фиоргаст и Мортморн застыли у входа в изумлении. Казалось, рядам полок не было конца.

– Большая часть того, что здесь находится, особой ценностью не обладает, – Илрена тут же развеяла их благоговение. – Сюда попадает все, чему больше нет надобности быть «в деле»: старые договоры, списки материалов при строительстве и тому подобное. Советники верят, что сведения, записанные однажды, не должны уничтожаться, поэтому пусть вас не пугают объемы. То, что вас интересует, будем искать в конкретной части библиотеки.

Эльфийка уверенно повела их вперед, через какое-то время резко свернула с главного прохода вправо и остановилась перед двумя рядами стеллажей, на которых лежали особо ветхие свитки и книги. Казалось, тронь их и они рассыплются в прах.

– Где-то здесь, – сказала Илрена без особой уверенности в голосе.

Мортморн тихо присвистнул, оглядевшись вокруг, потрогал корешок старинного фолианта и посмотрел на Эндрота.

– Что конкретно мы ищем, дружище? – спросил он.

Илрена с удивлением посмотрела на человека, так панибратски общающегося с Отступником, который старше его в несколько десятков раз.

– Это отдельный свиток, – Эндрот потер пальцами виски и погрузился в воспоминания. – Очень древний, и он будет отличаться от, например, вот таких, – он взял произвольный свиток с ближайшей полки. – Это бумага, которая вошла в обиход не так давно, по моим меркам. Пророчество я записывал на особой коже, название которой не помню. На внешней стороне свитка я вывел символ Лавэра, это должно помочь нам в поисках.

– Что ж, нам предоставлено все время этого мира, – пробормотал Мортморн. – Приступим?

– Ты поможешь нам? – спросил Фиоргаст, повернувшись к Илрене.

– Разумеется, – кивнула она.

Все четверо взялись за работу – выбрали по стеллажу и начали внимательно перебирать их содержимое. Они очень осторожно обращались с ветхими фолиантами, поэтому дело двигалось медленно.

Прошло несколько часов, прежде чем Эндрот издал торжествующий крик, который разнесся по всей библиотеке. Он стоял на приставной лестнице на уровне одной из верхних полок и тряс свитком. Символ Лавэра был отчетливо виден на потемневшей от времени коже.

– Что? Что там? – с интересом поторопил Мортморн.

Эльф собрался было развернуть свиток, но остановился и задумался, после чего улыбнулся и протянул его Фиоргасту.

– Это пророчество о тебе, у меня нет сомнений, – сказал он, – поэтому ты должен прочитать его первым.

Фиоргаст с благоговением принял свиток из его рук и начал аккуратно разворачивать его. Едва он успел отогнуть край, как послышался топот многочисленных шагов, и Илрена, предчувствуя что-то, вцепилась рукой в плечо Фиоргаста, призывая его разворачивать быстрее. Материал был слишком хрупок, и алейрит прекрасно понимал, что ему не успеть.

Из-за поворота вышел король Эвенар со своими телохранителями и Кланнором с выражением праведного гнева на юном лице. Фиоргаст испуганно охнул и инстинктивно положил руку на ладонь Илрены, сжимающую его плечо.

– Древо, плодоносящее гниль, не изменится и за тысячу лет! – проговорил Эвенар, подходя ближе.

Стражники быстро взяли всех в кольцо. Кланнор бесцеремонно вырвал свиток из руки алейрита. Илрена гневно сверкнула глазами, но брат не обратил на нее внимания.

– Ты отравлял наши земли словами и идеями своего учителя, презрев наставления нашего создателя. Ты вновь явился к нам, чтобы стать на сторону пособника Тьмы!

– Да какой Тьмы? – вскричал Фиоргаст, неожиданно почувствовав себя не в смятении, а в ярости. – Почему ваш древний народ считает процесс творения чернокнижием? Ведь это может быть новой вехой в истории! Сколько прекрасного может быть создано, если вы раскроете глаза и забудете про ваши вековые заблуждения!

– Творение, подобное твоему, ведомо лишь Четвертым! – глаза короля засверкали, а в голосе зазвучала сталь. – Проклятая Тьма отделяет нас от них, и нет иного источника подобной силы, нежели она!

– Эвенар, ты заблуждаешься! – воскликнул Эндрот. – В этом свитке мое пророчество! Точнее, пророчество великого Лавэра. Прочти его! Прочти, и ты поймешь…

– Мне нет дела до слов Четвертого, который не создавал, не заботился и не наставлял мой народ! Ты дважды предал нас, Отступник! Поэтому я сделаю то, что до меня сделал мой отец. Я изгоняю из Эркаллона тебя и твоего друга-чернокнижника! Вам не место в моих землях, и, если бы он не был алейритом, другом моего народа, его судьба была бы иной. Увести их!

Стражники грубо схватили Фиоргаста и потащили прочь. Мортморн сделал шаг вперед, но стражники тут же бросились к нему, скрутили, после чего бесцеремонно огрели по затылку, и тело шулренца обмякло.

– Эвенар, это большая ошибка, – спокойным голосом проговорил Эндрот, все еще не теряя надежды. – Может быть, самая большая в твоем правлении.

– Меня не интересует твое мнение. Тебя проводят из города и в течение дня ты должен покинуть земли Эркаллона, иначе тебя ждет последнее наказание.

После приговора король повернулся и направился прочь. Часть стражников последовали за ним, остальные взяли под руки Эндрота и повели его вслед за его спутниками.

– Брат мой, почему? – с тихим отчаянием в голосе спросила Илрена.

– Во славу Эркаллона, – твердо ответил Кланнор. – Чернокнижнику не место в наших землях. Мы не посрамим создателя.

Эльф развернулся к сестре спиной и последовал за своим королем, унося с собой свиток. Спустя несколько мгновений Илрена осталась одна. Прислонившись спиной к шкафу, заполненному ветхими пыльными книгами, она медленно опустилась и села на пол. В глазах ее стояли слезы.

С голов задержанных сдернули мешки, развязали руки, после чего капитан Меара передала им приказ покинуть Эркаллон в течение следующих двух дней. Затем королевские стражники сели в седла и умчались прочь. Друзья огляделись. Они сидели на небольшой полянке под сенью невысоких кудрявых деревьев. Мортморн потирал ушибленный затылок и тихо высказывал себе под нос все, что он думает об эльфах и их гостеприимстве.

– Что теперь будет с Илреной? – обеспокоенно проговорил Фиоргаст.

Эндрот удивленно посмотрел на него и хмыкнул себе под нос.

– Не переживай. Илрена – дочь советника его величества. Она оказала тебе помощь, как представителю дружественного Эркаллону народа. Ведь ее семья дружна с твоей?

– Была, – горько усмехнулся алейрит. – Кланнор все испортил.

– Кланнор – молодой и безрассудный эльф, много я таких встречал. Его сестра производит иное впечатление. Я верю, что никакая кара им не грозит, ведь мы не успели сделать то, что хотели.

– Я бы больше беспокоился о нашей судьбе, – вмешался Мортморн. – Что мы теперь делать будем? Из Эркаллона нам нужно убираться. Можем вернуться в Шулрен, но смысла в этом немного…

– Друзья, – тихо сказал Фиоргаст, впервые так их назвав, – я благодарю вас за то, что вы присоединились ко мне и старались помочь. Если моя компания для вас настолько опасна, нам имеет смысл расстаться.

Эндрот и Мортморн переглянулись.

– Ты прогоняешь нас? – уточнил эльф.

– Нет-нет, я… я, наоборот, очень рад вашему обществу, но…

– Хватит, Фиоргаст, – перебил его Мортморн, опередив своего друга. – Мы решили, что будем помогать тебе, а ты покажешь нам дивный новый мир. Изгнали нас из Эркаллона, да и пес с ними, с этими эльфами! Найдем другие места, где на тебя будут смотреть иначе. Не всем же в Элмаре задурили головы этими, как их… предубеждениями.

Оба кивнули: Эндрот согласно, а Фиоргаст с благодарностью. Но спустя мгновение его лицо вновь омрачилось.

– Что теперь? Я не знаю, куда идти…

На некоторое время воцарилась тишина, которую нарушил Эндрот.

– Кажется, я знаю. Мы пойдем туда, где могут что-то знать о твоих способностях. Быть может, там мы сможем найти пристанище.

Собеседники смотрели на него с надеждой.

– Сразу скажу, что те, о ком я думаю, не люди, не эльфы и не гномы. И даже не мэллорды. На южной оконечности полуострова есть лес, где обитают существа, которых называют едино-

рогами. Они не любят чужаков, но я бывал в их владениях пару раз, беседовал с ними и ушел живым и исполненным мудрости. Мой учитель отзывался о единорогах с почтением, как и об их создателе. Он говорил, что их Четвертый наградил их даром, схожим с его собственным – даром предвидения. Они не делают пророчеств в нашем обычном понимании, но способны видеть нити будущего. Это может помочь нам в разгадке твоей тайны.

– Единороги?! – озадаченно проговорил Мортморн. – Лошади с рогом во лбу способны видеть будущее?

– Я знаю о них, – неуверенно сказал Фиоргаст. – Мой брат очень любил слушать рассказы о них и что-то говорил насчет их загадочных умений, но я никогда всерьез не воспринимал его слова.

– Они стоят особняком, и о них почти никому ничего не известно, даже в Алейре. Я сам знаю о них столько только потому, что был у них в гостях. И да, мой друг, лошади с рогом во лбу еще и не на такое способны. Только не вздумай их так назвать, когда мы с ними встретимся.

– Ладно, – сказал Фиоргаст. – Сколько до них добираться? И как?

– Мои гостеприимные сородичи решили не возвращать нам наших лошадей, так что долго. Неделю как минимум, дальше зависит от погоды. Наш путь лежит на юг, и быстрее всего идти по тракту в сторону Насгорда.

– Гномы? – оживился Мортморн. – Отлично! Зайдем к ним. Эльфийские города я видел и раньше, а вот у гномов ни разу не бывал.

Друзья поднялись, закутались в плащи и побрели в сторону тракта, соединяющего Цайлорн и Насгорд.

Человек озяб, устал и почти перестал надеяться на удачу, но она все же улыбнулась ему: на фоне хмурого вечернего неба на склоне холма появились фигуры трех путников. Закутанные в плащи, они спустились на дорогу и медленно шли по раскисшей грязи, поэтому у него была отличная возможность разглядеть их получше. Лиц он не видел, но все остальное рассмотрел в деталях.

Возглавлял троицу некто очень высокий и худой – эльф, скорее всего. Лакомая добыча, как и все ушастые. Второй путник – представитель человеческой расы, судя по всему, из Шулрена, был крепким малым, и это могло стать проблемой, если вести себя неосмотрительно. Третий же – щупл, невысок, совершенно непонятно, чьих кровей, и это настораживало. Но упустить этих троих он не мог, потому что уже целую неделю сидел без дела. До этого ему попадались только гномы, что берегут свое золото пуще жизни, а потому себе дороже ввязываться с ними в конфликт.

Человек медленно зашагал к дороге как раз в то время, когда троица проходила мимо. Теперь он мог хорошенько всех разглядеть. Лицо эльфа было красивым и надменным, как, впрочем, у всех представителей их расы. Человек выглядел не только сильным и мужественным, но еще и неглупым на вид. Третий путник пребывал в глубокой задумчивости, на его лице застыло выражение скорби, а вот понять, к какой расе он относится, не получилось. Впрочем, рассматривать троицу времени не было. Он решительно направился в их сторону и начал свое обычное представление, которое при удачном исходе обеспечивало ему легкую добычу.

– Приветствую вас, уважаемые! – воскликнул он со всей искренностью и протянул к ним руки, показывая, что не вооружен. – Вы, я вижу, держите путь в сторону Насгорда. Так уж вышло, что мне туда тоже надо, а здешние места не особо спокойные… Позвольте присоединиться к вам.

Некоторое время путники безмолвно рассматривали его, отчего он почувствовал себя неуютно. Довольно худощавый молодой человек с растрепанными светлыми волосами сильным не выглядел, да и ростом не выделялся. Если этим троим вдруг взбрело бы в голову накостылять ему, он даже отбиться не смог бы.

– Что ж, – наконец, проговорил эльф, – не вижу причин не взять тебя с собой. Правда, не слышал о том, что места тут лихие, но я давно здесь не был, все могло измениться. Пойдем.

Незнакомец кивнул и с затаенной радостью присоединился к ним. Самая сложная часть работы – вклиниться в компанию – была сделана, оставалась сущая ерунда – свистнуть их поклажу.

– Звать-то тебя как? – поинтересовался шулренец, поравнявшись с ним.

– Кент, – ответил он, назвав свое настоящее имя. Сделал он это не по неосторожности, а из принципа. Он всегда честно представлялся тем, кого собирался ограбить.

– Я Мортморн, – отозвался шулренец. – Чем занимаешься, Кент?

– Торгую гномьим железом, – это была заготовленная фраза. – Покупаю его в Насгорде, везу в Шулрен и там продаю. Иногда сбываю с рук сразу в Эркаллоне, по пути. А вы? Чем торгуете и торгуете ли вообще?

Кенту показалось, что при этих словах шедший чуть впереди представитель незнакомой ему расы вздрогнул, но не придал этому значения.

– Мы…– Мортморн замялся, – не можем тебе сказать, зачем идем в Насгорд. Понимаешь, у нас тайное задание от крупного купеческого дома в Шулрене, и мы поклялись молчать.

Шедший впереди путник хмыкнул. Кент несколько удивился и решил обратиться к нему и к эльфу.

– А как вас зовут, уважаемые? Хотелось бы знать, кого благодарить в конце пути.

– Тебе правда так хочется узнать? – усмехнулся эльф. – Что ж, я Эндрот, а это Фиоргаст. Тебе что-нибудь говорят наши имена?

– Нет, – пожал плечами Кент совершенно искренне, ведь он не знал ничего про историю Эркаллона или про недавние события в Алейре. – А должны?

– Вообще-то должны, – пробормотал Фиоргаст, – но раз не говорят, тем лучше.

– Вы чем-то провинились перед эльфийским королем? – с деланным испугом спросил Кент. – Я надеюсь, вы не… разбойники?

Он настолько хорошо вжился в роль, изображая напуганного купца, который угодил в компанию бандитов, что друзья поспешили успокоить его.

– Нет, – ответил Мортморн, – но у нас неприятности с его величеством и вообще со всем Эркаллоном из-за расхождений по… м-м-м… религиозным вопросам. Разбойников и воров я еще в Шулрене ловил, так что и сейчас готов к встрече с ними. Не бойся! Если что, никто тебя не тронет.

– Ясно, – коротко отозвался Кент.

От слов воина ему стало слегка не по себе. Вдруг они сразу поняли, кто он такой, и теперь только и ждут, чтобы он себя выдал? Схватят как пить дать, а то и убьют… Кент тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли, и обратился к низкорослому, которого эльф назвал Фиоргастом:

– Простите великодушно, уважаемый, но не могли бы вы сказать, каких кровей будете? Я все голову ломаю, никак понять не могу…

Он успел заметить тревожные взгляды, которыми обменялись Мортморн и Эндрот. Фиоргаст поднял голову, обернулся и посмотрел на Кента – его взгляд был полным грусти.

– Я алейрит, – тихо ответил он. – Слышал о таких?

Кент, конечно, слышал, но никогда не видел. Ему рассказывали, что все алейриты замкнуто живут в своем лесу и мало кто уезжает из него, разве что в Эркаллон и то не дальше столицы. Поэтому было крайне странно видеть алейрита здесь, по эту сторону Цайлорна.

– Какими судьбами вы здесь, уважаемый? – вежливо поинтересовался Кент, которого Фиоргаст очень заинтриговал.

Лицо алейрита омрачилось, но на вопрос он все же ответил.

– Я ушел из Алейры, – медленно, тщательно обдумывая каждое слово, проговорил он, словно заново переживая случившиеся с ним. – У меня возникли некоторые… разногласия с Советом. Эльфы тоже на меня ополчились. Так что мне пришлось уйти из Цайлорна вместе с этими добрыми элмарцами, которые поняли меня и приняли. Больше мне сказать нечего, прости.

– Да и так все понятно, – поспешил заверить его Кент, хотя вопросов у него возникло еще больше. Еще он подумал, что ему повезло, поскольку те, кто уходит из родного края, как правило, берут с собой все самое ценное, а значит, в котомке этого алейрита наверняка есть чем поживиться. Внезапно в его сердце шевельнулась жалость к этому несчастному, который вынужден покинуть родной дом, но Кент постарался избавиться от нее. Еще чего не хватало!

Путники шли, пока совсем не стемнело, и свернули в лес, чтобы остановиться на ночлег. Мортморн набрал хвороста, сложил костер и, взглянув на Фиоргаста со странной улыбкой, значения которой Кент не понял, разжег огонь. Фиоргаст тем временем соорудил из толстых веток небольшую треногу и повесил на нее котелок, а Эндрот вытащил из котомки кусок засоленного мяса и положил в него. Все трое посмотрели на Кента.

Весьма удивленный тем, что эльф не сидел сложа руки, а работал наравне с остальными, Кент сначала не понимал, чего от него хотят. Потом до него дошло, что мясо лежит в пустом котелке. Виновато улыбнувшись, он поднялся и направился к ручью, который протекал неподалеку. Наполнив котелок, он вернулся к костру. Эндрот достал из котомки пучок каких-то трав и добавил их в суп, после чего все расселись вокруг и стали ждать, пожирая котелок голодными глазами.

Когда ужин был готов, Кент получил щедрую порцию. Он принялся есть, поглядывая на Фиоргаста, который с неохотой хлебал бульон, брезгливо вылавливая из него кусочки мяса. Все молчали, и Кент решил не затевать разговора. Поужинав, путники улеглись поближе к костру и завернулись в плащи. Кент тоже прилег, мысленно возблагодарив судьбу за такой подарок, и стал ждать, когда все уснут. Случилось это довольно скоро.

На всякий случай подождав еще несколько минут, он тихо поднялся и оглядел спящих. Никто не шевельнулся. Мортморн тихо похрапывал, остальные спали бесшумно. Кент медленно прокрался к котомке алейрита. Однако внутри нее, вопреки его ожиданиям, было почти пусто – фляга с водой, несколько кусков хлеба и вяленой рыбы, завернутые в чистую тряпицу, запасная рубаха и небольшой нож с деревянной рукояткой. Ни единого медяка. Инструменты астронома, которые могли бы заинтересовать вора, исчезли где-то по пути от королевской библиотеки до той поляны, где путников оставили стражники. Кент разочарованно выдохнул. Положив котомку на место, он вернулся к костру и стал размышлять. По-хорошему, надо бы сваливать побыстрее, раз уж поживиться нечем. Можно, конечно, порыться в мешке шулренца, но кто его знает, вдруг проснется и наваляет так, что костей не соберешь. Эльф тоже выглядел невзрачно – никаких украшений, которыми часто обвешиваются его сородичи, на нем не было, да и в котомке, скорее всего, ветер свищет. Послали Четвертые добычу, ничего не скажешь…

Однако Кент решил, что с уходом повременит. Ему ужасно надоело торчать на одном месте, а поскольку на север соваться было бессмысленно, можно хотя бы к гномам податься, попробовать промышлять там, хоть это и непросто. Его новые знакомые как раз направляются туда, так что им в любом случае по пути. Ограбить их не вышло, так хоть пообщаться получится, разузнать о них побольше. Все-таки странная компания подобралась, неспроста они держатся вместе… Приняв решение, Кент растянулся на земле и крепко уснул.

Первым, по старой привычке вставать с рассветом, проснулся Эндрот. Он поднялся, размялся и принялся будить друзей. Мортморн, закаленный уставом шулренского войска, вскочил сразу, едва услышал оклик. Фиоргаст долго ворочался, тер глаза, зевал и скоро тоже встал. Кента добудиться сразу не вышло, но когда он все же проснулся, то несколько мгновений ошалело смотрел на друзей, словно никак не мог сообразить, откуда они здесь взялись. Потом

вспомнил, выругался про себя и изобразил приветливую улыбку. Играть роль – так до конца, раз уж обворовать не вышло, придется терпеть.

Наскоро позавтракав, путники вышли на дорогу и к полудню добрались до небольшой деревни, где подкрепились в трактире. Задерживаться там не стали и отправились дальше. К вечеру одолели две трети пути до Насгорда и решили остановиться на ночлег. На сей раз не в лесу, к великой радости Кента, а на постоялом дворе, который как по волшебству возник перед ними на совершенно пустом тракте.

Четверо вошли внутрь и уселись за широким дубовым столом. Решив поберечь свои запасы, они купили у хозяина отменную похлебку, эль и закуски. У Кента глаза чуть на лоб не вылезли, когда он увидел туго набитый кошель, который достал из-за пазухи Мортморн. Воин одарил вора странной улыбкой, отчего тот вновь почувствовал себя неуютно. Но Мортморн угощал, и Кент в конце концов расслабился, да и превосходный эль сыграл свою роль. Через некоторое время у всех, кроме Фиоргаста, который пил воду, поднялось настроение и появилось желание побеседовать.

Поначалу Кент тщательно следил за языком, но чем больше эля оказывалось у него в желудке, тем сложнее было сдержаться. Вскоре он и сам не заметил, как разоткровенничался. Мортморн тоже был навеселе, да и Эндрот, судя по всему, за свою тысячу с лишним лет к выпивке если не пристрастился, то уж точно не брезговал. Лишь Фиоргаст с благосклонной улыбкой смотрел, как друзья все больше пьянеют.

Никто, кроме Фиоргаста, толком не понял, как за их столом оказались еще два элмарца. Один из них представился придворным шутом в Насгорде и был изрядно пьян, но на ногах держался и речь держал связно. Это был высокий молодой мужчина с гладко выбритой головой, короткими усами и бородкой. Второй, невысокий широкоплечий гном, по уши заросший густой черной бородой, выглядел гораздо трезвее своего приятеля.

Разговор между тем тек, как река, обильно сдобренная элем.

– Не знаю, как вам, а мне эти остроухие совсем не нравятся, – заявил Кент, невзирая на то, что за столом сидел эльф.

– Мне тоже, – горячо поддержал Эндрот. – Они изменились явно не в лучшую сторону.

– Но нельзя же сравнивать тех эльфов с нынешними, – возразил Мортморн и икнул. – Они здорово продвинулись вперед в знаниях, да и с другими народами тогда особо не общались…

– Когда это «тогда»? – поинтересовался шут, который представился Штойфом. – Я подозреваю, что вам уже не одна сотня лет. Позвольте узнать, сколько?

– Мне тысяча сто двадцать шесть лет, – спокойно ответил Эндрот, отхлебывая эль.

Штойф замер с поднесенной ко рту кружкой, как и его приятель гном, представившийся Дорином. Кент тоже опешил. Воцарилась тишина, Эндрот спокойно улыбался. Наконец гном громко рассмеялся.

– Ну ты даешь! – воскликнул он. – Молодец, остроухий! Ты мне из всех Вечноживущих больше всего понравился! Может, я и изменю свое мнение о вашем народе.

– Не стоит, – возразил Эндрот. – Я исключение, так что будь осторожен.

– Не слушай его, – оборвал друга Мортморн. – Он напился, вот и несет чушь. Конечно, эльфы считают себя пупом земли, но в этом есть доля истины. Без них мир был бы куда хуже.

– Прошу прощения, – вмешался Кент заплетающимся языком. – Я вот слышал, что все знания Элмара хранят алейриты. Да, Фиоргаст?

Шут бросил резкий взгляд на Фиоргаста, словно только сейчас заметил его, и в пьяных глазах блеснул странный огонек.

Фиоргаст, услышав свое имя, вздрогнул и поднял голову.

– Э-э-э… да, – пробормотал он. – Мы и правда храним в Алейре большое количество знаний, но в основном в устной форме. Свитки, книги, фолианты и прочие записи держат у себя эльфы, поэтому их роль в сохранении и передаче знаний будущим поколениям тоже очень…

– Я бы вообще ограбил всех эльфов на свете! – брякнул Кент, перебив Фиоргаста.

Крамольная фраза сорвалась с его языка так быстро, что он сам этого не заметил. Зато заметил Мортморн и поднял на него мутный взгляд. Но сказать шулренец ничего не успел, потому что встрял Штойф.

– Интересно все-таки, надолго ли мир между Эркаллоном и Лунной Твердыней… – задумчиво проговорил он. – И когда уже могущественный восточный сосед решит принять участие в этой многовековой распре.

– А ты хорошо осведомлен о политических реалиях Лерции, – удивился Эндрот.

– Жизнь такая, – пожал плечами шут. – К тому же шутки про политику при эльфийском дворе или при дворе Триумвирата высоко ценятся.

– Могущественный восточный сосед – это ты Раодар имеешь в виду? – спросил Мортморн и плеснул себе еще эля.

– Раодарская империя, – кивнул эльф, – крупнейшее из известных государств в Элмаре. По крайней мере, из известных мне. Находится сразу за восточной границей Лунной Твердыни. В свое время была республикой, но в 901 году Темного Времени…

Услышав конкретную дату, Мортморн мгновенно потерял интерес, и Эндрот сам с улыбкой умолк.

– Впрочем, эльфы, мэллорды… все это пустое, – проговорил Штойф. – Для меня гномы всяко лучше, я хотя бы лично знаком с некоторыми, да и выпивать с ними гораздо веселее, нежели со всякими остроухими или глазастыми.

– Так давайте же выпьем! – обрадовался польщенный Дорин.

Компания сдвинула кружки. Хозяин, наблюдавший за ними из своего угла, тут же подскочил и бухнул на стол еще три кувшина эля. Кент с тоской посмотрел на них и понял, что завтра если и выживет, то плохо ему будет до вечера.

Выпив, Эндрот поинтересовался, куда направляются Штойф и Дорин. Выяснилось, что им по пути, поэтому все радостно решили идти вместе. Гном отнесся к этому скептически, однако, поворчав, согласился с тем, что вместе и веселее, и безопаснее.

Сидели до глубокой ночи, пока хозяин не намекнул им, что пора и честь знать. Спорить никто не стал и, допив последние капли из кружек, они побрели отдыхать. Штойф и Дорин кое-как дошли самостоятельно, Кента волок на себе Мортморн, который слегка протрезвел, и замыкали шествие на удивление стойкий Эндрот и Фиоргаст, который вообще не пил и чувствовал себя превосходно.

Добравшись до комнат, они рухнули на кровати и мгновенно уснули так крепко, что даже если бы Кент начал вытаскивать котомки прямо из-под них, они ничего не почувствовали бы. Но вор сам был в доску пьян и храпел так звучно, что сотрясались стены. Ночь прошла спокойно и без происшествий.

Следующим утром им пришлось знакомиться заново, на трезвую голову. Фиоргаст несказанно веселился, видя слегка растерянные и смущенные лица Мортморна, Кента и Штойфа – тех, кто вчера меньше всех себя сдерживал и плохо помнил события вечера.

Позавтракав и уложив вещи, они пошли в сторону Насгорда.

Глава восьмая

В лучах полуденного солнца перед взорами путников предстал во всем своем великолепии Насгорд, раскинувшийся у подножья Закатных гор. От его красоты у Фиорграста и Мортморна, которые никогда не бывали в этих краях, захватило дух. Нельзя сказать, что Насгорд производил большее впечатление, чем Цайлорн. Города были очень разными, но оба вызывали заслуженное восхищение.

Дорин бесцеремонно прервал потрясенное молчание.

– Поехали, – буркнул он. – Насмотритесь еще.

Он был прав. Впереди на расстоянии двух-трех верст в тени высоких скалистых гор, разделявших эльфов и их союзников с Лунной Твердыней, расположилась родина гномов. Насгорд, главный и единственный город гномьего народа, словно качался на каменных волнах; ярко сверкали высокие неприступные стены, мощные башни искрились на солнце, подобно ларцам с драгоценностями. Известные своей скупостью, гномы не пожадничали – украсили родной город золотом, серебром, медью и самоцветами, которые ослепительно блестели и на солнце, и при свете звезд. Но не обилие драгоценностей поразило путников. Красота стен и башен меркла перед великолепием внутренней архитектуры города. Издалека он выглядел как сверкающая паутина – улицы и переулки сбегались к центру, где стояли Чертоги Сигиза – огромный дворец, подобного которому не было во всем Элмаре. Одна часть его была скрыта в горах, а другая подставляла свои величественные каменные стены и мраморные колонны лучам солнца и ловила восхищенные взгляды гостей города. Даже правители гномов не знали, какой длины его коридоры и заканчиваются ли они вообще. Расположенная перед Чертогами башня, огромная, богато украшенная резными узорами, вздымалась над Насгордом, словно повелевающая длань. На ее вершине сверкал Радужный Алмаз – огромный камень, испускающий разноцветное сияние даже в самый пасмурный день.

Для гномов Алмаз был символом их расы, их достижений и побед. Это был дар создателя своему народу, артефакт, созданный одним из Четвертых и переживший наступление Темного Времени. Помимо него в Лерции лишь Вечное Древо Алейры могло похвастаться такой историей. Жители Насгорда часами любовались Алмазом как зачарованные, а что уж говорить о гостях города, которые не могли на него наглядеться – настолько завораживало его ослепительное сияние.

Дорин снова поторопил приятелей и они прибавили шаг, направляясь к городу по шумному тракту.

Вход в Насгорд, по крайней мере, тот, о котором все знали, был один – через тяжелые Врата Друзей. Почти все время они были открыты, так как врагов в округе у гномов не было. Лунная Твердыня и их союзники – людское государство Язения – лежали далеко за горами, что считались непроходимыми, посему стража у ворот спокойно пропустила путников.

Когда вся компания переступила порог Насгорда, никто поблизости не обратил внимание, как яркое сияние Радужного Алмаза резко померкло.

Дорин, знающий город как свои пять пальцев, отвел попутчиков на небольшой, но уютный постоялый двор на севере города, а сам вместе со Штойфом отправился по своим делам. В трактире Эндрот тут же занял место за небольшим столом в глубине зала, а Мортморн пошел к хозяину договариваться насчет ужина.

– Слушай, Кент, – неожиданно сказал шулренец, когда все расселись в ожидании заказанного эля, – ты вроде как купец и шел в Насгорд по своим торговым делам. Так позволь спросить, чего ты с нами тут ошиваешься?

– Ты сюда тоже не эль пить пришел, верно? – парировал вор. – Вы-то все здесь по делу. Тайное задание крупного купеческого дома Шулрена, не так ли?

– Наше дело может подождать, – хмуро ответил Мортморн. – Встреча с торговцем завтра, так что время свободное у нас есть.

– Могу про себя сказать то же самое, – отбился Кент.

– Как-то неуверенно ты об этом говоришь, – прищурился Мортморн. – Врешь небось?

– Да я…

– Слушайте, может, хватит ломать комедию? – перебил их Эндрот. – Мне кажется, вы оба хороши. Что один лжет, что другой.

Мортморн и Кент обменялись пристальными взглядами, после чего оба рассмеялись. Вор понял, что юлить и уворачиваться нет смысла – его точно раскрыли, и если он сейчас нагородит с три короба, то ему только хуже будет. К тому же он будто привязался к этой компании, а такое с ним редко случалось.

– Ну, – спросил Мортморн, ухмыляясь, – кто первый начнет раскрывать свое истинное «я»?

– Пожалуй, начну, – проговорил Кент с решимостью, которая поразила даже его самого. – Никакой я не торговец, да и не был им никогда. Хотя определенная связь имеется, поскольку купцы – мои главные клиенты, – он неловко улыбнулся. – В общем, вор я и, скажу не без гордости, один из лучших в этих краях. Правда, мне еще никогда не удавалось ограбить гнома, но эльфов и людей – раз плюнуть. Когда я встретил вас на дороге, дела у меня шли, прямо скажем, не ахти. Решил, что благодаря вам выберусь из этой ямы. В первую же ночь я пошарил в твоей котомке, Фиоргаст… Ты извини, но тогда мне было все равно, что ты об этом подумаешь. Как ты понимаешь, ничего интересного я в ней не нашел, разочаровался и хотел без промедления слинять оттуда, но одумался и решил, что не упущу возможности пощипать какого-нибудь гнома в Насгорде.

Эндрот фыркнул, Мортморн откровенно расхохотался и даже вечно мрачный Фиоргаст не смог сдержать улыбку. Кент облегченно выдохнул – тумаками прямо сейчас его награждать явно никто не собирался, да и чистосердечное признание, как известно, смягчает вину, хоть и часто ведет прямо в темницу.

– Вы первые, кому я как на духу выложил о себе все, – проговорил он. – Тогда мне было на вас плевать, но сейчас… – он смешался. – Сейчас все иначе, честно. С той самой пьянки я… Короче, вором я быть не перестал, но что-то другое… порядочное, что ли, во мне проснулось. Да и ребята вы весьма занятные, поэтому я хотел бы… – он запнулся, но пересилил себя, – я хотел бы пока остаться с вами. Плохая идея, да?

Воцарилась тишина. Друзей не особо впечатлил рассказ вора, но продолжение было весьма неожиданным. Кент опустил взгляд и вперился в свою кружку.

– Думаю, тебе стоит кое-что узнать про нас, – тихо проговорил Фиоргаст. – Не знаю, что тебе наговорил Мортморн, но мы в бегах. Нас изгнали: меня – из Алейры, нас всех – из Эркаллона. Причина тому – мои… способности.

– Да сейчас у каждого второго способности, – отмахнулся Кент. – Вот мой талант тоже не всем нравится, но изгоем меня никто не считает. Правда, не то чтобы у меня было много знакомых, но все же…

Фиоргаст поднял руку.

– Ты не дослушал. Мои способности – они особенные. В Алейре сочли, что я предался Тьме. Меня изгнали не потому, что я сделал что-то не то, а потому, что мои сородичи пребывают в плену нелепых предрассудков.

Кент вздрогнул, услышав про Тьму, но ничего не сказал.

– Ты по-прежнему хочешь идти с нами? – негромко уточнил Фиоргаст. – Поверь, мы не обидимся, если ты сейчас встанешь и уйдешь.

– И что же это за способности такие, которые якобы от Тьмы? – спросил Кент вместо ответа.

Фиоргаст пристально взглянул на него и какое-то время размышлял, имеет ли смысл скрывать правду от располагающего к себе молодого человека, но решил, что тот не производит впечатление ревнителя традиций.

– Магия, – после паузы ответил алейрит. – Способность создавать вещи из *ничего*.

Кент нахмурился и спустя мгновение рассмеялся, но его веселье никто не разделил. Вор осекся и задумался. Про волшебство он знал только из сказок и не мог понять, над ним издеваются сейчас или нет. «Скорее всего, это дурацкая шутка», – подумал Кент и, внимательно оглядев каждого по очереди, пожал плечами.

– Знаешь, – наконец проговорил он, – магия там или нет, но тебе сейчас явно нелегко. И поддержка не помешала бы. Ты мне нравишься и твои друзья тоже. У меня самого в этой местности дела как-то не идут. Давно думал свалить отсюда куда-нибудь, да все не с кем было, а одному скучновато. Если моя компания вам не в тягость, готов малость пространствовать с вами, а может, и не малость – кто знает…

Во взгляде Фиоргаста Кент прочел нечто похожее на благодарность и понял, что тот оценил его порыв. Все отвергли его, но если уж вор – один из самых презираемых членов общества – поддержал, значит, дело не совсем пропащее. Фиоргаст протянул Кенту руку.

– Вот и порешили, – улыбнулся вор и пожал ее.

– Это значит, что я могу теперь спать без ножа под подушкой? – поинтересовался Мортморн с плохо скрываемой ухмылкой.

– Можно подумать, ты раньше… Что?

Все рассмеялись.

Им принесли плотный вкусный ужин и еще эля, дальнейшая беседа продолжалась за едой.

Компания сыто откинулась на спинки скамеек, и вдруг кому-то пришла в голову мысль прогуляться по городу. Но едва они собрались выходить, в таверну влетели запыхавшиеся Штойф и Дорин.

– Что случилось? – поднял брови Эндрот. – Сделка выгодная сорвалась?

– Если бы! – выпалил Штойф отдышавшись. – С этим проблем нет. Но случилось кое-что еще… Вы тут все пропустили, парни. Там к центру города целая толпа идет. Колокол звонит как оглашенный, созывает всех на площадь. Мы решили посмотреть, что происходит, вышли к башне, а там внизу народу – яблоку упасть негде. Все галдят и пальцами вверх указывают. Оказалось, Алмаз-то потух!

– Радужный Алмаз – символ нашего народа, – уточнил Дорин, – дар Багнурима, нашего создателя.

– Вы его издалека видели, – уточнил Штойф. – Сверкал так, что глазам больно! В общем, сейчас он больше похож на булыжник. Когда все собрались, на балкон башни вышел наш старикан…

– Не старикан, а мудрейший из мудрых. Глашатай правящего совета – Молот Триумвирата. – перебил его Дорин. – Он сказал, что Алмаз погас, потому что в город проник кто-то, кого он, Алмаз, боится.

Фиоргаст вздрогнул.

– Когда мы об этом услышали, то сразу рванули сюда – поделиться новостями и заодно узнать, кто вы, мэллорды вас подери, такие?! – повысил голос Штойф. – Вы явно не торговцы, потому что в таверну идут после сделки, а не до. Да и не похожи вы на купцов, если честно.

Кент бросил взгляд на Фиоргаста, и это не укрылось от бдительного взора Штойфа.

– Может, ты расскажешь? – обратился к алейриту шут. – Ты с нами в тот вечер не пил, языком, как некоторые, не чесал. Не желаешь высказать свои соображения?

– Мне неведомо, что случилось с вашим Алмазом, – сдержанно ответил Фиоргаст. – Причем тут мы? Мало ли кто мог прибыть в город вместе с нами… Этот ваш Молот тоже мог ошибиться, и Алмаз потух по другой причине.

– Молот Триумвирата никогда не ошибается, – категорично заявил Дорин. – Да, поначалу нам показалось, что вы имеете к этому отношение, потому что еще на постоялом дворе вели себя… странновато, но сейчас не знаю, что и думать. Пойдемте посмотрим вместе, авось Молот еще что-нибудь важное сообщит…

На главной площади Насгорда народу было битком – гномы толкались, ругались, лезли вперед, тревожно переговаривались и указывали пальцами в потускневший Алмаз на вершине башни. Фиоргаст и его спутники кое-как протиснулись сквозь толпу поближе к центру и, подняв головы, устремили взоры на реликвию.

Вдруг случилось странное – Фиоргаст взлетел. Нет, не физически – его тело осталось на земле, что он с сожалением осознал через мгновение. Поначалу он видел мельчайшие грани Алмаза, словно глядел в поднебесье, а потом его зрение будто бы разделилось. Теперь он в буквальном смысле одновременно видел все – и площадь, битком забитую народом, и своих друзей, стоявших задрав головы – издалека и предельно близко так, что в мельчайших подробностях ему удалось разглядеть рисунок на плаще Мортморна и символ Лавэра на пряжке ремня Эндрота. Он видел парящих в небе птиц – так далеко, что ни один взор не рассмотрел бы их, и блестящие нагромождения руды под скалистыми отрогами, словно его взгляд каким-то образом проник сквозь толщу земли. Эти удивительные ощущения породили в его душе смесь безотчетного страха и детского восторга. Казалось, сейчас ему под силу разгадать все тайны бытия, проникнуть в самые отдаленные уголки мира и увидеть то, что неподвластно увидеть ни единому живому существу в мире.

На самом пике восторга видение резко оборвалось. На Фиоргаста обрушилась темнота. Он открыл глаза и осознал, что полулежит на земле, а Мортморн поддерживает его за плечи. Остальные продолжали таращиться на Алмаз и не замечали произошедшего.

– Все в порядке, – непослушными губами прошептал Фиоргаст и попытался улыбнуться. Получилось так себе.

Алейрит встал, опираясь на руку Мортморна, и поднял голову – Радужный Алмаз снова ослепительно сиял на фоне вечернего неба. Вокруг оживленно переговаривались гномы, обсуждая внезапную перемену в поведении их реликвии.

Толпа начала расходиться. Друзья попрощались со Штойфом и Дорином и направились обратно в таверну, а те, глядя им вслед, стали о чем-то советоваться.

– Что это было? – задумчиво спросил Кент, когда они взяли по кружке эля.

– Да кто ж его знает, – буркнул Мортморн.

Фиоргаст покосился на него: человек говорил об Алмазе или о том, что случилось с ним на площади?

– Загадочная история, – кивнул Эндрот. – Гномы переполошились, их можно понять. Надеюсь, разберутся.

Фиоргаст почувствовал, что страшно устал. Друзья странно косились на него, говорили полунамеками, но объясняться прямо сейчас ему не хотелось.

– Ладно, – Кент сдул пену с кружки, – пес с ним, с камешком. Куда дальше пойдем?

– То есть ты твердо решил? – усмехнулся Эндрот. – Не боишься?

– Есть маленько… – Кент сделал большой глоток и выдохнул. – Но делать-то мне, если честно, нечего. Решил сделать перерыв в своей… хм… работе, и мне надо развеяться. Магия-шмагия или что там у вас, всяко интереснее, чем штаны просиживать зря или устроиться на постоялый двор горшки мыть. Может, вам сгожусь на что.

– Что ж, – ухмыльнулся Мортморн и отсалютовал ему кружкой – как говорится, чем больше друзей, тем меньше врагов.

Допив эль, купили у хозяина провизии в дорогу, на деньги Эндрота приобрели новых лошадей, собрали котомки и направились к выходу из города и вовремя. Едва друзья поки-

нули Насгорд, к стражникам подбежал запыхавшийся гном и, отчаянно жестикулируя, сообщил нечто важное. Ворота немедленно затворились и лязгнули тяжелые засовы.

– Успели, – пробормотал Кент. – Что-то там неладное творится.

Дабы не рисковать зря, решили отъехать подальше от Насгорда, прежде чем делать привал.

На ночлег устроились, когда совсем стемнело. Пока спутники копались в своих котомках, Фиоргаст собрал охапку хвороста и аккуратно сложил костер.

– Кент! – окликнул он. – Погляди!

Тот удивленно смотрел на Фиоргаста, который вытянул вперед руку. Языки пламени полыхнули так ярко, что Кент зажмурился и едва не повалился на спину. Хворост занялся мгновенно, и отблески огня весело заплясали на стволах деревьев, окружающих поляну.

– Вот это да… – выдохнул Кент, придя в себя, и с опаской приблизился к костру, прикрывая глаза от жара. – Настоящий. Да ты и вправду кой-чего в магии смыслишь, Фиоргаст. Спасибо, что убедил меня в этом. Я, грешным делом, сомневался, думал, такое только в сказках бывает.

– Да ладно, ты не первый, кто на слово не верит.

Фиоргаст покосился на Мортморна. Тот что-то проворчал и подсел ближе к огню.

Какое-то время тишину нарушал лишь треск поленьев в костре.

– Со мной на площади кое-что произошло, – вдруг проговорил алейрит, глядя на пляшущие языки пламени. – Что-то странное.

Все, кроме Кента, который тоже не отводил взгляда от костра, внимательно посмотрели на Фиоргаста. Все время после произошедшего они ждали объяснений, но не лезли с вопросами.

– Когда я взглянул на Алмаз, то почувствовал, что меня тянет к нему, – медленно произнес Фиоргаст. – Я видел все. Абсолютно все – и с огромной высоты, и из самых глубин земли. Видел одновременно так далеко, как ни одному взору не подвластно, и так близко, что мог бы пересчитать все морщины на ваших лицах. Видел каждый драгоценный камень в недрах земли.

Друзья переглянулись со смешанными чувствами удивления и непонимания.

– Это было… – он пытался подобрать верное слово, – прекрасно. Мне было страшно, но вместе с тем я испытал настоящий восторг!

– Все морщины? Очуметь! – проговорил Кент.

– А ты можешь повторить? – спросил Мортморн.

– Что? – Фиоргаст перевел на него удивленный взгляд.

– Повторить. Этот твой… полет.

– Как? Алмаз в Насгорде, а мы…

– Ты уверен, что дело в Алмазе? – Эндрот подался вперед, его глаза заблестели. – Может статься, эта священная реликвия послужила путеводной звездой твоим силам. Может, она показала тебе, что ты способен на большее, нежели поджигать ветки? Я думаю, твое странное видение – это тоже способность, такая же как создание огня или врачевание. Теперь твоя задача – научиться *видеть* самому, используя лишь собственный дар.

– Не уверен, – с сомнением в голосе пробормотал Фиоргаст. – Мне кажется…

– Почему бы тебе просто не попробовать? – перебил его Эндрот.

– Сейчас?

– А когда?

Действительно. Фиоргаст вздохнул, закрыл глаза и попробовал сосредоточиться, вызвать в себе то самое ощущение, которое охватило его на площади. Поначалу он видел только мрак, но затем очень медленно стал отделяться от своего физического тела – без той легкости, с которой он взмыл к Алмазу, но тем не менее ощутимо. Сначала мимо него проплыли стволы высоких деревьев, затем их пышные кроны, потом он окунулся в звездное небо и увидел – *уви-*

дел! – сияющий вдалеке Алмаз. Его охватило невероятное чувство легкости и радости, больше не было страха. Он перевел взгляд на далекий Насгорд, который казался тусклым пятном света, и одновременно сумел различить трещины на камнях его стен. Затем он опустил взгляд на дорогу, ведущую из гномьего города, увидел две знакомые фигуры – Штойф и Дорин ехали верхом на лошадях следом за своими новыми знакомыми.

Фиоргаст очнулся за мгновение до падения в костер – в последний момент его удержал Кент. Алейрит понял, что применять новые способности следует с осторожностью. Когда он *видит* что-то вдалеке, к ближайшему окружению становится слеп.

– Так кто был прав? – торжествующе спросил Эндрот.

– Ты, ты, – отмахнулся Фиоргаст, с трудом приходя в себя. – Да, я действительно могу *видеть*. И я *увидел*, что к нам направляются гном и шут. Пока они далеко, думаю, до нас им пять-шесть часов. Если не остановятся на ночлег, то догонят. Зачем мы им понадобились? Вот в чем вопрос.

– Выражаясь словами одного знакомого мне эльфа, «сие нам неведомо», – пожал плечами Кент. – Может, ограбить хотят?

– Ты же порвал с прошлым, – укоризненно проговорил Эндрот. – Вот и думать об этом тоже прекращай. Хотели бы обворовать, сделали бы это раньше. Да и нечего у нас красть.

– Нечего? – деланно удивился Кент. – А это что? – и вытащил из кармана кошель эльфа.

Мортморн расхохотался, Фиоргаст улыбнулся, а Эндрот протянул руку и выхватил кошель из рук Кента, хотя тот и не сопротивлялся. Наградив вора возмущенным взглядом, эльф пересчитал деньги, но все оказались на месте.

– Шуточное воровство уступает настоящему грабежу в злонравии, однако добродетелью не является! – заявил он.

– Да ладно тебе. Все, больше не буду.

Вскоре всех сморил сон. Однако спустя полчаса Кент проснулся от того, что лежащий рядом Фиоргаст ворочался и постанывал. Он потряс алейрита за плечо, но бесполезно – тот не очнулся. Мортморн тоже проснулся и вопросительно глянул на Кента поверх остывающего костра. Вор пожал плечами.

Так и не добудившись Фиоргаста, Кент и Мортморн снова задремали, но сон их был тревожен и полон неприятных видений, словно им каким-то образом передались кошмары алейрита.

Глава девятая

Разразилась страшная гроза. Ехать дальше не было никакой возможности – гром пугал лошадей, а ливень был такой, что все моментально промокли до нитки. Путникам повезло – они наткнулись на небольшую пещеру в скалистом отроге горы и чертыхаясь ввалились внутрь. Ничего подозрительного не обнаружив, они привязали лошадей и укрылись от косого ливня под каменными сводами. В пещере было холодно, и всем одновременно пришла в голову мысль о костре. Но сухого хвороста в дождь не сыскать, поэтому все посмотрели на Фиоргаста.

Тот вздохнул.

– Я могу создать огонь, но не уверен, что сумею его поддерживать.

– А ты пробовал? – вкрадчиво спросил его Мортморн. – Сомневаюсь.

– Это бесполезно, – отмахнулся Фиоргаст.

– Ты и в лесу то же самое говорил, – стуча зубами, буркнул Кент. – «Не могу, не умею, не получится, Алмаз нужен». И что? Нужен?

– Да идите вы к мэллордам! – сдался Фиоргаст.

Он протянул руку, и яркое пламя озарило своды пещеры. Пока Фиоргаст держал ладонь раскрытой, из нее струился поток огня, который так хорошо согревал всю компанию, что мокрая одежда быстро высыхала. Фиоргаст был крайне удивлен – он действительно мог не только создать такое сильное пламя, но и поддерживать его без всяких усилий. Тот первый костер в его доме ему тоже удалось продержать в воздухе достаточно долго, но он был крошечным по сравнению с этим. Оставалось выяснить еще кое-что. Сосредоточившись, алейрит сжал руку в кулак и опустил ее. Пламя продолжало висеть в воздухе и никуда не исчезло.

– Вот видишь, – укоризненно проговорил Кент, отдуваясь от жара. – Все ты можешь. Главное в этом деле – не ныть.

Через некоторое время путники достаточно обсохли и принялись за еду. Трое грызли вяленое мясо и запивали элем из походных фляг, а Фиоргаст уплетал копченую рыбу. Он был так увлечен, что вопрос Кента застал его врасплох.

– Слушай, приятель, а что тебе снилось тогда в лесу? Ты стонал, вертелся как уж на сковородке, но добудиться тебя не было никакой возможности.

Фиоргаст замер с набитым ртом.

– Можно подумать, – с трудом прожевав, проговорил он, – вам никогда кошмары не снились.

– Снились, – ухмыльнулся Кент, – но, чтобы тебя трясли, как припадочного, а ты глаз не открывал – не было такого.

Фиоргаст вздохнул и покачал головой.

– Просто дурной сон. Я… я не хочу говорить об этом.

– Да не вопрос, – Кент шутливо поднял руки и вернулся к еде.

Фиоргаст же застыл с куском рыбы в руке и погрузился в воспоминания о своем кошмаре.

Он находился в Алейре. Вокруг тихо шелестели листья деревьев, с которыми играл легкий ветерок, слышалось журчание ручья, возле которого часто он играл в детстве с братом. Но сейчас он был совершенно один. На много верст вокруг не было ни души, только эти звуки – монотонные и оттого пугающие.

Фиоргаст огляделся. Осознал, что видит пустой мир вокруг. Он не чувствовал собственного тела, вместо него тоже была пустота. Старый проверенный метод – ущипнуть себя – не сработал. Он понял, что спит или умер. И искренне понадеялся на первое.

Неожиданно алейрит почувствовал чье-то присутствие и стал судорожно оглядываться, пытаясь увидеть чужака в этом сне. Если это, вообще, сон. Если это его сон.

Чужое присутствие обрушилось на него как оползень. Его бесплотное тело скрутила невыносимая боль. Он пытался сопротивляться, но не мог. Боль становилась сильней, он застонал, но не услышал себя. Зато совсем рядом раздался голос. Этот звук поразил его до глубины души – никогда раньше он не слышал ничего подобного.

– Тебе больно, отщепенец Творения?!

Фиоргаста охватила паника. «Сейчас бы проснуться», – подумал он в ужасе, но обладатель голоса каким-то образом крепко удерживал его, словно невидимыми путами обвивая бесплотное тело. Страх придал ему сил.

– Что тебе надо? – в отчаянии спросил он пустоту.

Тот, кто пленил его, взревел, и этот звук превратился в пронизывающую боль. Алейрит закричал, но крика не услышал.

– Чувствуешь боль, приспешник Мрака? – загремел голос над его головой. – Это только начало тех мук, которые ты испытаешь, если не свернешь с выбранного пути. Отрекись от того, что ты называешь магией, и тебе даруется прощение Лавэра!

Он молчал. Что-то подсказывало ему, что его невидимый враг – не тот, за кого себя выдает.

– Подумай о том, на какие страдания ты обрекаешь тысячи невинных душ! – вновь загрохотал голос. – То, что ты называешь магией, есть путь во зло! Отрекись, заблудший, и забудь про свое проклятие!

На этот раз он молчать не стал. Паника внезапно уступила место безрассудной смелости: будет еще неведомо кто пугать его – обладателя удивительного дара! Ну уж нет!

– Хочешь, чтобы я отказался от своего дара, ты, посланник Тьмы? – воскликнул он. – Ни за что! От самого Лавэра передался мне мой талант, и я буду беречь и совершенствовать его, дабы ты сгинул в своей пустоте! Я уничтожу твои порождения в Элмаре, и Тьма уберется отсюда навсегда!

– Неразумный! – вскричал голос, и боль слегка отступила. – В слепоте своей и в желании обладать тем, что не предназначено Элмару, ты не видишь истины! Ибо знай, предвестник Зла, что ты будешь терять разум, покуда мощь твоя будет расти, и в конце концов погубит тебя порождение твоей собственной силы! Но ты уже осквернишь Элмар – ты и твои последователи. Отрекись, ибо это говорю я, Лавэр, великий Творец!

– С моим рассудком все в порядке, – из последних сил выдохнул Фиоргаст. – Нет, тебе не переубедить меня. Убирайся прочь, мой разум свободен!

Собеседник снова взревел, и боль усилилась многократно. Ослепленный, измученный, он подумал: вот она, смерть. Но внезапно голос замолчал, его место занял кто-то или что-то еще. Мучения прекратились, вместо них бесплотное тело охватил дикий первобытный ужас.

До Фиоргаста донесся тихий смех – нечеловеческий, зловещий, пробирающий до самого нутра. Он ожидал всего чего угодно, потому что боялся нового гостя гораздо сильнее предыдущего. Но смех стих, как и шелест листвы, и журчание ручья. В этой тишине появилось нечто, что вызвало мощный прилив радости и душевного покоя.

– Лавэр? – тихо спросил он в пустоту. – Это ты, великий Четвертый?

Едва различимый шепот коснулся его слуха.

– Иди по своему пути.

Фиоргаст улыбнулся. Он понял, что угадал – именно это и был настоящий Лавэр. Но не успел он осознать это, как на него вновь обрушилась боль. На этот раз мука была еще невыносимее, чем прежде. Он почувствовал, как ушел Лавэр и появился кто-то еще, могучий и страшный. Мучения его становились все сильнее, хотя он больше не слышал ни звука.

Тогда Фиоргаст собрал все силы и призвал на помощь магию. Она, словно сияющий клинок, распорола ткань ночного кошмара, и все исчезло.

Спустя некоторое время он первым завернулся в одеяло и улегся у стены. Засыпая, он слышал голоса друзей, которые тихо обсуждали их дальнейшие действия. Костер погас, едва Фиоргаст провалился в сон.

Следующие два дня прошли без происшествий. Путники спешили на юг, в сторону леса единорогов, однако не забывали и про тех, кто неотступно следовал за ними по пятам. Фиоргаст, пользуясь своей новообретенной способностью *видеть*, с легкостью отслеживал передвижения Штойфа и Дорина. Довольно быстро он понял, что его *видение* не было настолько совершенным, как рядом с Алмазом; да, он смотрел на землю с высоты птичьего полета, но многое ускользало от его взгляда.

На исходе второго дня они вышли к южной границе гномьих земель, которая была отмечена лишь небольшим фортом на пологом холме, где несли службу пара десятков бородатых бойцов. На юг от границы вдоль Закатных гор вплоть до степей Междуречья начинались людские земли, жители которых занимались натуральным хозяйством и знать не знали никаких королей, однако издревле эти края находились под защитой Альянса Эркаллона, Шулрена и Насгорда.

Переправившись через реку Иувель, друзья, которые наконец избавились от необходимости спешить, остановились в первой же людской деревне на единственном на много верст вокруг постоялом дворе. Отдав лошадей на попечение конюха, путники удобно разместились за одним из столов в общем зале. За ужином, как обычно, завязался разговор.

– Мне вот интересно, – энергично жуя, проговорил Кент, – гном с приятелем догонят нас сегодня или нет?

– Вряд ли, – пожал плечами Эндрот. – Фиоргаст, ты когда последний раз видел их?

– Этим утром, – ответил тот. – Они были в десятке верст позади нас. Вполне возможно, что сегодня они тоже будут здесь.

– Какими же будут их оправдания, когда мы спросим у них, зачем они нас преследуют? – ухмыльнулся Мортморн и отпил глоток эля.

– Держу пари, скажут, что идут по купеческим делам на юг, – улыбнулся Эндрот.

– Может, так оно и есть, – возразил Фиоргаст и тут же осекся. – Хотя нет, тут торговать им не с кем. Разве что провизию закупать, но везти далеко.

– Верно, – согласился Эндрот. – Дальше на юге, в Междуречье, находятся земли людей, которые живут, как сорная трава, без своего государства. К западу от них – запретные леса единорогов, к югу – море, а к востоку – южные территории Язении. Так что какая уж тут торговля… выдумки все это.

– А чем занимаются люди Междуречья? – спросил Фиоргаст.

– Сами себя обеспечивают и друг с другом постоянно воюют, – ответил Эндрот. – Себя они называют улнарами, считают, что это значит «свирепые», уж не знаю, на каком наречии. Война, по их мнению, единственное достойное человека занятие, правда, они не очень в нем преуспели. Взаимные распри идут непрерывно, а вот с завоеваниями не сложилось. По эту сторону Закатных гор – земли под покровительством Альянса, а по ту – под защитой мэллордов, поэтому их удел – стычки между племенами.

– Слушай, Эндрот, – жуя, спросил Кент, – ты откуда столько всего знаешь? С чего вдруг умный такой, что аж страшно делается?

– С того, что мне тысяча сто двадцать шесть лет, – усмехнулся эльф. – Я уже говорил об этом, но ты тогда лыка не вязал. Я был учеником Лавэра, самого могущественного из Четвертых.

– Да ладно! – Кент выпучил глаза и положил ложку. – Разыгрываешь?

– Нет, – улыбнулся Эндрот.

– Не разыгрывает, – подтвердил Мортморн.

– Очуметь! – проговорил с чувством Кент. – Всякое, конечно, в жизни моей бывало, но ни разу не доводилось одновременно встречать древнего, как мир, эльфа, алейрита-колдуна и, как ни странно, нормального человека. По крайней мере, на первый взгляд.

– Повезло тебе, – подмигнул Мортморн.

– Эндрот, расскажи, как выглядел Лавэр в те времена, – попросил Фиоргаст.

Эльф откинулся на спинку стула и, сделав глоток эля, устремил взгляд поверх их голов, словно всматривался в далекое прошлое.

– Сложно сказать, – проговорил он. – Я не знаю. Он никогда не показывался нам в своем истинном облике. Быть может, он опасался, что мы не вынесем этого зрелища. Либо мы его просто не увидели бы, ведь Четвертые – это боги, которые лишь по своему желанию обретают форму. Лавэр был похож на помесь своих собственных созданий. Крылья и лицо морланга, огненное тело шаррана, руки дендроидов и мощные ноги ландарков, – взгляд Эндрота затуманился от воспоминаний. – Только глаза его были явно не от мира сего. В них невозможно было смотреть дольше нескольких мгновений. Смотрящего просто ослепляла первозданная жажда творения, словно Лавэра создали не Третичные, а Первичные, а то и сама Первопричина.

– Ты правда знаешь всю историю создания мира? – с благоговением спросил Фиоргаст. – Неужели ты выучил ее наизусть?

– Честно говоря, да, – улыбнулся эльф. – Лавэр всем своим ученикам передал эти знания, и сейчас, говоря «мир», я имею в виду не только Элмар, но всю Вселенную, где обитают Четвертые и их дети.

Кент поперхнулся элем.

– Ты хочешь сказать, что, кроме Элмара, еще что-то есть?

– Элмар – лишь маленькая частица в мироздании, друг мой, и далеко не самая значимая. Когда Тьма стала поглощать весь мир, начала почему-то именно с нее.

– Расскажи, – потребовал Кент. – Я вот сколько на свете живу, а все только сказки да проклятия в свой адрес слушал. Хочу знать всю историю мира.

– Экий ты любопытный! – засмеялся Эндрот. – Если хотите, расскажу. Но ты, Фиоргаст, наверняка все и так знаешь.

– Я… – замялся тот, – как любой алейрит, я знаю историю создания мира такой, какой нам передал ее наш Четвертый. Однако тогда это не вызывало у меня большого интереса. Мой брат знает об этом гораздо больше. К примеру, я никогда не слышал, что Элмар – не единственный мир в… мироздании. Так что буду рад послушать.

Эндрот рассказывал до глубокой ночи, и никто даже носом клевать не начал – настолько было интересно. Больше всех впечатлился Кент, который порой даже жевать переставал и про эль забывал – слушал, затаив дыхание, и особо напряженные моменты комментировал невнятными возгласами. Мортморну пришлось пару раз ткнуть бывшего вора в бок, когда тот начинал особенно эмоционально размахивать руками. Шулренец откровенно веселился – он уже слышал рассказы Эндрота, и ему доставляло удовольствие наблюдать за реакцией новичков.

Однако после долгого пути все устали, поэтому стали расходиться по комнатам в надежде хорошенько выспаться. Увы, им было не суждено это сделать. Едва рассвело, друзья проснулись от сильного грохота, который донесся из таверны снизу. Мортморн спросонья схватил меч и в чем был – босиком и в исподнем – выскочил из комнаты; следом за ним выбежали ошарашенные и ничего не понимающие спутники.

Внизу творилось форменное безобразие. Несколько столов были разломаны в щепы, на полу валялись черепки от битой посуды, слуги испуганно жались по углам. В центре зала несколько молодчиков, одетых в какие-то самодельные доспехи, продолжали с наслаждением крушить мебель.

Фиоргаст попытался остановить Мортморна, но тот отреагировал на разбойников как бык на красную тряпку.

– Вы еще кто такие?! – заорал он. – Какого мэллорда тут происходит?!

Бандиты замерли и медленно повернулись к лестнице.

– Слышь, ты! – крикнул один из них. – Засохни и убирайся в свою конуру!

Мортморн спустился на половину пролета, угрожающе поигрывая мечом.

– А то что? – поинтересовался он.

Кент, благоразумно оставшийся наверху, услышал и хлопнул себя ладонью по лицу.

– А то хана тебе, мужик, – рассмеялся главарь, делая шаг к лестнице. – Улнары знают свое дело!

Мортморн ухмыльнулся. Люди, попрятавшиеся по углам, смотрели на него как на умалишенного. Фиоргаст хотел было остановить друга, но Кент дернул его за рукав и утащил в темноту.

– Молчи, – прошипел он. – Еще не хватало, чтобы они сюда побежали, скоты.

Навстречу Мортморну из компании улнаров выступил самый рослый, остальные расступились, освобождая место для схватки. Лязгнув, скрестились клинки. Мортморн дрался, как зверь, но улнар превосходил его в силе, и вскоре шулренец вынужден был отступить к лестнице. Следующий шаг назад едва не стоил ему жизни – он споткнулся и упал на колено, успев отразить мощный выпад противника. Улнар расхохотался и под улюлюканье своих дружков занес меч второй раз, но Мортморн увернулся от удара, а затем улучил момент и ткнул соперника лезвием в бок, попав аккурат между пластинами его самодельного и оттого сослужившего ему плохую службу доспеха. Улнар охнул, выронил меч и с удивлением на лице осел на пол. Его товарищи на мгновение замерли, затем заорали и бросились на Мортморна, презрев все законы честного поединка. Шулренцу могло помочь только чудо.

Этим чудом стал Фиоргаст. Он выкрутился из хватки Кента, сбежал на пару ступенек вниз и выставил вперед ладони. Из них вырвался мощный поток сияющего пламени, что подпалил потолок и стены, а заодно обдал нестерпимым жаром тех, кто стоял к нему ближе всего. Раздались вопли, и через мгновение таверна опустела – улнары в панике сбежали, за ними последовали оставшиеся посетители вместе с обслугой.

– Быстро! – крикнул Эндрот остальным. – Уходим!

Фиоргаст опустил руки и побежал в комнату за котомкой. Его трясло. Он только что стал свидетелем еще одной смерти и едва не убил сам. Алейрита пугала одна мысль о том, что ему придется применять магию против живых существ. Его дар не должен становиться оружием, несущим гибель!

Второпях собравшись, друзья выбежали из таверны, вскочили на лошадей и, пришпорив их, помчались прочь из деревни дальше на юго-запад – в сторону запретного леса единорогов.

Глава десятая

О случившемся по дороге не говорили. Фиоргаст маялся от переживаний, Мортморн был доволен своей победой в поединке, но, видя состояние алейрита, помалкивал о своей радости. Эндрот пребывал в задумчивости, а Кент беспрестанно зевал, охал, кряхтел и порывался завести разговор, но всякий раз натыкался на стену молчания. Чтобы как-то развлечься, шулренец, помня о преследователях из Насгорда, время от времени отъезжал на лошади в сторону или долго топтался на одном месте, чтобы как-то запутать их следы.

Наконец добрались до огромного леса. Вершины могучих деревьев, казалось, упирались в небо и были окутаны призрачной облачной дымкой; они тихо покачивались на ветру и будто шептали что-то на странном наречии. Путники остановились в нерешительности. Эндрот рассказывал, что в лес не мог проникнуть ни один нежеланный гость. Лишь тот, кого хозяева леса считали достойным, мог пройти под сень вековых деревьев. Остальные делали лишь несколько шагов в чащу, прежде чем безотчетный страх и неодолимое стремление покинуть это место заставляли их отступить.

Некоторые жившие рядом люди считали, что в чаще обитают злые духи, которые ненавидят людей и превращают их в деревья. Но истинные обитатели леса смеялись над этим нелепым суеверием.

Единороги – мудрейшие четвероногие существа с ослепительно-белой шкурой, длинной роскошной гривой и острым костяным наростом в середине лба. Из всех существ за пределами леса по пальцам можно было пересчитать эльфов, удостоенных чести заговорить с ними. До сих пор оставалось загадкой, по каким причинам единороги принимают или отвергают гостей. Король Эвенар не смог войти под сень могучих крон, а его советник Эристар сумел, но ни словом не обмолвился, о чем он вел беседу с хозяевами леса.

Мортморн и Кент чувствовали себя очень неуверенно. Каждый вспомнил пугающие детские сказки, в которых единороги представали и благородными помощниками для главных героев, и жестокими пособниками злодеев, но всегда мудрыми, холодными и безразличными.

Фиоргаст с волнением смотрел вперед и только сейчас осознавал, что втайне всерьез рассчитывал на помощь этих загадочных созданий. Кхеллен так много говорил о них, так верил в их странное могущество, что эта уверенность непроизвольно передалась брату.

Только Эндрот хранил каменное спокойствие, потому что несколько столетий назад он беспрепятственно вошел в лес и побывал у единорогов. Именно на него сейчас и надеялись путники.

– Не, – заявил Кент, очнувшись от благоговейного созерцания позолоченных закатным солнцем стволов. – Не-не-не, давайте без меня.

– Согласен, – тут же подхватил Мортморн. – Не людское это дело – к единорогам ходить.

Эндрот улыбнулся краем губ и посмотрел на Фиоргаста. Тот нерешительно вздохнул: он и надеялся, и боялся. Не за свою жизнь и не о том, что его могут не пустить в лес. Мысль об этом даже не приходила ему в голову. Он боялся разочарования. Боялся, что единороги не смогут дать ему никаких ответов.

– Идем вдвоем, – спустя пару мгновений, сказал он Эндроту.

– А если вы того? Ку-ку оба? – всполошился Кент. – Эльф еще ладно, а ты, Фиоргаст, ежели с глузду съедешь, то пес его знает, чего от тебя ожидать!

– Не волнуйся, – ответил за Фиоргаста Эндрот. – Я за ним присмотрю.

– А за тобой кто присмотрит?

Эльф проигнорировал его отчаянный вопрос и обратился к Мортморну.

– Подождите нас здесь. Мы вернемся. Как скоро, сказать не могу, но обязательно вернемся.

Мортморн кивнул. Эльф и алейрит направились к границе леса. Люди провожали их взглядами, полными тревоги.

– Что ты знаешь о лесе? – спросил Фиоргаст, когда деревья подступили совсем близко. – Мне не страшно, но как-то… неспокойно.

– Если единороги не захотят тебя видеть, ты это почувствуешь, – помолчав, ответил Эндрот. – Тебе захочется развернуться и бежать. Если ты продолжишь идти, то это желание будет усиливаться, пока не поработит твою волю, и ты не устремишься назад так быстро, как только можешь.

– Я пока ничего не чувствую, – пробормотал Фиоргаст. – Это значит…

– Это значит, что, возможно, нас ждут, – отозвался Эндрот, сделал глубокий вдох и шагнул в мягкую траву у подножия величественных деревьев.

Фиоргаст, не колеблясь, последовал за ним. Прежде чем исчезнуть в зеленом сумраке, он обернулся, и ему показалось, что кто-то из друзей, оставшихся ждать на опушке, помахал ему вслед.

Эльф и алейрит сделали несколько шагов вглубь леса и тут же замерли, услышав глухое рычание. В следующее мгновение, словно из ниоткуда, перед ними появились два диковинных зверя, не похожих ни на какое живое существо: лапы как у огромной кошки, тело – волчье, поджарое, хвост похож на конский, а морда напоминала помесь собаки и свиньи. Твари медленно наступали, угрожающе рыча, и Эндрот с Фиоргастом попятились, похолодев от страха.

– Это еще кто? – прошептал алейрит трясущимися губами.

– Я не знаю, раньше не встречал их, – тихо ответил эльф. – Но, судя по всему, нам несдобровать, если мы ничего не придумаем.

Фиоргаст сжал зубы и решительно вытянул ладони. Сноп пламени вырвался из его рук и заполнил пространство перед странными хищниками. Те с воем отпрянули, но, едва пламя исчезло, продолжили с рычанием двигаться к друзьям. Алейрит повторил колдовство, но твари отказывались подчиняться естественному страху зверей перед огнем и продолжали наступать. Так продолжалось еще дважды, и Фиоргаст сквозь зубы пробормотал пару бранных словечек, которые использовали Кент с Мортморном. Это было настолько необычно, что не укрылось от внимания Эндрота даже в такой ситуации.

На пятый раз алейрит почувствовал, что страх в нем уступает место злости.

– Всего лишь звери, – пробормотал он себе под нос и создал огонь снова.

На этот раз не перед зверями. Сноп пламени вырвался из его ладоней и накрыл обеих тварей. Рык сменился душераздирающим визгом, который резко прервался. На месте двух странных зверей остались лишь кучки золы.

Эндрот некоторое время молчал. В его голове метались противоречивые мысли. Фиоргаст только что спас их от печальной участи быть разорванными на части. При этом алейрит оборвал жизнь живого существа – зверя, хищника, стремившегося полакомиться ими, тем не менее живого существа. Переведя взгляд на Фиоргаста, эльф отметил озадаченное выражение его лица. Решив про себя, что его одолевают схожие думы, Эндрот проговорил:

– Спасибо, что спас нас. Без твоей помощи нас ждала суровая участь.

– Они… – облизнув пересохшие губы, пробормотал Фиоргаст. – Они не хотели отступать. Я хотел их прогнать, но они…

– Это не твоя вина, – решительно сказал эльф. – Ты спасал свою жизнь, ты спасал мою жизнь. Я и подумать не мог, что здесь обитают подобные твари. Но лес огромен, и ничего удивительного в том, что единороги не единственные его обитатели, нет. Идем.

Направились дальше, ориентируясь лишь на череду деревьев вдоль тропы. Больше им никто не встречался, чему Фиоргаст был несказанно рад. Через некоторое время вышли на небольшую поляну, заросшую густой травой и окруженную многовековыми кудрявыми дубами.

– Подумать только, за сотни лет это место почти не изменилось, – прошептал Эндрот. – Здесь они приветствуют всех, кого пустили в лес.

Друзья остановились в ожидании и вскоре увидели ослепительно-белое пятно, мелькнувшее в зеленых зарослях. Вскоре на поляну неслышно вышел единорог.

Фиоргаст и представить не мог, что эти создания настолько совершенны. Шкура единорога даже в сумраке леса сверкала чистейшей белизной, длинная густая грива ниспадала до колен, пышный хвост развевался на легком ветру, подобно шелковому шлейфу. Но самой восхитительной деталью его облика был рог – он мягко сиял зеленоватым светом: из описаний алейрит смутно помнил, что в нем были заключены жизнь, душа и мудрость этого невероятного создания. Фиоргаст был настолько ошеломлен, что на некоторое время потерял дар речи. Молчание затянулось. На помощь пришел Эндрот, который быстрее алейрита справился с потрясением.

– Приветствуем вас, жители прекрасного леса! – громко проговорил он, глядя в глаза единорогу. – Мы будем вечно благодарны вам за то, что позволили нам лицезреть вашу невероятную красоту и мощь, – он слегка поклонился. – Позвольте же…

Он запнулся, когда в его голове зазвучал тихий мелодичный голос. Фиоргаст испуганно взглянул на Эндрота – он тоже его услышал. Единорог стоял не двигаясь и молчал, но *говорил*.

– Мы знаем, что ты скажешь, эльф, – прошелестел голос. – Не трать время на приветствия, мы в них не нуждаемся. Твои мысли известны нам, алейрит, – продолжил единорог, и Фиоргаст вздрогнул и заморгал. – Мы знаем, почему тебя изгнали и с какой целью ты пришел к нам. Мы не зря пропустили тебя в наши владения.

Фиоргаст против воли расплылся в улыбке облегчения.

– Вы мне поможете? – робко спросил он. – Неужели я найду у вас объяснение, которое ищу?

Голос зазвучал строже, в нем появились ледяные нотки.

– Ты узнаешь здесь немало нового для себя, алейрит. Но кое-что из старого потеряет для тебя всякий смысл и изменится безвозвратно. Мы знаем, что ожидает тебя в будущем, но немногое из того, что мы тебе расскажем, тебя обрадует. Нас ждет долгий разговор. Присядьте.

Фиоргаст и Эндрот нерешительно опустились на траву. Единорог, мягко ступая, приблизился и пристально посмотрел в глаза алейриту. Тот не выдержал и отвел взгляд.

– Ты здесь для того, чтобы мы рассказали о твоих необычных способностях, которые ты называешь магией, – промолвил единорог. – Но мы знаем о ней лишь то, что видели в переплетениях нитей прошлого и будущего. Это явление пришло в наш мир лишь тогда, когда ты открыл ему дорогу. Мы не знаем, что стало источником этой силы, но нам ведомо, что никто из Четвертых не предвидел ее появления.

Эндрот, услышав это, вскочил и хотел было запротестовать, но с его языка не сорвалось ни единого слова – единорог перевел на него ледяной взгляд. Эльф осекся, опустил голову и сел.

– Ты уже все сказал, эльф, – холодно прозвучал голос. – Пришло время для других слов.

Эндрот ошарашенно кивнул, и единорог продолжил:

– Никто из Четвертых не знал ничего о магии, даже великий Лавэр. Кому захочется наделять свои создания силой творения, подобной их собственной? Лишь некоторые из учеников Четвертых, которые могли чувствовать будущее, допускали такую возможность. Слова о том, что Лавэр поведал своим ученикам об этих способностях – заблуждение тех, кто очень хотел в это верить.

Эндрот криво улыбнулся, но ничего не сказал.

– А вы? – выпалил Фиоргаст. – Вы-то сами как считаете?

– Терпение, всему свое время, – прошелестел голос. – Мы давно знали, что способности, которые вы называете магией, рано или поздно появятся в Элмаре. Их обладателями могли

стать разные существа, но стал ты, сын Алейры. Нити судьбы в наших видениях всегда вели этих существ сюда, и всегда – вместе со спутниками. О них мы знаем лишь одно: их будущее жестоко и кроваво. Гибель многих душ сопутствует будущему твоих друзей, алейрит.

Фиоргаст побледнел, почувствовав дурноту.

– Но… вы же их не знаете… Вы не можете знать, не можете видеть их будущее так четко! – проговорил он.

– Нити их будущего расходятся и переплетаются, но все они окрашены смертью.

– А как же я? Что вы видите в моем будущем?

Некоторое время единорог не отвечал, и алейриту показалось, что он замялся.

– Нити твоего будущего слишком запутаны, – ответил он наконец. – Мы видим тебя великим целителем и великим тираном. Но есть путь, окрашенный в цвет твоей ранней гибели.

– Целителя, да! – воскликнул Фиоргаст. – Я тоже это чувствую. С помощью магии я смог спасти мэллорда от верной смерти в результате полученных ран!

Эндрот резко посмотрел на него, но алейрит этого не заметил.

– Я понимаю… это будущее похоже на то, к чему я стремлюсь!

Единорог слегка опустил голову, будто кивнув, но ничего не ответил.

– Знаете ли вы источник этих сил? Эльфы и мои сородичи верят, что такие способности могут быть дарованы лишь Тьмой. Это так?

– Это сокрыто от нашего взора. Верования ваших народов основаны на том, что сила, подобная могуществу Четвертых, может быть дарована лишь ими или их извечным врагом. Но никто не знает, обладает ли Тьма разумом, или это лишь безвольная сила Вселенной. Как никто не знает, не оставили ли Четвертые, как побочное и неведомое для них самих явление своего творения, зачатки этой силы до того, как Тьма накрыла наш мир. Ведь Вечное Древо Алейры и Радужный Алмаз Насгорда остались с нами и сохраняют свою мощь. Одно мы видим с уверенностью: великий Лавэр, сильнейший провидец среди Четвертых, не предчувствовал ее появления.

Эндрот покачал головой, но промолчал. В голове Фиоргаста лихорадочно крутились мысли, но он возвращался к тому, что беспокоило его больше всего.

– Вы сказали, что видите мое будущее не только как целителя, но и как… тирана. Как такое возможно? – он развел руками. – Я же алейрит, для меня жизнь священна, а власть не имеет смысла! Что вы видите?

– Нити твоего будущего одновременно и переплетены, и расходятся, подобно паутине. Мы видим, как ты лечишь тех, кто пребывает при смерти, как возвращаешь существ к жизни, как приносишь счастье и радость в наш мир своими способностями. Одновременно мы видим, как ты стремишься к власти, как внушаешь страх, как лишаешь жизни тысячи существ.

Фиоргаст побледнел и уронил руки на колени. Судьба, уготованная ему, неясна, но даже мысль о том, что путь приведет его к такому финалу, внушала ужас.

– Что же мне делать? – безрадостно спросил он.

– Мы можем лишь посоветовать тебе держаться той веры и тех принципов, которые делают тебя тем, кто ты есть. Путь, ведущий тебя к власти и тирании, – лишь результат твоих внутренних перемен.

Фиоргаст некоторое время думал, затем закивал.

– Это все, что мы можем сказать тебе, алейрит. Но прежде чем ты продолжишь свой путь, мы дадим тебе возможность *почувствовать* наш лес. Это облегчит твою ношу и поможет принять неизбежное.

– *Почувствовать* лес? – переспросил алейрит.

Вместо ответа единорог медленно кивнул, после чего развернулся и скрылся за деревьями.

– Что он имел в виду? – озадаченно спросил Фиоргаст.

– Я не знаю, – пожал плечами Эндрот. – Я не безоговорочно верю их словам. Никто не может знать, что великий Лавэр не предвидел появления магии. Если мой учитель, как они сами сказали, величайший провидец среди Четвертых, то как создания Четвертых могут знать что-то большее, чем он? Мне это представляется ложным.

Алейрит слушал эльфа вполуха, а сам пытался начать «чувствовать» лес. Сначала ничего не происходило, а затем он вспомнил ощущения, которые испытал под влиянием Радужного Алмаза. Фиоргаст попытался воссоздать эти чувства и спустя пару мгновений понял, что не способен двигаться, словно какая-то сила пригвоздила его к земле и удерживала с помощью невидимых, но прочных пут.

Вдруг он осознал, что *почувствовал* лес. Это ощущение напоминало протяжную песнь, которая началась с единственной слабой ноты – тихого, но настойчивого гудения, словно его окружил рой шмелей, а затем в этот гул стали вплетаться новые звуки, перерастающие в дивную гармонию, они расширялись, пока не заполнили собой все его существо. Это было настоящее единство – с каждым листком дерева, с камешком в густой траве и одновременно со всем этим огромным, колышущимся, шепчущим лесом, который постепенно оживал, словно исполинское существо пробуждалось от долгого сна. Лес пел ему, говорил с ним, поверял свои тайны, делился своими удивительными мыслями. Фиоргаст ощутил такой мощный прилив спокойствия, умиротворения и счастья, что слезы выступили на его глазах. Он узнал, сколько в лесу единорогов, где они живут и что делают, но мысли их оставались скрытыми, потому что даже лес не мог прочесть их. Алейрит узнал, какие еще твари водятся в темных чащах, оврагах и выстланных мхом лощинах, и содрогнулся. Он почувствовал, как в самом сердце заповедного леса пульсирует неискоренимая жажда покоя, которая пересиливает даже стремление к жизни, словно лес готов погибнуть, но сохранить свои тайны навечно.

Наконец он неохотно разорвал эту связь и вернулся в реальность, где шелест листьев больше не напоминал шепот. Фиоргаст упал на спину в мягкую траву, раскинул руки и еще долго лежал так, заново переживая каждый миг своего единения с магией живого леса. Даже когда это чувство стало медленно угасать, уступая место его привычным переживаниям, он знал, что больше оно никуда не денется. Фиоргаст прошептал слова благодарности, уверенный в том, что его услышат и поймут.

Обратно зашагали по той же незаметной тропе. Алейрит шел не боясь, что на него нападут, потому что знал: звери больше не рискнут приближаться к тому, кто сумел постичь тайны этого места.

Увидев друзей, Кент и Мортморн вскочили на ноги и бросились к ним с расспросами.

– Потом, потом! – отмахнулся от них Фиоргаст.

Следом за ними из леса вышел единорог, грациозно подошел ближе и склонил голову, вопросительно глядя алейриту в глаза.

– Я бесконечно благодарен вам, – проговорил Фиоргаст. – Вы позволили мне испытать то, что я никогда не смогу забыть. Я обрел одну из самых важных для меня способностей – *чувствовать* силу природы и говорить с ней на одном языке. Это потрясающе!

Единорог промолчал, кивнул в знак принятия благодарности и не спеша направился обратно. Фиоргаст провожал его взглядом, пока белоснежная фигура не скрылась в зеленом сумраке, только потом повернулся к друзьям.

– Это что значит? – потребовал разъяснений Кент. – Ты теперь вроде как с дубами можешь разговаривать или как?

– Этим он и так занимается, когда отвечает на твои дурацкие вопросы, – съязвил Мортморн.

Фиоргаст улыбнулся.

– Не совсем так, Кент. Я могу слышать, чувствовать и говорить сразу с целым лесом. С рекой или озером, но не со всей природой мира.

– Интересно, – заметил Мортморн. – Будем надеяться, это твое новое знание окажется полезным. Мало ли, придется ночью идти по незнакомой чаще, а ты вроде как «поговоришь» с ней, и нас никто не тронет.

– Слушай, Фиоргаст, – развеселился Кент, – а ты можешь с рыбой в реке поболтать по-дружески и уговорить ее присоединиться к нам за *ужином*?

Все рассмеялись.

– Боюсь, она не оценит такой любезности, – проговорил Фиоргаст. – Так что не транжирь припасы.

Друзья снова отправились в путь и отъехали от леса примерно на версту. Кент, который все это время переваривал рассказ Фиоргаста и размышлял, какие выгоды несет в себе умение вести разговор с природой, внезапно очнулся:

– Эй! А куда мы, вообще, идем?

– Теперь у нас одна дорога, – усмехнулся Мортморн. – Мы побывали во всех западных землях Лерции. Фиоргаст в этом путешествии приобрел кое-какие знания. Дальше нам надо идти на восток – вполне возможно, что там его тоже ждут открытия.

– К мэллордам?! – переполошился Кент.

– Отнюдь, – проговорил Эндрот. – Земли мэллордов и Язения не будут гостеприимны. Путь на север нам заказан. Значит, придется идти в Междуречье. Наймем какое-нибудь судно и на нем доплывем до земель, что восточнее Лунной Твердыни.

– Да, – кивнул Фиоргаст. – Пожалуй, это единственный вариант. Хотя, как я понимаю, не очень безопасный. Слушай, – он глянул на Кента, – это твой последний шанс уйти. Понимаю, ты от скуки увязался за нами, но сейчас мы идем туда, где нас ждет много опасностей. Ты правда хочешь идти с нами?

– Так, – обиделся Кент, который не ожидал такого подвоха. – Ты с кустами научился лясы точить, а вот с людьми что-то у тебя не очень получается. Ты мне не доверяешь, что ли?!

– Доверяю, но…

– Тогда слушай сюда, – Кент потряс пальцем у него перед носом. – Я уже говорил, что грабежом промышлять больше не хочу. В наемники пойти – себя не уважать. Для честного дела у меня кошелек слишком тощий. Какие варианты? Ты меня не запугаешь, парень. Кончай пытаться от меня избавиться, даже если я тебе не нравлюсь, то стерпится – слюбится, как говорится.

Мортморн и Эндрот фыркнули, а Фиоргаст смутился.

– Извини, – тихо проговорил он.

– То-то же, – приосанился Кент. – Значится, я с вами. Куда вы, туда и я.

– Милости просим, – с подчеркнутой любезностью поклонился Мортморн. – Сегодня, между прочим, твоя очередь готовить ужин. Точнее, она была вчера, но ты сделал вид, что смертельно устал.

– Что за люди, – вздохнул Кент. – Помереть спокойно не дадут.

Пришпорив лошадей, друзья направились на восток, в сторону Междуречья – диких краев, обитатели которых привыкли жить по праву сильнейшего.

Глава одиннадцатая

Междуречье было одним из немногих земель, где к началу второго тысячелетия Темного Времени так и не образовалось государство. В первую очередь потому, что местные жители – улнары, как они себя называли, не признавали никаких законов. Вождь, который силой пытался подчинить себе население, рано или поздно сталкивался с тем, что без четких правил управлять территориями было невозможно. Каждая банда головорезов контролировала свою часть степей. Когда одна из них становилась слишком сильной, для остальных это превращалось в угрозу, и могущество отдельного вождя долго не длилось.

Несмотря на разобщенность и анархию, земли Междуречья сохраняли полную независимость. Язенийцы в прошлом при подстрекательстве мэллордов не раз пытались подчинить себе эти земли, чтобы иметь удобную возможность напасть на Эркаллон с тыла. Однако ни одна из этих попыток не увенчалась успехом, потому что подчинение чужакам воспринималось улнарами еще хуже, чем единоличная власть отдельного вождя.

Именно благодаря такой странной, но опасной свободе, Междуречье стало настоящим центром притяжения для тех, кто был недоволен либо мэллордами, либо эльфами. Все новоприбывшие рано или поздно попадали под полную власть местных банд.

Свободолюбие улнаров никак не мешало отдельным представителям Язении или даже Лунной Твердыни появляться в Междуречье, заниматься своими делами и нанимать отдельные банды для достижения своих целей. Именно в это время в Волоссе, крупнейшем поселении Междуречья, действовал отряд улнаров под предводительством мэллорда по имени Яндур. Щедро оплатив местному вождю свое право находиться здесь, мэллорд тщательно выискивал путников с севера, которые могли бы поделиться с ним ценными сведениями о состоянии дел на южных территориях Альянса.

Въезжая в Волоссу, друзья об этом не знали. Местные моментально опознали в Эндроте эльфа – плащ, скрывающий его с головы до ног, не помог – и поспешили к Яндуру. Путники же, ни о чем не подозревая, добрались до постоялого двора и решили пополнить запасы, но не задерживаться надолго.

Хозяин, крайне неприятный тип откровенно бандитского вида, продал им втридорога хлеб, вяленое мясо и твердый сыр. Кент полез было выяснять отношения, возмущенный местными ценами, но Мортморн вовремя его одернул. Они навьючили лошадей и направились к выезду из Волоссы.

Но отряд из пятерых улнаров преградил друзьям путь, устремив на них свирепые взгляды, и они почувствовали себя неуютно. Когда же с противоположной стороны подъехали еще пятеро всадников, один из которых с ненавистью воззрился на Эндрота, путники поняли, что дело плохо.

– Бросайте оружие, ублюдки из Эркаллона, и слезайте с лошадей! – скомандовал главарь на всеобщем наречии с ярко выраженным мэллордским акцентом.

Друзья переглянулись. Из четверых хорошо драться умел только Мортморн, но что он мог сделать против десятерых? Кент с надеждой посмотрел на Фиоргаста, тот сидел неподвижно, опустив голову и, казалось, не слышал окрика мэллорда.

– Вы что, оглохли?! – рявкнул тот.

Всадники подъехали ближе, поигрывая оружием в руках – кто палицей, кто топором, а кто и дубиной.

– По какому праву вы нас задерживаете? – холодно осведомился Эндрот. – Здесь не твоя земля, глупец из Твердыни.

– Ты ошибаешься, остроухая мразь! – расхохотался мэллорд. – Сегодня я здесь хозяин, и ты скоро окажешься в кандалах, если, конечно, не предпочтешь умереть прямо здесь.

– Что будем делать? – тихо спросил Кент, наклонившись к Мортморну, единственному, кто что-то понимал в военном деле, пока Эндрот пререкался с извечным недругом.

– Пожалуй, выход один, – прошептал шулренец. – Пришпорим коней и рванем вперед и вбок так, чтобы эти головорезы, что спереди, не успели отреагировать. Я попробую выбить из седла хотя бы одного из них. Главное, чтобы Эндрот с Фиоргастом вовремя сообразили, что мы задумали. Будем прорываться, а уж в ближайшем перелеске как-нибудь спрячемся.

Тем временем Эндрот и мэллорд продолжали препираться. Эльф просто тянул время, а его противнику нравилось играть со своей добычей. Улнарам это надоело и они, не дожидаясь приказа, двинулись вперед.

Мортморну только этого и надо было. Пришпорив лошадь, он выхватил меч, рванул навстречу нападавшим и врезался в их строй, пробив брешь парой умелых и быстрых взмахов мечом. Головорезы шарахнулись в стороны, и Фиоргаст, Кент и Эндрот что есть силы помчались вперед.

Мэллорд завизжал от ярости, хлестнул коня, и весь его отряд после секундного замешательства бросился за ними. Друзья изо всех сил гнали лошадей прочь от Волоссы, но оторваться не вышло: четверо молодчиков постепенно догоняли их, остальные отставали.

Фиоргаст понимал, что в случае опасности ему придется применить магию, даже если все его существо противится этому. Он перехватил взгляд Мортморна, который, казалось, говорил о том же, и его охватило отчаяние. Ладони алейрита налились жаром, огонь был готов вырваться на волю, но Мортморн вдруг остановился, пропустил спутников вперед и повернулся к бандитам с мечом наголо. Остальные замешкались и в ужасе остановились, но Мортморн уже не видел их. Он смотрел в глаза смерти, несущейся на него в вихре пыли, и страх в его сердце постепенно уступал место хладнокровной уверенности: он справится, как бы там ни было.

От мощного короткого удара мэллорд вылетел из седла, но тут же вскочил на ноги. Еще двое бандитов пропустили череду стремительных взмахов шулренского меча, один из них повис в стременах, и лошадь понесла его дальше. Последний головорез понесся на Мортморна с диким воплем. Шулренец поднял меч, закрываясь от удара, но тот был настолько сильным, что Мортморн вылетел из седла и покатился по земле. Первый из разбойников понесся на остолбеневших от страха друзей. Пока шулренец поднимался, Эндрот чудом успел уклониться от клинка, обрушившегося на него сверху. Кент, собрав в горсть всю свою храбрость, с воинственным воплем налетел на противника сзади и толкнул со всей мочи – они рухнули на землю вместе, глотая пыль. Бандит пришел в себя раньше и придавил оппонента к земле, нашаривая за поясом кинжал.

– Чтоб тебя разорвало! – от души пожелал ему Кент, безуспешно пытаясь вырваться.

Через мгновение тело разбойника свалилось на него – мрачный, но полный решимости Эндрот вытаскивал из его спины меч.

– Ты не ранен? – спросил он, и Кент чуть не прослезился от такой заботы.

Между тем Мортморн разделался с очередным противником и повернулся к друзьям, зажимая раненое плечо.

– Сзади! – заорал Фиоргаст, но опоздал на мгновение.

Мэллорд налетел на Мортморна, ударил рукоятью по лицу и сбил с ног так, что меч шулренца отлетел на пару шагов. Мортморн силился встать, но кровь из рассеченной брови заливала глаза, вслепую он шарил вокруг, стараясь нащупать оружие. В момент, когда его ладонь легла на рукоять, мэллорд занес меч и вонзил в живот Мортморна.

Фиоргаст закричал, вопль слился с криком боли, который вырвался у шулренца. Алейрит не видел ничего, кроме страдающего друга и врага, который возвышался над ним, издевательски смеясь. Все сомнения тут же растворились в вихре кипящей ярости, которая овладела Фиоргастом и вырвалась наружу в виде потока испепеляющего огня. Мэллорд обернулся, и

триумф на его лице сменился ужасом. В следующее мгновение от него остался лишь пепел, который медленно оседал на истекающего кровью Мортморна.

Остальные преследователи, нагонявшие их, при виде этого действа развернулись и молча унеслись прочь.

Фиоргаст вышел из оцепенения, бросился к Мортморну, упал на колени и прижал ладони к ране. Алейрит закрыл глаза и призвал на помощь все свои силы, как тогда, в Коарском лесу. Сквозь пальцы сочилась кровь, но он упорно продолжал тянуться в *ничто*, медленно, лоскут за лоскутом создавая человеческую плоть, восстанавливая рассеченные сосуды и мышцы. Будь удар смертельным, Фиоргаст сделать ничего не смог бы. Мэллорд хотел причинить шулренцу как можно больше мучений, и это, как ни парадоксально, помогло спасти ему жизнь.

Спустя несколько минут Мортморн пришел в себя. Измотанный Фиоргаст, поймав изумленный взгляд шулренца, слабо улыбнулся и потерял сознание.

Алейрит открыл глаза, поморгал, прогоняя туман забытья, и с трудом приподнялся на локте.

Почти сразу послышался голос Кента:

– Поглядите-ка, кто тут у нас очухался!

Фиоргаст лежал возле костра, укрытый походным одеялом, рядом сидели друзья. Мортморн, живой и здоровый, уплетал мясо и пил эль, и было совершенно непохоже, что еще недавно он готовился отойти в мир иной. Увидев, что Фиоргаст очнулся, шулренец просиял:

– Наконец-то! Спасибо, дружище. Я уж думал, что все…

– Рановато тебе, – слабо усмехнулся Фиоргаст и с трудом сел – голова кружилась, к горлу подкатывала противная тошнота.

Эндрот протянул ему флягу с водой, алейрит сделал несколько больших глотков и вспомнил: он убил мэллорда, оборвал жизнь другого элмарца. Оборвал с помощью магии, которая была призвана созидать, а не разрушать! Представитель самого миролюбивого народа Элмара убил живое разумное существо. Сделал это в приступе ярости, из мести, совершенно не задумываясь о последствиях. Он не имел на это никакого права и, хотя разум говорил ему, что мэллорд заслуживал смерти, душа кричала: убийца! Фиоргаст застонал и повалился на спину, закрыв лицо руками.

– Эй! Ты чего? – осторожно спросил Кент, но Мортморн пихнул его в бок.

Эндрот встал и подошел к Фиоргасту, сел рядом и мягко положил руку на его плечо.

– Ты сейчас не в том состоянии, – спокойно проговорил он, – но все же выслушай меня. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Знаю, что винишь себя в смерти того мэллорда. Но ты подумал о том, что стало ее причиной?

Фиоргаст шмыгнул носом и попытался оттолкнуть эльфа. Тот сжал его плечо, заставляя слушать.

– Ты прекрасно знаешь, что все сделал правильно, но продолжаешь грызть себя за это. Я понимаю, что убить для алейрита хуже, чем наложить на себя руки. Ты использовал магию и теперь думаешь о том, что больше не хочешь иметь с ней ничего общего. Я прав?

Фиоргаст молча кивнул, глотая слезы.

– Не стоит, друг мой, – мягко сказал эльф. – Да, ты убил, но мир – жестокая штука. Если в Алейре ты жил в полной безопасности, то здесь либо ты научишься убивать, либо погибнешь сам.

– Но ведь ты же за свои тысячу с лишним лет не научился! – выкрикнул Фиоргаст в отчаянии. – И как-то выжил… Почему же мне, едва я покинул Алейру, пришлось сделать… это?!

Эндрот оглянулся на друзей и кивнул, они поняли и едва заметно улыбнулись. Если кто-то начинает разговаривать о своей боли и даже спорить, это означает, что он готов с ней бороться.

– Кто тебе сказал, что я не научился? – усмехнулся эльф. – Просто мое оружие – это не меч, а уважение и разум. Я не зря ношу символ Четвертого – это и есть моя защита. Мало кто осмелится напасть на ученика Лавэра. Тех, кто в своем невежестве не узнает этот символ, я убеждаю в том, что моя жизнь ценна даже для них. На крайний случай, как в этот раз, у меня есть и клинок.

– Ты лукавишь, – слабо улыбнулся Фиоргаст. – Из-за твоего знака тебя не любят и не боятся, потому что знают, что Лавэр никак не поможет тебе. Как работает твой дар красноречия, мы сегодня увидели на примере этого мэллорда.

– Сегодня? – усмехнулся Мортморн. – Это было позавчера.

– Позавчера? – Фиоргаст сел и утер лицо. – Как ты себя чувствуешь? – обратился он к Мортморну.

– Отлично, – ухмыльнулся тот и отсалютовал Фиоргасту флягой. – Перед тем как попрощаться с жизнью, я мысленно пожелал тому мэллорду еще худшей смерти. Все сбылось благодаря тебе.

Фиоргаст вздрогнул, и Эндрот метнул на шулренца укоризненный взгляд. Тот стойко выдержал его и пожал плечами: мол, пусть знает, оно к лучшему, надо же когда-то привыкать.

– Видимо, мне и вправду суждено стать убийцей и использовать магию для уничтожения, – пробормотал алейрит. – Что ж, если мой путь именно таков, я…

– Опять ты чушь мелешь! – перебил его молчавший до сих пор Кент. – Тебя послушать, так ты воплощение зла. Дурак ты, а не воплощение зла, вот что я тебе скажу! Если бы ты испепелил случайного прохожего или не ограничился бы тем мэллордом, тогда я, честно говоря, побоялся бы сейчас сидеть рядом с тобой. Ты поступил так, как любой из нас поступил бы на твоем месте, ни больше ни меньше. Думаешь, я не вступился бы за этого парня? – он кивнул на Мортморна. – Хоть он и заноза в заднице, но поверь, я любого за него порвал бы в клочья. Ну или хотя бы попытался… Так что хорош ныть, лучше поешь, а то выглядишь, честно говоря, хоть в гроб клади.

После этой отповеди воцарилась тишина, нарушаемая только аппетитным чавканьем Кента, который решил подать Фиоргасту добрый пример. Мортморн не выдержал и фыркнул, Эндрот усмехнулся. Фиоргаст выдавил слабую улыбку.

– Убедил. Отныне клянусь, что не стану причиной гибели ни единого живого существа, только если не будет нужды защищать себя или вас.

Фиоргаст поел и снова уснул. Остальные неспешно беседовали и попивали эль, сидя вокруг костра. Через некоторое время улеглись, совершив огромную ошибку: никому не пришло в голову выставить караул. Они думали, что преследователи, объятые ужасом от увиденного, просто забудут о них, тем более, за два дня они успели отъехать далеко от Волоссы, и опасность осталась позади.

Они ошиблись. Люди Яндура, оправившись от шока и испуга, решили, что возвращаться в Волоссу с позорной вестью о неотмщенной гибели мэллорда, который так щедро платил их вождю – плохая идея. Бандиты развернули лошадей и направились по следу друзей, даже не позаботившись о том, чтобы похоронить своих соратников.

Как раз под утро добрались до лагеря и очень обрадовались, увидев, что друзья спят как убитые. Спешившись, бесшумно подкрались ближе, но все испортил Кент, которому приснился кошмар – он вскочил, невидящими глазами глядя в полумрак, и заорал так, что бандиты опешили. Вопль Кента разбудил остальных. Едва проснувшись, умудрились чудом увернуться от ударов. В суматохе и спросонья было сложно сопротивляться, а Фиоргаст был слишком испуган, чтобы хоть что-то предпринять. Сверкнули клинки, занесенные над головами друзей,

но судьба вновь решила вмешаться – внезапно раздался легкий свист, в воздухе блеснули два метательных кинжала, и двое из нападавших, захрипев, свалились на землю. Третий улнар нелепо дернулся вперед и рухнул на живот – из спины торчал увесистый топор.

Ошеломленные неожиданной подмогой, друзья вскочили на ноги. Один из оставшихся в живых бандитов выхватил нож и швырнул в Эндрота, но оружие внезапно отклонилось в сторону, словно его снес порыв ветра, и воткнулось в ствол дерева. В воздухе свистнули еще два кинжала, и головорезы рухнули на землю.

– Ты еще и предметы можешь силой мысли передвигать? – усмехнулся подошедший Штойф и выдернул кинжалы из тел жертв, вытирая об их одежду и засовывая себе за пояс. – Не знал, не знал.

– Какие лю-юди, – протянул Мортморн, разглядывая невесть откуда появившихся гнома и шута. – Что ж, спасибо за помощь, вы очень вовремя. Купцы из Насгорда неплохо знакомы с оружием, как я погляжу…

– От купцов слышу, – парировал Дорин, вытирая лезвие топора. – Или вы все же не те, кем представлялись? Воин, тысячелетний эльф и маг – компания что надо, верно?

– И бывший вор, – рассеянно встрял Кент, который до сих пор плохо соображал, что происходит.

– Откуда вам известно о моих способностях? – пробормотал Фиоргаст, потрясенный новым проявлением своего дара.

– Нет ничего проще, – улыбнулся Штойф. – Наш Радужный Алмаз, как и ваше Вечное Древо, обладает сознанием, только вот пока еще с ума не сошел. Мы – его посвященные, и он многое о вас поведал нам.

– Допустим, – мрачно кивнул Мортморн. – Зачем вы нас преследуете? Вы, конечно, нам жизнь спасли, но все же мы имеем право знать, какого мэллорда от нас нужно посвященным Радужного Алмаза?

Штойф вздохнул и переглянулся с гномом.

– Думаю, лучше будет обсудить эту тему за завтраком. Как раз самое время.

– Неплохая мысль, – поддержал Кент. – Только вот, знаете ли, мы на гостей не рассчитывали.

– У нас все свое, бывший вор, – любезно парировал Дорин, подходя к костру и вытряхивая из мешка свертки с припасами.

Штойф достал флягу и уселся рядом. Остальные помедлили и присоединились к ним. Шут и гном ели не спеша, затягивая и без того долгое молчание.

– Рассказывайте, – не выдержал Кент. – Свалились, понимаешь, как Тьма на Элмар, и сидят как немые пни.

Штойф усмехнулся.

– Раз вам так интересно, слушайте, – проговорил он. – Алмаз, как и Древо, способен видеть будущее и понимает, что магия Фиоргаста изменит мир так, как он не менялся с начала Темного Времени. Вполне возможно, что не в лучшую сторону. Поэтому его забота – понять эти изменения и оценить то, как они повлияют на народ гномов. Вот он и послал нас, своих посвященных, на ваши поиски.

– Вы нас нашли, – сказал Эндрот, с подозрением глядя на новых гостей. – Что дальше?

– Дальше? Мы хотим предложить вам свою помощь, – Штойф закинул в рот оставшийся кусок черствого хлеба и запил его из фляжки. – Мы не претендуем на то, чтобы принимать решения за вас, но были бы вам благодарны, если позволите идти дальше вместе с вами. Как вы уже поняли, я неплохо управляюсь с оружием, а в здешних местах это полезный навык.

– Что взамен? – осведомился Мортморн.

– Мы всего лишь хотим быть свидетелями того, как твои способности, – Штойф кивнул Фиоргасту, который молча жевал хлеб, – развиваются и во что превращаются. Алмаз заверил нас в том, что твоя магия изменит мир, и мы хотим знать, как и насколько.

– То есть вы просто составите нам компанию и будете смотреть, как Фиоргаст совершенствует свои способности? – уточнил Кент.

Штойф улыбнулся и молча кивнул.

– Не знаю, как вы, – задумчиво сказал Кент, – а я не вижу в этом ничего предосудительного. В конце концов, они только что спасли наши шкуры. Впрочем, я сам новичок в этом обществе, так что решать не мне.

– И тип ты какой-то мутный, чтобы твое мнение учитывать, – заметил Мортморн, за что в плечо ему тут же прилетела куриная косточка.

Все взгляды устремились на Фиоргаста. Алейрит молча смотрел в огонь и размышлял. Эти двое ему нравились, но отчего-то все его существо противилось их просьбе, хотя объяснить это чувство он не мог. С другой стороны, это наименьшее, что он может сделать для шута и гнома, которые рискнули жизнью ради них.

– Вы спасли нам жизнь, – проговорил он. – Думаю, удовлетворить вашу просьбу станет достойным вознаграждением…

– Благодарю, – склонил голову Штойф. – Будь уверен, твой путь в познании твоего дара только начинается. Алмаз никогда не лжет.

Фиоргаст улыбнулся и по очереди пожал им руки. Ему было странно ощущать безоговорочную поддержку спутников и готовность защищать его любой ценой. «Интересно, а стали бы они помогать мне, не обладай я даром? Что было бы, если бы мы встретились при иных обстоятельствах? Подружились бы или я так и продолжал бы свой путь в гордом одиночестве?» – в сознании крутились вопросы, на которые Фиоргаст не хотел знать ответы, подозревая, что они могут не понравиться ему. Он тряхнул головой, отгоняя внезапно накатившую хандру, и поймал взгляд Эндрота. Эльф смотрел на него так, словно прочел его мысли, взгляд был полон понимания и затаенной грусти.

Глава двенадцатая

Они стояли на широкой палубе корабля и нерешительно переглядывались: капитан выставил такую несусветную цену за свои услуги, что даже Эндрот, который всегда отличался широтой души, задумался, что уж говорить про остальных. Особенно кипятился Кент, который, услышав сумму, поперхнулся и начал громко орать, что за такие деньги он пешком дойдет куда нужно. Остальные, хоть и не столь эмоционально, тоже выразили свое возмущение. Лошадей на борт не брали, отчего скандал грозил перерасти в рукоприкладство.

Капитан, однако, оставался невозмутимым, глядя на них оценивающим взором из-под своей треугольной шляпы. Обветренное лицо, многодневный загар, потрепанная, засаленная одежда и изредка сверкающий золотой зуб выдавали в нем бывалого морского волка.

– А как вы хотели? – пожал он плечами. – Добраться до земель империи отсюда – задача не из простых. Море в это время года штормит, так что придется идти вдоль берегов. Язенийцы, если мы с ними встретимся, обязательно поинтересуются, какого Четвертого на моем борту делает эльф, и мне придется как-то с ними объясняться. Да и мэллорды, скорее всего, не потерпят присутствия врага в своих водах. Хоть сейчас войны и нет, но сами понимаете…

– Слушай, мил человек, – проговорил Мортморн, – по-моему, вряд ли все настолько плохо. Язенийцам должно быть все равно, ведь эльфы не суются на берег, а мэллорды… Значит, обойдем их по открытому морю. Мы готовы доплатить, но имей совесть!

– Совесть-то как раз и подсказывает, что меньше просить неразумно, – капитан задумчиво покрутил ус. – Путешествие опасное, значит, и цена высока. Да еще этот эльф… Там их вообще считают за отсталый народ, который помешан на предрассудках. Вы уж поверьте мне, я там бывал.

– Не преувеличивай, – проворчал Эндрот. – Цена реальной угрозы куда меньше, чем ты запросил, а со штормами справляться – это твоя профессия. Так что наше предложение – двадцать золотых.

– А как насчет риска? – фыркнул капитан. – Вам, наверное, неведомо, что в этом море водятся ужасные твари? Они выплывают на поверхность на своих лодках, которые перемещаются под водой, и топят корабли.

– Нам ведомо, – сурово отрезал Эндрот. – Эти твари называются ландарками, и они такие же обитатели Элмара, как люди или эльфы. Более того, это дети Лавэра, величайшего из Четвертых, поэтому вполне возможно, что они разумнее нас. Они никогда не нападают просто так. Если мы встретим их, я смогу с ними поговорить, и нас не тронут. Уразумел?

Выражение лица капитана резко изменилось. До этой тирады он считал путников авантюристами, которым захотелось побывать там, где не ступала нога эльфа, однако теперь понял, что его пассажиры не так просты, да еще и упрямы. Поторговавшись еще немного для приличия, капитан озвучил приемлемую цену.

Через пару часов корабль отчалил. Кент успел метнуться на местный постоялый двор, где отчаянно торговался, но все же с очень большой скидкой продал лошадей. Вместе с «эльфом и его пестрой свитой», как их называли матросы, на корабль поднялись еще двое пассажиров – мужчина и женщина среднего возраста, слишком роскошно одетые для этих мест. Капитан всячески лебезил перед ними, так что стало понятно, что это люди не простые. Впрочем, погрузившись на корабль, они закрылись в своей каюте и почти не покидали ее.

Капитан Уннак расхваливал свой корабль не зря. Судно уверенно мчалось вперед, и, судя по скорости, путешествие должно было занять не больше недели. Их поселили в просторной каюте, каждому выделили узкий, но вполне прочный гамак. Капитан принес несколько фляг с элем, так что на комфорт жаловаться не приходилось. Несладко пришлось только Мортморну, который, как выяснилось, очень плохо переносил качку, но старался не подавать виду. Кент

по-дружески посоветовал ему прогуляться до борта и «сгрузить лишнее», но шулренец сквозь зубы послал его к мэллордам.

После скромного ужина друзья уселись играть в кости.

– Эндрот, – проговорил Штойф, выбросив пятерку, – расскажешь нам о странах к востоку от Твердыни? Я подозреваю, что никто, кроме тебя, о них не знает. Как-то, знаешь ли, хочется морально подготовиться.

Эльф потряс кости в руках и кинул на стол. Выпала семерка.

– Что ж, – задумчиво сказал он, – память меня уже немного подводит, поскольку я давно там не был, но кое-какие сведения я получал в Эркаллоне и Шулрене, так что могу рассказать о нынешнем положении дел. В общих чертах.

– Валяй, – милостиво разрешил Кент. – К Четвертым детали, разберемся на месте.

– Ладно, слушайте, – проговорил Эндрот и откинулся на спинку стула. – Примерно в седьмом веке в одаренных плодородными почвами землях рядом с Озером Надежды возникло новое государство людей. Других народов поблизости не было, так что жителям не у кого было учиться, и они всего добивались сами. Свою страну они назвали Раодаром. Тогда Раодар занимал территорию, примерно равную нынешнему Эркаллону, но жителей в нем было намного меньше.

Раодару очень повезло с расположением – их почвы хорошо подходили для земледелия, а в ближайшей округе не водилось никаких серьезных соперников. Начали быстро развиваться и расширять свои владения, захватывая соседние племена и мелкие княжества. В какой-то момент обнаружили в своих новых владениях крупные залежи железной и медной руды, что сильно ускорило их развитие.

В начале IX века в Раодаре началась гражданская война, в результате которой убили короля, наследника изгнали, а власть узурпировала группа людей, называющая себя Сенатом. Они придумали какую-то нелепую систему управления, при которой эти самые сенаторы с некой периодичностью избирались гражданами Раодара. Новое государство называли республикой.

– Очень интересно, – пробормотал Мортморн из своего гамака. – Значит, власть не передавалась по наследству? Как же им удалось сохранить свое положение?

– Загадка, – пожал плечами Эндрот. – Такая система просуществовала недолго, меньше века, и случилась еще одна гражданская война. К власти пришел человек, который принял титул императора. К тому времени республика была государством сильным, но крупными завоеваниями не славилась. Новая империя активно этим занялась. За четверть века Раодар захватил почти все известные нам земли к востоку от Твердыни и разросся до неимоверных размеров. Я часто задавался вопросом, почему они не пошли дальше, к нам в Лерцию, но ответа у меня нет.

– И что – ни одного поражения? – прищурился Штойф.

– Были, как не быть. Осадили Волдонар, тогда еще называемый Свободным городом, а вместе с ним хотели захватить горы к юго-востоку от него. Но их ждал неприятный сюрприз – морланги, одни из детей Лавэра. Эти крупные летающие существа обладали огромным преимуществом в горах, молниеносно атаковали с воздуха и легко уворачивались от стрел.

– Люди смирились со своим поражением? – спросил Дорин.

– В этой войне – да. Морланги нанесли Раодару ощутимый урон, и по итогам переговоров люди отказались от попыток захватить горы, но установили свою власть в предгорьях, где располагалась часть залежей полезных минералов, из-за которых эта война и началась. Дальше на юг раодарские легионы не пошли. Они знали, что к югу от Волдонара на холмистых просторах за Зеркальными горами обитает множество разумных и полуразумных существ. В частности, огромные и по натуре агрессивные твари, про которых ходят слухи, что людоедство для них – привычное дело.

– Бр-р, – поежился Фиоргаст. – Ты говоришь об оргах?

– Именно. Даже для той силы, которую представляла собой империя в тот момент, это могло бы стать роковым испытанием.

– Значит, Раодар, – подытожил Кент. – Теперь-то мы знаем, что они хоть и знатные вояки, но всяких необычных штучек побаиваются. Фиоргаст, у тебя будет шанс.

Алейрит отмахнулся от него и оставил без ответа.

– Интересно, – снова подал голос Мортморн. – Я-то всегда считал Шулрен самым развитым государством людей, а оказывается, империя Раодар сильнее.

– Будет неразумно напрямую их сравнивать, – проговорил Эндрот. – На стороне Раодара необъятные территории и ныне огромное население. У Шулрена никогда не было таких возможностей. К югу – эльфийские земли, к северу – Алейра, а к западу – бескрайние воды. Расширяться можно только на восток, вдоль течения Таурели, что вы понемногу и делаете. Поэтому ты верно говоришь, империя сильнее, но необязательно это делает ее лучше.

– А какие у Раодара отношения с Лунной Твердыней? – поинтересовался Штойф. – Как они относятся к эльфам? Не случится так, что нас сразу сдадут мэллордам, едва мы ступим на их землю?

– Вряд ли, – проговорил Эндрот. – Насколько мне известно, Раодар поддерживает торговые отношения с Твердыней, а мэллорды страстно желают вступить в союз с империей и с ее помощью сокрушить наконец Эркаллон. Но я все же надеюсь, что имперские амбиции не зайдут так далеко, ведь завоеванного им достаточно.

– Голодный зверь редко насыщается половиной дичи, – заметил Дорин. – Он может оставить вторую половину про запас и вернуться к ней, когда снова захочется есть.

– Будем надеяться, что империя не настолько голодна, – усмехнулся Штойф.

Краткий экскурс в историю был окончен, и компания вернулась к игре. Кент уверенно заявил, что теперь удача точно на его стороне, долго тряс кости в руках, дул на них, заклинал и в итоге с триумфом выкинул на стол. Все взгляды обратились сначала на кости, а потом на Кента.

Победная улыбка сползла с его лица.

– Что?

– Двойка, – сообщил Штойф.

– Как двойка?! – завопил Кент, перегнулся через стол и вгляделся в предательские кубики. – Это невозможно! Этот способ никогда меня не подводил, клянусь всеми богами этого мира!

– Все бывает в первый раз, – философски заметил Эндрот, пряча улыбку.

– Я такой бросок именно в этой ситуации в игре только дважды видел, – утешил Штойф. – И оба раза проигрывал я.

– Это полное свинство, – заявил Кент, сгребая кости. – Требую переброса.

– Это с чего бы? – Мортморн подал голос из гамака.

– А умирающим вообще говорить не положено, – буркнул Кент.

– Имею право на последнее слово, – ухмыльнулся Мортморн.

В каюте уютно светил масляный фонарь, во флягах плескался эль, корабль мягко покачивался на волнах, и впервые за долгое время у каждого возникло ощущение, что они в полной безопасности.

– Слушай, Штойф, – проговорил Фиоргаст, выбросив десятку, – я все спросить хотел… Ты нам при первой встрече представился шутом. Какой же ты, прости меня, шут, если ты – посвященный Алмаза?

– Это не мешает мне быть шутом, – усмехнулся Штойф.

– Но как такой важный сан вяжется с тем, что ты веселишь людей?

– Очень просто, друг мой. Шуты частенько имеют большое влияние при дворе, умеют через смех убеждать сильных мира сего в том, что им и в голову не приходит по своей воле. К примеру, не будь я шутом, я бы никогда не стал посвященным Алмаза.

– Как так? – поинтересовался Кент и, снова выкинув двойку, вполголоса выругался.

– С чего бы начать… Когда я был совсем юным, мой отец умер и оставил мне приличное наследство от своих торговых дел. Купцом я себя не видел даже в страшном сне, однако волей-неволей мне пришлось на какое-то время заняться торговлей. Крупнейшие вложения отца были в Насгорде, поэтому очень скоро там я стал человеком известным. Надо понимать, что людей, которые пользуются уважением гномов, не так много. Так я познакомился с Молотом Триумвирата и даже пару раз общался с главами гномских родов – членами Триумвирата и с Дорином, который уже тогда был приближенным Молота, – Штойф потряс кости, бросил их на стол и ухмыльнулся, увидев одиннадцать. – Я старался как мог, но чем дальше, тем отчетливее понимал, что эти дела мне опостылели. Решил передать все дела своему младшему брату, который обладал отличной деловой хваткой. К тому времени мне уже понравилось крутиться в высшем свете Насгорда, но гномы, узнав, что брат занялся моими делами, перестали меня привечать. Тогда Дорин, зная мою способность развлекать окружающих, предложил сделать меня шутом при дворе. Сначала эта идея мне не понравилась, но я решил – почему бы не попробовать? Остальные, даже мой брат, сначала скептически отнеслись к этой идее, но на первом же моем выступлении они животики надорвали от хохота, так что затея оказалась недурна. Однако я понимал, что быть шутом – не мое призвание, и Дорин тоже это понимал, – продолжал Штойф. – Когда Первый Посвященный Алмаза Термелун объявил, что требуются двое посвященных на смену умершим, Дорин вызвался и потащил меня за собой. Конечно, все подумали, что это очередная моя выходка в роли шута, но, когда Термелун совершенно серьезно согласился принять меня в услужение, смеяться надо мной перестали. Стать посвященным Алмаза – великая честь для жителя Насгорда. Так я успешно совместил две роли и делаю это до сих пор.

– Удивительная история, – задумчиво проговорил Эндрот. – Шут, который стал посвященным Алмаза и не изменил своему ремеслу.

– Все так, – сказал Штойф. – Однако в Насгорде я уже не мог веселить народ, это было мне не по чину, поэтому мы с Дорином отправились в Цайлорн. Там я решил тряхнуть стариной перед королем Эвенаром, и все остались в восторге. Но, – он хитро улыбнулся, – если вы думаете, что я и вас буду смешить, то глубоко заблуждаетесь. Разве что по велению души.

– А было бы неплохо, – встрял Кент.

– По-моему, ты с этим делом сам отлично справляешься, – поддел его Мортморн, но тут же позеленел, скатился с гамака и, пошатываясь, поспешил к ведру, стоявшему в углу каюты.

Кент фыркнул, сгреб со стола кости и потряс их, явно намереваясь закончить череду досадных неудач. Выпала двойка. Он разразился такими замысловатыми ругательствами, что даже Мортморн на мгновение отвлекся от своего неотложного дела и с уважением глянул на бывшего вора через плечо. Штойф внимательно наблюдал за реакцией Кента и внезапно засмеялся. Затем порылся в кармане и достал пару кубиков, точь-в-точь таких, какими играл Кент, и бросил на стол. Выпала дюжина.

– Ах ты везучий сукин сын! – вскричал Кент.

– Если их кинешь ты, то тоже очень удивишься, – ухмыльнулся Штойф. – Дело в том, приятель, что ты все это время кидал *мои* кости. Когда я передаю их тебе, а потом забираю и передаю Фиоргасту, то меняю их на свои и обратно. Ловкость рук – обязательное умение хорошего шута. В нужное время у тебя выпадает двойка, ведь она на них выпадает почти всегда, они так сделаны, а на этих, – он кивнул на стол, – всегда дюжина. Только нужно ловко и вовремя их менять, чтобы ничего не заподозрили. Дарю. И совет на будущее: всегда внимательно следи за противником.

– Ах ты… – Кент не нашелся что ответить, сгреб кубики и сунул их за пазуху.

– Зачем тебе это? – спросил Эндрот. – Стремишься озолотиться?

– Озолотиться? – усмехнулся Штойф. – Посвященные Алмаза получают пятьсот золотых в год, так что деньги мне не нужны. Нет, это просто обычные фокусы из арсенала шута.

– Пятьсот золотых? – поперхнулся Кент. – Да я за всю свою жизнь отродясь столько денег в руках не держал, хотя иногда грабил довольно богатых людей. Что же у вас, посвященных, за работа такая?

Гном и человек переглянулись и улыбнулись.

– Не поверишь, все, что мы делаем – слушаем Радужный Алмаз и записываем его откровения. Также выполняем поручения Первого Посвященного. Сейчас мы на важнейшем задании, о котором я уже говорил – понять, какая судьба ждет единственного обладателя магии в нашем мире и как это может повлиять на существование Насгорда и всего гномьего народа. Но это первый раз. Так что мы получали такие баснословные суммы просто ни за что.

– Свинство какое, – с негодованием заявил Кент. – Я всю жизнь разменял на мелкие кражи, а мог бы, между прочим, спереть этот ваш Алмаз и жить безбедно до конца дней своих.

– Я немного лукавлю, конечно, – усмехнулся Штойф. – Жизнь посвященного не так проста. Например, изматывающие тренировки по боевому искусству. Мы с Дорином задавались вопросом, зачем это нужно, но ответа нам никто не дал. Подозреваю, что это просто древняя традиция. Каждого из нас обучают тому, что ему больше всего подходит. Я неплохо управляюсь с ножами, а мой бородатый друг прекрасно владеет топором – и веток нарубить для костра, и пару голов снести… Наше оружие всегда при нас.

– Сколько сейчас при тебе ножей? – поднял бровь Эндрот.

– Сейчас – одиннадцать, – ответил Штойф. – Когда я один в незнакомой местности – пятнадцать.

– И сколько из них метательных, а сколько для ближнего боя? – ошарашено спросил Мортморн, которому на время полегчало.

– Семь метательных и четыре обычных, – ответил Штойф. – Когда их пятнадцать, то добавляются еще по два каждого вида.

– Так мы плывем на одном корабле с двумя великими воинами, вооруженными до зубов! – воскликнул Мортморн в притворном ужасе. – Защити нас, Лавэр!

– Ах, да, зубы! Я забыл про зубы! – с этими словами Штойф засунул в рот пальцы и извлек оттуда маленькое лезвие. – Вот с этим получается дюжина.

Воцарилось ошеломленное молчание, которое нарушил Кент:

– Знаешь, больше, пожалуй, не надо *ничего ниоткуда* доставать, – попросил он. – Боюсь даже представить, где ты прячешь остальное.

Все рассмеялись и чокнулись флягами, в которых еще плескалось немного эля. Отказался лишь Мортморн, он снова улегся в гамак и прикрыл глаза, намереваясь подремать.

– Фиоргаст, а почему наше появление стало для вас неожиданностью? – вдруг спросил Дорин. – Ведь ты знал, что мы идем по вашим следам.

Эндрот прищурился.

– Погоди, а откуда тебе об этом известно?

– Неужели ты думаешь, что мы не заметили, как Мортморн старался замести следы? – ухмыльнулся Штойф. – Учитывая, что вы не могли знать о нас, мы решили, что всему виной способности Фиоргаста.

– И не прогадали, – кивнул алейрит. – Но почему вы не догнали нас раньше? Ведь от леса единорогов мы пошли почти что в обратном направлении.

– К тому моменту мы уже были рядом, – ответил Штойф. – Мы знали, что в этот зачарованный лес нам дороги нет, поэтому остановились подальше от него. Думали, что вы там

застрянете надолго, а ушли чуть ли не сразу, так что мы потеряли время. Но мне непонятно, почему вы нас не засекли недалеко от Волоссы, когда мы оказались совсем близко?

Фиоргаст тяжело вздохнул и промолчал. За него ответил Эндрот.

– Дело в том, что там, где мы встретились с врагами в первый раз, нашему другу пришлось… – эльф замялся и нерешительно посмотрел на Фиоргаста, но тот опустил голову и кивнул, разрешая продолжать. – Пришлось убить волшебным огнем одного из преследователей. Думаю, вы знаете, что это значит для алейрита. Фиоргаст совсем пал духом, и нам с трудом удалось убедить его, что у него не было выбора.

– Теперь я просто не хочу обращаться к магии, – глухо проговорил Фиоргаст. – Мне трудно принять то, что мирные намерения внезапно могут обернуться болью и смертью. Моя сила пугает меня, поэтому я не стал *смотреть* в тот вечер и не видел вас.

– Ясно, – коротко ответил Штойф. – Что ж, тогда не будем об этом.

– Да, так будет лучше, – согласился Эндрот.

– Спасибо, – тихо проговорил Фиоргаст. – Надеюсь, скоро мне станет лучше.

– Не торопись, – улыбнулся Штойф и похлопал алейрита по плечу.

Глава тринадцатая

Спустя обещанный срок они добрались до южного берега империи Раодар. Здесь крупнейшим центром был город Невваль, когда-то купеческий город-государство, ныне – столица имперской провинции и главный западный форпост Раодара.

Корабль вошел в порт, пришвартовался к свободному пирсу, и друзья, собрав вещи, начали было подниматься на палубу, но внезапно им преградили путь матросы во главе с Уннаком. Мортморн, Штойф и Дорин напряглись, заметив, что вся команда вооружена. Среди них не хватало боцмана, но и без него происходящее выглядело подозрительно.

– Что происходит? – стараясь сохранять спокойствие, спросил Эндрот.

В ответ матросы заполнили всю каюту, вперед вышел капитан, поигрывая кинжалом.

– В чем дело? – повторил вопрос эльф. – Мы же уже заплатили.

Дорин, Штойф и Мортморн переглянулись. Гном перевесил свой топор со спины на грудь, чтобы в случае чего удобнее было взяться, шут сжал рукояти двух кинжалов, шулренец положил ладонь на рукоять меча.

– Заплатили – это да, – усмехнулся капитан. – Вот только в кошеле вашего остроухого явно есть побольше. Мы вас везли, торопились, горбатились, считаем, что можно и накинуть сверху.

Кент выругался себе под нос и сделал шаг назад.

– Сколько же, по вашему мнению, нам стоит «накинуть»? – осведомился Эндрот.

– Да все, что у вас есть. Мы люди не гордые, примем и такой простой дар за наши услуги.

Эльф огляделся, о чем-то задумался и вздохнул.

– Ладно, – сказал он, доставая кошель. – Будь по-вашему.

– Да как так-то?! – не выдержал Мортморн. – У нас был уговор! Мы заплатили столько, сколько нам сказали! Вы думаете, что можете так просто нас запугать?

Улыбка исчезла с лица капитана. Эндрот поджал губы и с неодобрением посмотрел на шулренца.

– А ты языком молоть, я погляжу, горазд… С тобой мы, пожалуй, потом поговорим отдельно.

– Может, объясните, в чем дело? – тихо спросил Фиоргаст.

– Ой, смотрите-ка, – ухмыльнулся Уннак. – Наша принцесса, оказывается, умеет говорить. На кой он вам вообще сдался, ребята? Наверное, развлекает вас неплохо… Интересно, каким способом?

Штойф, поджав губы, молча сделал шаг вперед. Матросы отпрянули, а капитан поднял руку с кинжалом.

– Что, парень, хочешь поиграть со мной? – Уннак повернулся к шуту. – Хочешь проверить, кто лучше владеет этими милыми штучками? – он крутанул между пальцев кинжал. – Боюсь, мил человек, что еще не родился на свет тот, кто может со мной соперничать.

– Да что ты говоришь! – усмехнулся Штойф. – Проверим?

Капитан сделал своим людям знак не вмешиваться и выступил вперед с кинжалом наготове. Штойф тоже слегка отступил в сторону так, чтобы за ним не оказалось никого из своих. Мортморн тем временем, пытаясь справиться с тревогой, пересчитал врагов – дюжина вместе с капитаном. Шансов мало. Если только… Он с надеждой посмотрел на Фиоргаста, но тот по-прежнему стоял в нерешительности и со страхом смотрел на Уннака.

Неожиданно один из матросов издал громкий крик и взмахнул рукой. Руки противников одновременно взлетели в воздух, два кинжала со скоростью стрел, пущенных из лука, понеслись навстречу друг другу. Кинжал капитана просвистел в дюйме от головы Штойфа, чудом

отклонившегося, и вонзился в стену. Кинжал шута тоже пролетел мимо Уннака, но попал ровно туда, куда он целился. Один из матросов с хрипом осел на землю.

– Убью! – заорал Уннак, сорвал дубину с пояса и бросился вперед.

Узкое пространство каюты наполнилось звоном стали, криками и запахом горячей крови. Штойфу удалось сразить наповал четверых и тяжело ранить еще двоих, прежде чем его завязали в ближнем бою. Дорин размахивал топором, отбрасывая и калеча любого, кто пытался приблизиться, но численное преимущество сыграло свою роль – матросы навалились со всех сторон и начали колоть его ножами. Мортморн, зажимая рану в боку, отчаянно рубился сразу с тремя противниками. Кент попытался было пробиться к нему, но получил по затылку и обмяк. Эндрот кинулся на помощь, по пути пронзив горло одному из нападавших, но на его голову тоже обрушился удар, и эльф рухнул на пол.

Фиоргаст по-прежнему стоял, прижавшись к стене, и сжимал кулаки до боли. Его друзья падали один за другим, а он все еще держался, и душу его переполняла смесь отчаяния, обреченности и дикого, испепеляющего гнева. И гнев взял верх. Он вытянул вперед ладони, на которых огнем горели отметины от его ногтей, и отпустил силу, бушующую в его душе.

Капитан и матросы не успели понять, что произошло. С оглушительным ревом сноп алого пламени вырвался из ладоней Фиоргаста, наполняя воздух нестерпимым жаром, в котором пылала вся ненависть алейрита. Огонь неестественно обходил его друзей и настигал врагов. Буквально через мгновение от команды корабля остались лишь кучки серого пепла и невыносимая вонь паленого мяса. Все было кончено.

Мортморн хотел было что-то сказать, но осекся. Фиоргаст медленно опустил руки и обвел невидящим взглядом каюту. Словно во сне, он шагнул к Дорину, тот корчился на полу и кашлял кровью. Алейрит склонился над ним, все еще не говоря ни слова, положил ладони на его раны и закрыл глаза. Гном взвыл, но тут же умолк и с изумлением вытаращился на него. Фиоргаст закончил лечение, отступил, слабо улыбнувшись и похлопав Дорина по плечу, и направился к Мортморну.

– Видишь, я снова нуждаюсь в тебе, – криво улыбнулся шулренец, превозмогая боль.

– Помолчи, – прошептал Фиоргаст, склоняясь над ним.

Мортморн умолк и замер, чувствуя, как уходит нестерпимая боль, как восстанавливается тело и возвращаются силы. Магия Фиоргаста наполняла его удивительным теплым ощущением, и шулренец почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Он хотел поблагодарить Фиоргаста, но не смог подобрать слов, чтобы выразить свои чувства, а тот шаткой походкой уже направился к Штойфу.

– Совсем необязательно это делать, – пробормотал тот, видя состояние алейрита. – Отдохни.

– Их кинжалы были отравлены, – глухо проговорил Фиоргаст. – Я почувствовал это, когда лечил Дорина и Мортморна. Если я не помогу, ты умрешь.

Не дожидаясь согласия, алейрит опустился на колени возле шута, положил руки на его рану и собрал все силы, направляя на нее магию. Штойф задрожал, выдохнул и с изумлением прикоснулся к плечу – рана исчезла, затянулась розовой плотью, и только окровавленная прореха в рукаве куртки напоминала о том, что произошло.

Фиоргаст мутным взглядом обвел каюту, хотел что-то сказать, но потерял сознание и рухнул на пол.

Глава четырнадцатая

Город располагался в дельте реки Таурели или Великой Реки, которая несла свои воды через всю Лерцию, владения эльфов и людей, окаймляя с севера земли мэллордов. Благодаря своему медленному течению Таурель издревле служила главной торговой артерией для всего запада. Невваль, расположенный в ее устье, занимал очень выгодную позицию и был известен в первую очередь как торговый город.

Часть города, так называемый внутренний город, была огорожена небольшой деревянной стеной. Местные жители называли ее «районом толстосумов», поскольку жили в ней богатые купеческие семьи, фактически правившие городом до прихода империи. После завоевания Раодаром им пришлось частично уступить свою власть имперским наместникам. Остальная часть города была населена людьми победнее и попроще, которые, тем не менее, находились под защитой мощных городских стен.

Друзья поспешно покинули корабль Уннака, в каюте которого остались сожженные тела моряков. Выбраться из порта, не привлекая внимания, было сложно: Мортморн и Кент тащили так и не пришедшего в сознание Фиоргаста, и их чуть было не остановила городская стража. Благодаря четким указаниям Штойфа, который вел их какими-то окольными путями по заставленным ящиками и бочками улочкам, добрались до приличного постоялого двора, где договорились о ночлеге.

Алейрита уложили на кровать в одной из комнат на втором этаже. Лишь Дорин остался рядом, остальные спустились в обеденный зал.

Удобно устроившись за столом, они заказали сытный ужин и попросили кухарку отнести порцию жаркого Дорину. Друзья понадеялись, что вкусная еда и кувшин эля скрасят его бдение. Главным вопросом, что не давал покоя каждому, было то, в каком состоянии очнется Фиоргаст.

– Мое сердце полно тревоги, – проговорил Эндрот. – Боюсь предположить, что случится, когда он придет в себя.

– Может, надо было предупредить Дорина, чтобы подальше убрал острые предметы? – буркнул Кент.

– Разберется, – сказал Мортморн. – Мне кажется, вряд ли Фиоргаст снова впадет в уныние. Он, как бы это страшно ни звучало, будто бы во вкус вошел – испепелил к мэллордам четверых и хоть бы что.

– Ты преувеличиваешь, – возразил Эндрот. – В очередной раз, как по сценарию какой-то трагической пьесы, судьба предложила ему выбор между смертью своей и своих друзей и убийством других живых существ. Он очнется и осознает, что наделал, и вновь впадет в отчаяние.

– Хотел бы я с автором этой «пьесы» поговорить, – проворчал Кент. – Я бы ему объяснил, что к чему и как делать не надо.

– Я думаю, Мортморн прав, – вмешался Штойф. – Фиоргаст в прошлый раз тоже убил с помощью магии, так? Но ведь даже помня об этом, он снова это сделал. А значит, с каждым разом ему будет все легче справляться с последствиями.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Эндрот. – Фиоргаст – алейрит, и я не верю, не хочу верить, что он так просто откажется от обычаев своего народа, впитанных с молоком матери, и не станет переживать о содеянном.

– Конечно, станет, – возразил Мортморн. – Я ж не говорю, что он очухается, выйдет к нам и скажет: «Эй, ребята, давайте еще парочку негодяев изжарим, мне понравилось». Конечно, он будет подавлен, но я уверен, что недолго.

– Хотел у вас спросить, – вдруг посерьезнел Эндрот. – Вы не заметили, что он даже внешне изменился? Его лицо… оно будто посерело.

– Да вроде бы нет, – пожал плечами Штойф. – С чего бы ему меняться? Болеть он вроде как не может, потому что иначе давно бы сам себя излечил.

– А вдруг он не может сам себя лечить? – подал голос Кент. – Вдруг он как этот сапожник без сапог? Портной без платья? Гном без золота?

Дорин наградил его прищуренным взглядом и что-то буркнул в бороду.

– Ладно, хватит хандрить, – решительно сказал Мортморн. – Не будем его обсуждать за глаза. Лучше давайте поговорим о том, куда теперь направимся.

– Думаешь, правильно будет обсуждать это без Фиоргаста? – усмехнулся Штойф.

Он выглядел расслабленным и довольным жизнью, несмотря на то что недавно убил почти десяток человек. Мортморну же, напротив, до сих пор было не по себе оттого, что за неполные два месяца он отправил на тот свет такое количество людей. За время его службы в шулренском войске королевство не вело никаких войн, так что опыт регулярных встреч со смертью у Мортморна отсутствовал.

– Решать будем не мы, но поговорить об этом можем, – сказал он. – Тем более, что главный знаток этих земель у нас тут, под боком, – он похлопал по плечу эльфа.

– Боюсь, что мои знания устарели лет на пятьдесят, если не больше, – усмехнулся Эндрот.

– Тем не менее нам надо на что-то опираться. Так что к делу, – проговорил Мортморн и отпил эля. – Меня давно заботит один вопрос. Куда мы, собственно, хотим попасть? У меня такое ощущение, что мы путешествуем ради путешествия. Когда мы хотели проникнуть в эльфийскую библиотеку, это было понятно – там хранятся свитки с пророчеством Лавэра, где упоминается магия. Затем мы пошли к единорогам, потому что они, вроде как, умеют видеть будущее. Но если я верно понял ваш мудреный пересказ, белогривые сказали, что магия не от Лавэра, и ты ошибся.

– Это их заблуждение! – тут же запротестовал Эндрот, чуть не расплескав эль из кружки. – Я уже говорил, что не верю, будто эти создания могут знать истину о пророчествах моего учителя, какие бы переплетения нитей прошлого и будущего они ни видели.

– Допустим, – отмахнулся шулренец. – После этих рогатых лошадей мы отправились дальше на юг просто потому, что на север путь нам был заказан. Там натерпелись от местного быдла, сели на корабль, и вот мы здесь, на западной границе империи. Я еще раз повторю свой вопрос: куда мы идем и зачем?

– Исходя из того, что вы нам рассказали, – проговорил Штойф, – я делаю вывод, что основная цель сейчас – попробовать понять происхождение способностей Фиоргаста. В некотором роде убедиться, что за ними не кроется нечто опасное. Тьма, например. Вы искали ответ на этот вопрос в Цайлорне, потом у единорогов, но ответа пока так и не получили.

– Сами-то способности Фиоргаста поинтереснее будут, – пробурчал Кент, отрывая руками кусок жаркого и отправляя в рот.

– Несомненно, – кивнул шут. – Только вот их развитие вряд ли привязано к какой-то местности. Сейчас он умеет многое из того, о чем и не знал, когда его изгнали из Алейры. Куда именно ведет наш путь – не столь важно. Главное – понять происхождение этой магии. Но где еще искать эти ответы? Алмаз не смог поведать, потому и отправил нас за вами. Кто еще, по твоему тысячелетнему опыту, способен ответить на этот вопрос, Эндрот?

Эльф некоторое время молчал в раздумьях. Друзья ждали, пока он закончит копаться в чертогах своей бездонной памяти, и налегали на еду.

– Мне в голову приходят два варианта, – проговорил он наконец. – Несколько лет назад я беседовал в одном из шулренских торговых домов с купцами из Раодара. Не просто из империи, а из столицы. Они проделали путь в тысячи верст и, наверное, были первыми раодарцами из столицы в Корсендоре. Когда они закончили свои дела, мы начали общаться о том,

насколько по-разному или, наоборот, одинаково устроена жизнь на таком расстоянии. Я рассказал им про Вечное Древо, про Радужный Алмаз, приводя их в пример как немногие артефакты, созданные Четвертыми и дожившие до наших дней с сохранением своих сил. В ответ они поведали мне историю о человеке из Раодара – загадочной фигуре, окутанной туманом слухов и домыслов. Знающие люди шептались, что он обладает даром, недоступным простым смертным: Четвертые якобы посещают его в сновидениях, избирая своим посланником.

Кент поперхнулся картофелем, который в этот момент пытался проглотить, и в немом удивлении воззрился на эльфа.

Тот развел руками.

– Сначала мне потребовалась выдержка, чтобы не высмеять этого шарлатана. Я потребовал подробностей, и в следующий час мои сомнения ослабли, а удивление возросло. Этот человек – они называют его Философом – не занимается никакими предсказаниями, чего можно было бы ожидать от шарлатана, и ничего не проповедует. Но за советом к нему приходят чуть ли не высшие чины в империи. Говорят, эти сны наделяют его удивительным даром – понимать и даже видеть насквозь приходящих к нему людей. Гостей Философа неизменно поражала его удивительная способность проникать в самые сокровенные глубины человеческой души. Едва переступив порог его обители, они ощущали, что он уже знает, с каким вопросом к нему пришли. Но самое поразительное в том, с какой легкостью он выводил на чистую воду не только явные мотивы, но и те подспудные желания, которые сами посетители часто тщательно скрывали даже от самих себя.

– Я ничего не понимаю, – перебил друга Мортморн. – Какой-то человек хорошо понимает людей. При этом утверждает, что видит чего-то там во сне. На кой ляд он нам нужен?! Вернее, Фиоргасту.

– Мои собеседники были уверены в своих словах и говорили с большим уважением. Они не производили впечатления простаков. Фиоргасту всенепременно нужно разобраться в себе, чтобы сохранить себя. Жизнь изрядно потрепала его за последние месяцы, и помощь такого человека может оказаться очень кстати. Если он действительно видит Четвертых во сне, в чем у меня есть сомнения, то сможет помочь пролить свет на наш вопрос.

– Мне не нравится эта идея, – проговорил Штойф. – Слишком зыбкая и построена просто на словах каких-то торговцев из Раодара. Да и… хм-м-м… таланты этого человека и польза от них вызывают вопросы. Однако же сама по себе мысль отправиться в столицу империи мне близка. Говорят, это крупнейший город известного мира!

– Дружище, ты говорил, что у тебя было два варианта, – напомнил Мортморн.

– Верно, – кивнул эльф. – Второй вариант лично меня привлекает гораздо больше. Морланги – крылатые человекоподобные существа, одни из созданий моего Учителя. Они обитают в горах на юго-восточной границе империи, и мои надежды связаны с тем, что они хранят и оберегают заветы создателя гораздо тщательнее, чем другие его дети. Когда я учился у Лавэра, среди других учеников были несколько морлангов. Они, без сомнения, сохранили очень многое из того, о чем говорил создатель. Думаю, у них мы можем найти подтверждение тому, что Учитель предвидел появление магии и что это был именно его дар нашему миру.

– Я за вариант с мудрыми птицелюдьми, – высказался Кент, не отрываясь от еды. – Если меня кто-нибудь спросит.

Эльф посмотрел на него укоризненным взглядом. Тот подмигнул в ответ, продолжая жевать.

– Значит, решили? На восток? – прищурился Штойф.

– Обсудили, – подчеркнул Мортморн. – Решать будет Фиоргаст.

Едва он упомянул его имя, как Эндрот издал радостное восклицание и указал за их спины – по лестнице спускался Дорин, за ним, чуть покачиваясь, шел Фиоргаст. Несмотря на невесе-

лый вид, алейрит не выглядел убитым горем от содеянного. Однако Эндрот с тревогой снова отметил для себя, что кожа Фиоргаста приобрела сероватый оттенок.

– Рад видеть тебя живым и здоровым, – сказал Мортморн и похлопал его по плечу, когда Фиоргаст сел за стол.

– Почему я должен быть хворым? – удивился Фиоргаст, садясь. – На корабле я не пострадал.

– Да-да, конечно, – смутился шулренец. – Просто мы волновались, что ты… в общем, а, ладно.

Фиоргаст обвел взглядом друзей и нахмурился, увидев на их лицах неуверенные улыбки. Обернулся к Дорину, но тот пожал плечами.

– Да что с вами такое? – воскликнул он наконец. – Такое впечатление, что вы не рады видеть меня в добром здравии. Вы что, ждали, что я… – он осекся, осознав причину их странного поведения. – Вы ждали, что я, как и в прошлый раз, буду… содрогаться от содеянного? Понимаю. Ни один алейрит не смог бы сохранять присутствие духа после того, что я сделал. Но я уже не тот алейрит.

Эндрот почувствовал ледяной укол страха. Он и Мортморн обменялись взглядами, остальные ошеломленно молчали.

– Я уже не тот алейрит, каким был раньше, – продолжал Фиоргаст, отсутствующе глядя в пустоту. – Привычки мои никуда не делись, знания тоже, но жизнь моя изменилась. С рождения меня учили, что убивать живое существо – это преступление против самой сути нашего народа. Это убеждение дало трещину. Я не знал, переживу ли страдания, которые терзали мое сердце. Если бы не вы… – он умолк на мгновение и посмотрел на друзей. – Тогда ваши слова оттащили меня от края бездны. Особенно твои, Эндрот, – эльф вздрогнул при этих словах. – На корабле я продолжал сомневаться и колебался, прежде чем применить магию. Но все же… все же сейчас мне несравнимо легче.

– Ты уверен? – поднял брови Дорин. – Пока ты наверху валялся, что-то постоянно бормотал про свои «деяния», почти плакал, я бы не сказал, что тебе полегчало.

Фиоргаст вздохнул.

– Конечно, я переживаю, – ответил он. – Меня до сих пор в ужас приводит одна только мысль о том, что я натворил. Но я знаю теперь, что при здравом размышлении мне не в чем себя обвинить. Эти люди убили бы меня, убили бы вас. У меня не было другого выбора. Отныне, если смерть и страдания вновь будут угрожать мне или вам, я не буду колебаться.

– Но… это же неправильно, – пробормотал Эндрот.

– Неправильно? – нахмурился алейрит. – Разве ты за тысячу лет видел мало смертей? Неужели ты считаешь, что то, что я сделал, не было оправданным?

– Нет, – покачал головой эльф. – Ты поступил правильно. Просто, не будь ты алейритом, я бы не придавал твоим поступкам такого значения, но ты – сын своего народа, и меня тревожит та легкость, с которой ты отступаешь от его представлений о мире и жизни.

Фиоргаст мягко коснулся плеча Эндрота.

– Понимаю, что тебя беспокоит. Ты думаешь, я изменился настолько, что начал утрачивать свою сущность? Нет. Я многое переосмыслил, но я все тот же Фиоргаст, которого ты знал. Я уже не тот алейрит, каким был раньше, но я все еще алейрит и всегда им буду. Будь спокоен.

Эндрот кивнул, но чувство тревоги не желало оставлять его, прочно угнездившись в сердце. Он что-то хотел сказать в ответ, но Штойф бодро перебил его:

– В общем, ясно, что все хорошо! Насколько это возможно. Фиоргаст, мы тут обсуждали, куда двинемся дальше. На восток будет лучше всего – или в столицу империи, или к морлангам. По словам эльфа, они могут оказаться полезными. Дружище, решать тебе!

– Интересно, – усмехнулся Фиоргаст. – Расскажите подробнее.

Эндрот откашлялся и с упоением принялся повторять все, что озвучил раньше. Кента, Штойфа и Дорина, знавших эльфа не так давно, изрядно веселила его любовь к повествованиям, даже если ему приходилось повторять что-то для новых слушателей.

Эльф начал с рассказа про морлангов. Фиоргаст согласно кивал, слушая его высокопарную речь, но после описания Философа начал хмуриться, не понимая, в чем смысл визита к этому человеку. Самый неправдоподобный факт Эндрот приберег напоследок. Упоминание о снах Философа, в которых он общается с Четвертыми, заставило Фиоргаста вздрогнуть и посмотреть на эльфа так, что тот запнулся.

– Четвертые приходят к нему во сне?! – быстро спросил он.

– Так говорят, – неуверенно ответил эльф, сбитый с толку его реакцией. – Как ты понимаешь, это никоим образом нельзя проверить. Он сам это утверждает. Возможно, делает это для поднятия собственного авторитета. С другой стороны, для любого здравомыслящего существа это, скорее, тревожный знак. Но почему тебя это так заинтересовало?

– Просто интересно, – ответил Фиоргаст. – Я не встречал других существ, которые заявляли бы о таком.

– Так что ты думаешь? – осведомился Штойф. – Куда лежит наш путь? К морлангам или в столицу?

– Мы можем решить это в пути, – проговорил Эндрот, прежде чем Фиоргаст успел ответить. – Дорога в столицу империи займет много дней, и пути два – Северный или Южный Имперский тракты. Один проходит по северной части империи, а второй – вдоль южного берега, и он значительно длиннее, но идет через город Волдонар, ближайший к горам морлангов. Мы можем выбрать этот путь и отложить решение, по крайней мере, до развилки. Если память не подводит меня, в одной из провинций будет возможность свернуть на север и напрямую поехать в столицу, так что расстояние сравнимо с Северным трактом.

– Очень много слов, эльф, – поморщился Кент. – Ты тут один знаешь, как проще добраться. Вот и веди нас. Рассказывать нам про все эти, как их… географические заумности без надобности.

Эндрот в первое мгновение метнул на него взгляд с ноткой сдерживаемого гнева, готовый выразить свое недовольство, но озорной огонек, пляшущий в его глазах и исполненный лукавства, разрушил напряжение, заставив уголки его губ медленно расползтись в усмешке.

– Знаешь, эльфы и чувство юмора… – тихо, но так, чтобы все слышали, пробормотал Мортморн, наклонившись к бывшему вору.

Эндрот закатил глаза, взглянул на своего друга, затем – на Кента, а потом на Фиоргаста в ожидании вердикта.

– Наш ловкий на руку друг прав, – кивнул алейрит. – Ты единственный из нас что-то знаешь об этих землях и их дорогах, поэтому веди нас.

– К великим свершениям, – добавил Штойф.

Все непроизвольно посмотрели на него.

– Что-то ты для шута слишком мало шуточек шутишь, – выдал набор шипящих звуков Мортморн, с долей подозрения глядя на Штойфа, – и те невпопад. Кент с этим справляется в разы лучше твоего.

– В нашем деле не столь важны сами шутки, сколь комбинация действий и фраз.

– Да ты просто оправдываешься, – пожал плечами Кент. – На самом деле ты – тайный посланец эльфов, чья задача следить за Фиоргастом и при малейшей возможности организовать ему… эпитафию.

– Ты хоть знаешь, что такое эпитафия? – нахмурился Штойф.

– Нет, но ты же понял, что я имею в виду, – ухмыльнулся Кент. – Да, все-таки для шута ты чересчур серьезен. Мне кажется, никаких шутовских способностей у тебя и нет, все это прикрытие. Ты – бесталанен в юморе!

– Что-о-о? – наигранно возмутился Штойф. – Вот сейчас обидно было, поэтому, чтобы вопросов больше не возникало, я вам устрою показательное выступление.

– Прямо сейчас? – фыркнул Кент.

– Да, друг мой, прямо сейчас.

Штойф вскочил с места, легко взлетел на стол, стоящий в центре таверны, и душераздирающе громко завыл. Разговоры вокруг мгновенно стихли, посетители с изумлением и раздражением повернулись в сторону чокнутого гостя. Штойф добился, чего хотел – привлек к себе всеобщее внимание, подмигнул друзьям и хлопнул в ладоши.

– Приветствую вас, люди, гномы, эльфы, мэллорды, орки, ландарки или кто вы там есть! Мне все равно, я не делаю различий между расами. Вы все – одинаковый материал для моего таланта! Разрешите представиться, я – профессиональный шут, веселю публику, напичкан остротами, как местное рагу – чесноком. Здесь проездом, но выдалась свободная минутка, поэтому вам придется насладиться коротким представлением. Надеюсь, все согласны? Потому что несогласным придется покинуть зал.

Тишина сменилась воплями, кто-то заорал «Убирайся!», кто-то требовал зрелища, но никто не встал и не вышел.

Штойф довольно улыбнулся и с таинственным видом извлек из-за пазухи две монеты, с виду – золотые. Публика замерла в ожидании.

– Как думаете, настоящее золото? – хитро прищурившись, спросил шут.

Отовсюду посыпались требования отдать монеты на проверку, особенно старались мутного вида крепкие ребята за угловым столиком. Штойф, ко всеобщему изумлению, кинул монеты именно им.

– Попрощайся с денежками! – крикнул кто-то.

Те, ловко поймав монеты, тут же отвернулись и сделали вид, что заняты разговором.

– Гость нашего города познакомился с щипачами! – донеслось сквозь смех с другой стороны.

Штойф выдержал паузу, картинно указал на них, поднял брови, отлично сымитировав изумление и возмущение, соскочил со стола и направился к их компании. Мортморн стал подниматься с места, но Дорин схватил его за рукав и отрицательно помотал головой.

Подойдя к щипачам, Штойф разразился гневной тирадой, требуя немедленно вернуть ему деньги, но его ожидаемо проигнорировали. Тот тип, что поймал монеты, принялся издевательски насвистывать какую-то песенку. Штойф повернулся, и все вокруг поразились произошедшей с ним перемене – это был не возмущенный ограбленный путник, а важный вельможа с ледяным взглядом.

– Что ж, – произнес он угрожающим тоном, – придется сообщить о происшествии куда следует. Что-то мне подсказывает, что господин наместник очень расстроится, когда узнает, что его любимого шута ограбили в какой-то таверне. Да-да. Отрубит голову виновникам, наверное… Хм… А может, перед этим отправит к заплечных дел мастерам, чтобы остальным неповадно было. Пожалуй, пойду сообщу ему.

– Брешешь, – не слишком уверенно заявил один из щипачей. – Шут из тебя – как из меня честный торговец. А денежки твои тю-тю!

– Да? – поднял бровь Штойф. – В таком случае твоя жизнь – тоже тю-тю!

Вор застыл на месте от удивления. Не потому, что шут угрожал ему, этого он не боялся. Последнюю фразу Штойф произнес, очень точно спародировав его: интонацию, манеру говорить и даже выражение лица – скопировал все, до малейшей детали. Дружки щипача покатились со смеху, как и остальные посетители постоялого двора.

– Как ты смеешь?! – щипач вскочил вне себя от бешенства. – Да я тебя сейчас…

– Ай, прости, прости! – взмолился, отступая, Штойф, мгновенно превратившись в испуганную жертву.

Мортморн и Кент синхронно вскочили с мест, но Дорин снова удержал их, сердито шикнув.

Щипач смягчился и опустил руку, которой собирался отвесить шуту оплеуху.

– Ладно, живи, – буркнул он. – И проваливай отсюда!

Штойф закивал в знак благодарности, шмыгнул носом и поплелся к своему столу, но буквально через несколько мгновений круто развернулся и громко рассмеялся. Публика разразилась овациями, а щипач медленно налился краской ярости.

– Думаешь, это смешно, сукин сын?! – взревел он и поднялся с места.

– Изыди, исчадие мрака! – прогремел в ответ Штойф. – Я есмь великий элмарец! Да сгинет всякий, кто поднимет на меня длань карающую! Сей отрок лишился рассудка! – он указал на вора. – Заберите в темницу, дабы вразумить!

Такая речь снова вызвала смех у собравшихся, но щипачу это надоело. Намереваясь одним сильным ударом выбить из шута всю дурь, он подскочил к Штойфу и замахнулся. То, что произошло дальше, повергло всех в недоумение: Штойф упал на колени и жалобно захныкал, а вор крепко держал его, вздернув руку вверх, но отчего-то на лице его было написано крайнее изумление.

– Да оставь ты его! – посоветовал кто-то из его дружков. – Пусть еще какой фокус покажет, а то скучно просто так сидеть. Ты ему сейчас руку сломаешь!

Щипач молчал и таращил глаза. Штойф расхохотался, не меняя позы. Посетители удивленно посмотрели сначала на шута, потом на побледневшего от боли вора.

– Думаете, у этого парня железная хватка? – ухмыльнулся Штойф. – Вы только гляньте, как он старается меня удержать. А? Стараешься изо всех сил, мил человек? – он сделал незаметное движение, и щипач взвыл от боли. – А теперь смотрите все, показываю один раз! Второго он просто не переживет.

Гибким движением Штойф вывернулся из-под руки щипача, вскочил на ноги и легко перекинул своего противника через спину. Тот описал в воздухе выразительную дугу и грохнулся на пол. Раздались аплодисменты и одобрительные вопли. Кое-кто из посетителей требовал продолжения, но Штойф отряхнулся, раскланялся и сказал:

– Прошу прощения, друзья, но на сегодня все. Мне пора.

– К наместнику? – выкрикнул кто-то.

– Увы, не имею чести знать вашего наместника, – покачал головой Штойф, – хотя он, без сомнения, заслуживает того, чтобы познакомиться со мной. Это тоже было частью выступления. Спасибо за внимание, – Штойф еще раз поклонился, вернулся к своему столу и, упав на лавку, потянулся к кружке с элем.

– Беру свои слова обратно! – восхитился Кент. – Ловко ты его «вразумил». Только не говори, что монеты снова при тебе.

– Угадал, – облизнув пенные усы, ответил Штойф. – Реквизит нужно беречь.

– Так они золотые?

– Ага, как бы не так!

Кент расхохотался и хлопнул шута по плечу.

– Где ты всему этому научился? – полюбопытствовал Мортморн. – Неужели это дар Алмаза?

– Вот еще! – фыркнул Штойф. – Копировать людские повадки – это у меня от природы, а боевые приемы я усовершенствовал и сделал смешнее, чем они есть на самом деле.

– Молодец, – похвалил Фиоргаст. – Хотя мне, алейриту, подобные жестокие фокусы не по душе.

Эндрот резко вскинул голову и посмотрел на Фиоргаста. Всего несколько мгновений назад тот искренне смеялся над тем, что творил шут.

– Ладно, хватит, – заявил Штойф. – Я всего лишь доказал вам, что я действительно шут, причем первоклассный. Забыли.

– Забыли? – раздался мрачный голос за его спиной.

Шестеро щипачей сгрудились вокруг их стола с хмурыми лицами. Тот, кого высмеял Штойф, навис над шутом, играя желваками.

– Ты что, думаешь, тебе это с рук сойдет, урод? – прошипел он.

На этот раз Штойф не стал изображать жертву. Он мельком глянул на Дорина, вскочил и с размаху врезал щипачу в челюсть. Тот не ожидал, что шут так быстро перейдет к делу, и снова с грохотом полетел на пол. Дорин воспользовался всеобщим замешательством и быстрыми сильными ударами отправил отдыхать еще троих щипачей. Оставшиеся бросились на него, но Мортморн оказался быстрее, так что куча-мала на полу пополнилась еще двумя людьми.

Угрожающе блеснули ножи, вынутые из ножен. Щипачи медленно поднимались, разъяренные и полные решимости. Дорин поудобнее перехватил топор и стал в боевую стойку, сверкнули кинжалы Штойфа, Мортморн положил руку на рукоять меча и даже Кент вооружился пустым кувшином из-под эля. Запахло серьезной дракой, но боевой пыл остудил чей-то властный громкий голос:

– Прекратить беспорядок!

В таверну быстрым шагом вошли четверо. Первым шел среднего роста мужчина с короткими темными волосами и клочковатой бородой; его лицо было иссечено шрамами и выглядело устрашающе. На нем был длинный черный плащ с расшитым серебром воротом, тяжелые, окованные медью, сапоги и красные кожаные перчатки. За его спиной маячили трое воинов в одинаковых тяжелых доспехах с символами, выгравированными на грудных пластинах.

Увидев вошедших, щипачи мгновенно растеряли всю свою уверенность.

– Да мы ничего такого… – начал оправдываться вожак. – Эти парни сами напросились. Решили, значит, поиздеваться над нами, ну мы и…

– Ясно, – проговорил незнакомец и перевел взгляд на друзей. – А вы что скажете?

– Только одно, – ответил Эндрот, – эти люди явно не в ладах с законом. Мой друг устроил небольшое представление, вызвавшее восторг у всех посетителей, а один из них, вот этот неприятного вида человек, совершил кражу реквизита – золотых монет. Пришлось его немного проучить.

– Все-таки заварушка началась не на пустом месте, да, Венк? – усмехнулся незнакомец. – Почему меня это не удивляет?

– Нет, нет, господин Мелкон, это ложь! – в панике завопил щипач. – Я ничего не крал! – Он полез за пазуху, пошарил там и, не обнаружив монеты, облегченно выдохнул, выворачивая карманы. – Вот, смотрите, пусто!

– Конечно, – усмехнулся Штойф, – потому что я давно забрал их, ворюга.

– Ты все равно отправишься с нами, – сказал Мелкон невозмутимо. – Нужно кое о чем поговорить.

Вор в отчаянии обменялся взглядами со своими товарищами, затем в панике повернул голову к человеку со шрамом. В этот момент в таверну вбежал невысокий невзрачный мужчина и что-то шепнул Мелкону, указав на щипача. Тот побледнел еще сильнее и, облизнув пересохшие губы, зашарил взглядом по сторонам.

Друзья наблюдали за всем происходившим с некоторым недоумением. Вся напускная бравада слетела с щипача, как пух с одуванчика, и они были поражены его безудержным страхом перед этим незнакомцем.

– Вы не можете меня взять… – выдавил вор. – Я ничего не делал. У вас нет доказательств.

– Мне жаль, Венк, но с тобой следовало побеседовать раньше, хоть ты и клянешься, что чист как слеза младенца. Только что мы узнали кое-что еще, – Мелкон прищурился. – Ты ведь в курсе, кто такие куллары? По глазам вижу, что да. Не поделишься с нами своими знаниями?

Венк стал белее полотна и что-то громко крикнул. Его дружки выхватили оружие, а сам он метнул на Мелкона полный злобы и отчаяния взгляд. Вся компания разом кинулась на Мелкона и его соратников, но те до последнего стояли на месте и невозмутимо ухмылялись. Когда кинжалы засверкали совсем близко, все изменилось в мгновение ока.

Ничего подобного друзья раньше не видели. Даже умение Штойфа обращаться с ножами было не столь поразительным, как то, что продемонстрировал незнакомец.

Все, кроме Мелкона, по его знаку отпрянули назад, даже не вынимая оружия. Сам Мелкон встретил противника в одиночку с мечом в правой руке и кинжалом в левой. В первый раз меч пролетел под рукой у главаря и вонзился в грудь одному из щипачей, а кинжал полоснул Венка по лицу. Во второй раз меч описал красивую дугу, и двое противников рухнули на землю, схватившись за горло, а кинжал снова оставил кровавую полосу на лице Венка. В последний момент Мелкон мечом сразил двух оставшихся бандитов, а кинжалом парировал запоздалый выпад главаря. Он ловко выбил оружие из его руки, сделал подсечку и пинком отправил Венка в сторону своих подчиненных, которые тут же скрутили его и быстро выволокли на улицу.

Мелкон убрал оружие, удовлетворенно потер руки и направился к хозяину, который в панике метался за стойкой.

– Вот, возьми, – сказал Мелкон и кинул ему пару серебряных монет. – Это за беспорядок.

Пока он стоял к ним спиной, Кент повернулся к ближайшему столу и тихо поинтересовался у сидящего там старика, кто это был.

– Это капитан имперской гвардии. Из самой столицы! Здесь – второй человек после наместника.

Тем временем Мелкон направился было к выходу, но неожиданно остановился и повернулся к друзьям. Не спеша приблизился, взял табурет и оседлал его, оказавшись напротив Эндрота. Кент поерзал на лавке, с тревогой поглядывая на капитана.

– Вы позволите задать вам несколько вопросов? – осведомился Мелкон и, не дожидаясь ответа, продолжил: – На чем вы прибыли в Невваль?

Лишь Штойф и Фиоргаст сохранили лицо, остальные стали тревожно переглядываться, что не могло ускользнуть от бдительного взора капитана.

– Предупреждаю вас, что солгать – это худшее, что вы можете сейчас сделать. Наши законы строги, но справедливы. За ложь капитану гвардии вам грозит минимум месяц заточения.

– На корабле, – наконец ответил Эндрот.

– Название?

Друзья вновь переглянулись, но на этот раз с неподдельным удивлением. Никто из них не запомнил названия корабля, на котором провели две недели.

– Мы не знаем, – проговорил Фиоргаст. – К чему нам такие подробности? К тому же вряд ли у него вообще было название.

– У любого корабля есть название, – поджал губы Мелкон. – Как он выглядел?

– Как корабль, – буркнул Кент.

– В логике тебе не откажешь, – спокойно проговорил офицер, окинув бывшего вора внимательным взглядом. – Хорошо, я не буду тратить время и сам опишу судно, которое меня интересует.

После рассказа, который был удивительно точным и изобиловал подробностями, друзья переглянулись. Им оставалось врать до конца или сознаться в содеянном. Все ждали, что Фиоргаст примет решение, но он молчал, и Мелкон все для себя уяснил.

– Это вы перебили всю команду корабля? – спокойно спросил он.

Эндрот хотел что-то сказать, но Мелкон не дал ему рта раскрыть.

– Мы задержали боцмана. Он сообщил, что капитан с командой решили убить шестерых пассажиров ради их золота. Речь шла о вас?

Теперь отрицать что-либо было бесполезно.

– Да, – наконец сказал Фиоргаст. – Они напали на нас, и мы вынуждены были защищаться.

– Вас никто не обвиняет в том, что вы нападали, – Мелкон проницательным взглядом посмотрел на алейрита. – Более того, никто вообще ни в чем вас не обвиняет. Все, кто об этом знает, заинтересовались вами лишь по одной причине – вас шестеро, а матросов вместе с капитаном, по словам боцмана, была дюжина, и все они вполне сносно умели драться, а капитан вообще профессионально метал ножи. Но вы все живы, более того, даже не ранены.

– Но мы… – начал было Мортморн, но Мелкон прервал его.

– Это еще не все. В каюте мы нашли лишь несколько тел. Куда делись остальные вместе с капитаном? Если вы сбросили их за борт, то почему только их? Я требую разъяснений, только давайте без фокусов.

– Нам нечего вам поведать, – спокойно сказал Фиоргаст.

Эндроту на мгновение показалось, что голос его едва заметно изменился.

– Как вы сказали, на нас напали, а мы смогли отбиться. Куда делись нападавшие – мы не знаем. Если иных вопросов у вас нет, предлагаю завершить разговор. Мы уедем из Невваля сегодня же.

Не только эльф, но и остальные друзья с удивлением посмотрели на алейрита. Такой спокойной и уверенной речи в сторону «второго человека в Неввале» от Фиоргаста никто не ожидал – это было на него совершенно не похоже.

Мелкон несколько раз моргнул, не сводя с него взгляда, затем слегка тряхнул головой. Друзья решили, что сейчас их просто-напросто скрутят и устроят непростую жизнь, однако ничего такого не произошло.

– Согласно законам империи, вы были в своем праве. Свидетель уже дал показания в вашу пользу. Так что вы свободны и можете идти куда угодно, – проговорил Мелкон и добавил: – Если наши дороги пересекутся снова, общение может быть менее приятным.

Он поднялся и, слегка кивнув им, направился к двери.

– Господин капитан! – крикнул ему вслед Кент.

Мелкон обернулся.

– А боцман не сказал, почему они ждали прибытия в гавань, чтобы напасть на нас? Ведь в море это было бы гораздо проще!

Мелкон некоторое время внимательно смотрел на бывшего вора, и тому стало неуютно под этим взглядом.

– На корабле были двое людей, в присутствии которых они не могли осуществить свои планы, – ответил капитан, затем замер на мгновение, задумавшись о чем-то, после чего снова тряхнул головой и вышел из таверны.

– Эх, – нарушил всеобщее молчание Кент. – Жаль, не удалось заночевать в этом неподражаемо гостеприимном местечке. Впрочем, сдается мне, оно и к лучшему.

– Меня больше интересует, почему нас так просто отпустили, – проговорил Штойф. – Если бы дело было в Насгорде, Железные Локти нас еще долго мурыжили бы и допрашивали. Странные у них тут порядки.

– Железные… кто? – расплываясь в улыбке, переспросил Кент.

– Железные Локти. Стража Насгорда. Ты разве ни разу не бывал у нас?

– Бывал, бывал, – закивал Кент. – Просто не попадался. Меня только Бронзовые Колени и Латунные Затылки преследовали.

Остальные не смогли сдержать смеха, и только Дорин проворчал что-то нечленораздельное.

– Эндрот, а кто такие куллары? – осведомился Мортморн. – Он как сказал про них, так эти молодчики с катушек съехали.

– Я что-то слышал о них, – пробормотал эльф, вновь начиная копаться в своей памяти. – Насколько я знаю, это борцы за независимость от империи. Центром их деятельности является Волдонар. Это другой конец Раодара. Так что непонятно, что это было.

– А щипачи кто такие? – спросил Кент. – Штойф наш устраивал свой театр, и кто-то назвал их так.

– Это просто, – кивнул Эндрот. – Так на территории империи называют членов местных воровских гильдий.

– То есть первыми, кого взбесил в новой стране наш шут, были самые неприятные, как ты там сказал, члены в этих землях?

Мортморн хохотнул, а эльф со вздохом покачал головой.

– Мои таланты притягивают все слои общества, – улыбнулся Штойф.

Друзья собрали вещи, заплатили хозяину за ужин и покинули постоялый двор.

Побродив немного по Неввалю, они нашли торговца, и Эндрот раскошелился на шесть крепких и выносливых лошадей.

Проехав через восточные ворота, друзья оказались на Южном Имперском тракте, соединяющем самый западный город империи с самым восточным.

Глава пятнадцатая

Следующие две недели путники провели, неторопливо передвигаясь по южным землям Раодара. Следуя по Южному Имперскому тракту, они ехали на восток, минуя одну провинцию за другой. Покинув земли бывшего купеческого города-государства Невваля, въехали в провинцию Осатон, известную на всю империю двумя особенностями – виноделием и влиянием целых «семей» щипачей.

После завоевания Раодаром щипачи в Осатоне стали для местных властей вечной проблемой. Ни наместники, ни местная стража без дополнительных ресурсов ничего не могли с ними поделать, а императоры не спешили уделять этому вопросу необходимое внимание. Щипачи имели четко обозначенные интересы, и смены власти в их числе не было. Поэтому, к примеру, борьба с кулларами, которые открыто заявляли о том, что борются за независимость от империи, была для центральной власти значительно важнее.

Разношерстная компания друзей не могла не вызвать интереса как стражи, так и щипачей, но благодаря осторожности Кента, расчетливости Штойфа и дипломатическим усилиям Эндрота друзья смогли пересечь эти земли без особых приключений.

Следующую провинцию под названием Приморье проехали достаточно быстро. Здесь на прибрежных, но удаленных от границ, территориях империи ими уже мало кто интересовался. Компания из трех людей, алейрита, гнома и эльфа привлекала достаточно внимания, но это было простое любопытство, никак не мешающее друзьям продолжать свой путь.

Ближе к исходу второй недели друзья въехали в провинцию Ардалония и, расспросив встречных путников, поняли, что через день доберутся до города Илмор на реке Срединной, имеющей исток в далеком Ледяном озере на сотни верст к северу от границ империи и разделяющей ее территорию пополам. От этого города дальше вели два пути – Южный Имперский тракт уходил обратно к морю, а на север, через провинцию Аркария шла дорога прямиком в столицу. Пришло время принимать решение.

Погода опять испортилась. Вот уже три дня над равнинами висели низкие темные облака, которые время от времени поливали землю мелким противным дождем, а то и настоящим ливнем. В этот день небеса окончательно разгневались и учинили страшную бурю – на тракт обрушились мощные потоки воды, ветер пронизывал до костей, и идти дальше стало решительно невозможно. Те, кому повезло оказаться рядом с деревнями или постоялыми дворами, укрылись там, но тех, кого непогода застала на середине пути, оставалось только пожалеть.

Шестеро путников с трудом нашли укрытие под одиноким раскидистым деревом, которое лишь чудом встретилось им на пути. Развели костер, привязали и накормили лошадей. Ливень почти не пробивался сквозь густую крону, так что огонь пылал ярко, и настроение у друзей немного улучшилось. Плотно перекусив захваченными из ближайшего постоялого двора припасами, они перестали обращать внимание на непогоду.

– Пора решать, куда идти дальше, – проговорил Эндрот, брезгливо оглядывая свою промокшую одежду. – Из Илмора есть прямая дорога на север, в столицу Раодара, а Южный тракт ведет в Волдонар, дальше вдоль берега моря.

– Может, лучше подождать до Илмора? – спросил Штойф. – Поедим, отдохнем, выспимся и решим. На сытый желудок да в тепле оно как-то лучше соображается. Что думаешь, Фиоргаст?

– Думаю, ты прав, – задумчиво откликнулся тот. – Не будем торопиться. Пока самое разумное, как мне кажется, отправиться к морлангам. Тем более что путь в столицу через них будет короче, чем наоборот. Верно, Эндрот?

– Безусловно, – кивнул эльф. – Мы, конечно, сейчас не на побережье, но недалеко от него. Пересечь всю империю с юга на север, а потом с севера на юг, будет значительно дольше.

– Я тоже за то, чтобы решать не на пустое брюхо и желательно в теплой таверне, – пробурчал Кент. – Эндрот, я давно хотел тебя попросить кое о чем рассказать.

– И о чем же? – поднял брови эльф.

– Вот ты уйму всего знаешь. Нам об этом прекрасно известно. И рассказывать ты мастак. Сейчас мы сидим в относительной сухости у костра, нас никто не стремится убить – чем не время для откровений? – он подмигнул. – Может, расщедришься на какие-нибудь интересные истории? К примеру, про весь Элмар. Про Раодар мы уже знаем, а вот про другие земли – нет.

– Про какие именно земли ты хочешь услышать? – с улыбкой поинтересовался эльф, забыв про свои заботы о промокшей одежде.

Остальные заинтересованно придвинулись ближе. Рассказы их тысячелетнего друга обычно были увлекательны.

– Ну… не знаю… – замялся Кент. – Я так-то в истории несилен. К примеру, давай про то, как выглядел наш континент до того, как его покинули Четвертые. Ты вроде в те времена жил, так что наверняка знаешь.

Эндрот вздохнул. Устройство мира до наступления Темного Времени – он не любил вспоминать об этом. Прошло больше тысячи лет, а ностальгия по временам, когда он вживую мог общаться со своим учителем, притупилась лишь слегка.

– Во-первых, хочу сразу сказать, что ты ошибаешься, – проговорил он. – Четвертые не покидали наш мир. Они ни за что не оставили бы на произвол судьбы свои творения. Да, они исчезали, но только на некоторое время, и всегда возвращались. По своей воле они не ушли бы. Это потом мы осознали, что, когда Тьма накрыла Элмар, Четвертые оказались отрезаны от нас завесой, сквозь которую они не могли пройти. Элмар остался без их мудрого руководства и стал жить по-своему, – Эндрот подбросил несколько веточек в костер.

Остальные ждали.

– До наступления Темных Времен континент процветал. У каждой расы был свой отдельный уголок, а пространства Элмара казались безграничными. Это сейчас Раодару уже некуда расширять свои владения, разве что отвоевывать их у других народов, а тогда на много верст вокруг селений каждой расы не было иных существ.

Закрепились несколько мнений насчет того, кого Четвертые создали первыми. Почти каждая раса уверена, что она была первой, однако истины никто не знает. Точно известно лишь одно – какая из рас появилась последней. Как вы догадались, это были люди. Они появились в Элмаре в тот момент, когда Тьма накрыла наш мир, поэтому есть предположения, – он понизил голос, – что именно Тьма создала вашу расу. Те, кто об этом говорит, в качестве доказательства приводят тот факт, что люди появились практически повсеместно, в одно и то же время и в огромных, по сравнению с другими расами, количествах. Словно из леса вышли. Но я не сторонник этой идеи, – эльф улыбнулся. – Тьма не способна созидать, поэтому-то я и не верю, что способности Фиоргаста – от нее. Столетиями я размышлял о том, как же все-таки появились люди, но все мои раздумья ничем не подкреплялись. Я даже думал о том, что создатель людей так хитро их прятал, что никто из других рас с ними не сталкивался. Либо создавал их наподобие бабочек – в коконах, долгое время и в разных местах, и поэтому, как только Четвертые оказались отрезаны от нашего мира, люди пробудились и вышли из своих укрытий. Это предположение при здравом размышлении не слишком основательно, но оно самое красивое, как по мне. В конце концов, правды не знает никто.

– Было бы здорово вот так завернуться в кокон, – размечтался Кент, – и чтобы никто не трогал лет эдак двадцать, а потом выйти в мир и…

– …сильно охре… удивиться, – закончил за него Мортморн.

Дорин и Штойф загоготали, даже Фиоргаст улыбнулся. Эндрот дождался тишины и продолжил:

– Во времена присутствия Четвертых в Элмаре было много всего, что сейчас кажется необычным и даже невозможным. К примеру, до начала Темного Времени никто в Элмаре не знал, что такое ночь. Сумерки – да, но вот чтобы небо стало темным – об этом никто и помыслить не мог. Было так светло, что глазам любого нынешнего элмарца пришлось бы долго привыкать. Не только день и ночь, но и времена года не сменяли друг друга. Круглый год стояла одна и та же погода.

– Значит, вечный день, сплошное лето и Четвертые под боком, – подытожил Кент и поворошил угли. – И как вам жилось в таких условиях?

– Прекрасно жилось, – ответил эльф. – Создатели оберегали нас от всех невзгод, однако заставляли учиться и постигать знания. В то время у нашего создателя было всего двое учеников, и про одного из них вы слышали – это был Цайлорн, который впоследствии стал первым эльфийским королем. Другим был отец советника Эристара. Мы жили спокойно и счастливо. Даже на мою долю успели выпасть беспечные годы, пока в день после своего двадцатилетия я не встретил Лавэра.

В тот день я покинул наше селение и отправился на долгую прогулку за обозначенную границу наших земель. Нас просили так не делать, но жесткого запрета не было, поэтому я решил, что ничем не рискую. Кто же знал, чем все обернется, – Эндрот усмехнулся. – Лавэр тогда предстал передо мной вовсе не в своем могущественном образе, но я все равно был сражен наповал его величием. Тогда я был молод, неопытен и даже честолюбив, а наш Создатель уже выбрал себе двух представителей нашей расы, поэтому решил согласиться, когда Лавэр предложил мне стать его учеником. Вовсе не потому, что стремился расширить свои познания. Впрочем, я никогда не жалел об этом. Лавэр многому успел меня научить, но вскоре на нас обрушились Темные Времена.

Когда улегся первый хаос после катастрофы, жизнь хоть как-то наладилась, насколько это было возможно. Мы в ужасе смотрели, как день сменяет ночь, а лето – осень, и мои сородичи вспомнили о моем предательстве. Меня нарекли Отступником и изгнали на тысячу лет, но я и не стремился возвращаться. Лавэр передал мне огромное количество знаний, в том числе о мире, и я отправился бродить по нему.

Спустя десятилетия я решил если не вернуться, то хотя бы помочь своим сородичам, которые были лишены мудрости Лавэра. Поэтому я перевел многие из его наставлений на эльфийский и направил домой. Один из таких свитков мы и нашли в библиотеке Цайлорна.

– А зачем вообще Лавэр решил тебя учить? – неожиданно спросил Кент, пригладив одной рукой свои вечно взъерошенные волосы. – С тобой-то все понятно, тебя ваш создатель в ученики не взял, а тут является всем известный Четвертый и говорит, что будет тебя учить. Тут сложно отказаться. А ему-то это было зачем? Ты не спрашивал?

Некоторое время Эндрот не отвечал. На лице его появилось озадаченное выражение, будто этого вопроса он себе сам не задавал.

– Думаю, ему было интересно, – проговорил он спустя какое-то время. – Мы часто обсуждали темы, выходящие за рамки его созданий и касающиеся других Четвертых. Его взгляд не был полностью сосредоточен на его творениях. Но, честно говоря, я не задавал ему такого вопроса. Как-то… не приходило в голову.

Эльф замолчал и глубоко задумался. Ливень прекратился. На землю опустились прохладные сумерки, и вскоре всех потянуло в сон. Кент разумно заметил, что неплохо было бы лечь пораньше, чтобы завтра проснуться с рассветом и побыстрее добраться до Волдонара. Друзья согласились с ним, улеглись вокруг костра и по очереди уснули.

Глава шестнадцатая

Виднеющиеся вдали горы были окутаны слабой дымкой, скрывающей заснеженные вершины, и в такую погоду выглядели зловещими. Для раодарцев это чувство усугублялось потаенной обидой. Для них, завоевавших огромную часть континента и считающих себя и свои легионы непобедимыми, Зеркальные горы и населяющие их существа были символом непокорности. Как только Волдонар был завоеван, значительные залежи руды и ценных металлов, которыми были богаты горы, сразу привлекли внимание империи. Но морланги не желали отдавать и пяди своих земель, поэтому в горы были направлены сразу два легиона. Задачей, как это часто бывало в Раодаре при встрече с иными расами, было – договориться или уничтожить. Несколько лет длилась военная кампания, прежде чем стало понятно, что Раодар здесь ждет первое поражение в истории империи.

Несмотря на потери и невозможность завоевания неприступных горных массивов, легионы не сдавались, и морланги в итоге согласились на уступки. Часть залежей полезных ископаемых у самого подножия отошла Раодару. Это была лишь малая часть, тем не менее империи пришлось довольствоваться этим.

Недалеко от западного подножия гор, в устье Мутной реки располагался древний город. Некогда он был столицей предгорного княжества, а теперь – центром имперской провинции и вторым по размеру городом в Раодаре. Из всех завоеванных городов этот был самым сложным для империи. Волдонар сопротивлялся дольше и ожесточеннее всех, а после присоединения стал центром сопротивления имперской власти и родиной кулларов. Он был единственным городом в империи, где власть на постоянной основе поддерживал целый легион из шести тысяч воинов, не считая городской стражи.

Однако политическая ситуация не особенно интересовала шестерых путников, въехавших в город. Стража на воротах равнодушно пропустила их, и друзья углубились в хитросплетение улиц в поисках постоялого двора. Все ужасно устали и хотели только одного – поесть, выпить и выспаться на чистых простынях. Даже ужинать нормально не стали, просто схватили каждый по краюхе хлеба и разбрелись по комнатам. Усталость с дороги накатила на всех мгновенно. Фиоргаст провалился в сон последним.

Вода и песок. Песок и камни. Камни и волны…

Он стоял на берегу бескрайнего моря, волны которого мягко обрушивались на берег и омывали его босые ноги. Фиоргаст опустил голову и понял, что не чувствует ничего – ни касания воды, ни собственного тела. Это показалось ему странным, но он отбросил эту мысль. Его охватило ощущение полного спокойствия. Ни тело, ни разум ничего не жаждали, он не чувствовал ни холода, ни одиночества. Все было именно так, как и должно было быть.

Одинокий Пятый, он стоял у берега великого моря вечности, куда давным-давно канули его прародители – Первичные, Вторичные и их создания. Его разум был опустошен, но очень скоро в сознание кто-то проник, заполнил собой и заставил осознать, что это всего лишь сон.

Фиоргаст почувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Алейрит медленно повернулся, а в его сердце черным цветком стал распускаться страх, потому что от чужака исходила неведомая сила. Сила, которой невозможно сопротивляться и которую невозможно осознать.

За спиной стоял его отец. Осознав, что Валеара тут быть не может, Фиоргаст испугался еще больше, но вспомнил, что однажды он уже смог выбраться из подобного сна с помощью магии. Это немного успокоило его.

– Выслушай меня, о творящий, – раздался тихий голос чужака.

Если бы все это происходило наяву, Фиоргаст сильно удивился бы. Творящими алейриты называли Четвертых и их предшественников, а назвать так Пятого считалось кощунствен-

ным. Впрочем, он на своей шкуре прочувствовал нелепость древних традиций, поэтому лишь тряхнул головой.

– Почему ты назвал меня так? – смог наконец спросить он.

– Потому что ты таков и есть, – ответил гость. – Ты был наречен своим отцом Ищущим, но это ошибка. Ты – творящий.

– Что? Как могу я, жалкий Пятый, быть творцом? – ошеломленно пробормотал Фиоргаст. – Ведь способностью творить обладают лишь Четвертые и их предшественники. А мы ее утратили…

– Утратили? – алейриту почудилось, что собеседник усмехнулся. – А разве не творишь ты огонь так же, как это сделал много лет назад Четвертый Лавэр? Он принес в ваш мир пламя, создал его силой разума и воли из могущества Первопричины. Ты создаешь огонь из Ничего, подобно великому Четвертому. Ты исцеляешь – извлекаешь из Ничего плоть, заполняя ею раны. Я знаю, что не пройдет и года, как ты сможешь создавать материю гораздо сложнее, чем огонь и плоть.

Фиоргасту показалось, что его голова сейчас взорвется от хоровода безумных мыслей.

– Я не понимаю тебя, – ответил он устало, хотя тело его усталости не чувствовало. – Зачем ты здесь?

– За тобой охотятся. Пройдет совсем немного времени, и в твой сон вторгнутся те, кто жаждет власти над тобой. Одни будут пытаться отвратить тебя от магии, другие, наоборот, будут стремиться сделать так, чтобы ты остался творящим, но возненавидел весь свет.

– Но за что? – вскричал Фиоргаст. – Я не принес никому зла!

Собеседник некоторое время не отвечал, внимательно изучая его взглядом.

– Не принес зла… – задумчиво повторил гость. – Я не знаю, что есть зло. Но знаю, что лишить жизни другое существо для тебя – кощунство. Тем не менее это происходило уже неоднократно.

– То же самое произошло бы, если бы я не знал магии! – с жаром возразил Фиоргаст. – У меня не было выбора! Они убили бы меня, если бы я не убил их! Магия тут ни при чем!

– Ты считаешь это правильным? Что ты имеешь право оборвать чью-то жизнь только из-за того, чтобы не потерять собственную? Что ты можешь убить разумное существо ради сохранения жизни другого элмарца? Я вижу ответ в твоих очах. Впрочем, сейчас это неважно. Тех, кто охотится за тобой, это совершенно не интересует. Они не потому хотят подчинить тебя себе.

– Но зачем им я?

– Элмар – великий мир, ибо он создан объединенными усилиями всех Четвертых. Даже Первичные не могли создать подобное поодиночке. Нет никого из Четвертых, кто не желал бы быть единственным богом для всего Элмара. В борьбе друг с другом они уничтожили бы ваш мир, если бы Тьма не изгнала их отсюда. Наступление Темного Времени спасло вас, – собеседник усмехнулся. – Ты пока единственный из обитателей Элмара, кто умеет творить подобно Четвертым, и являешься для них необходимым союзником в борьбе за этот мир. Но Четвертые не ведают, что такое равноправный союз с Пятым. Они могут пытаться лишь подчинить тебя.

– Но почему они приходят ко мне именно во сне? Да и ты тоже…

– Потому что сон для них – единственный способ добраться до Элмара. В остальном Тьма сдерживает их. Однако даже во сне их могущество так велико, что они могут лишить рассудка любого, к кому явятся. Но не бойся, у тебя есть надежная защита – твоя магия. Пока они этого не понимают и будут пытаться угрожать тебе. Они считают, что тот, кто сумеет причинить тебе большие мучений, станет твоим хозяином, сломав твою волю. Я

советую тебе призвать свою силу и проснуться сразу после появления первого из них. Наяву они бессильны против тебя.

– Почему ты помогаешь мне? – спросил Фиоргаст, глядя в глаза своему отцу. – Кто ты вообще? Ты говоришь о Четвертых в третьем лице, как и о Мраке. Кто же тогда ты?

Улыбка скользнула по губам Валеара.

– Я не желаю, чтобы Элмар стал миром безраздельного господства любого из них. Кто я такой? Это не так важно. Ты все равно не поймешь. Как видишь, я могу явиться тебе только во сне, значит, я не от Тьмы. Но я не участвую в битве за господство в Элмаре, значит, я не Четвертый. Желаю тебе стойкости разума. Прощай.

Фиоргаст почувствовал, что его собеседник удаляется, и его мощь становится все слабее.

– Как твое имя? – крикнул он напоследок.

Никто не ответил. В следующее мгновение резкая боль обрушилась на него, и Фиоргаст застонал во сне.

– Чувствуешь боль, исчадие Мрака? – услышал он знакомый голос.

– Изыди, нечисть! На этот раз я не дам тебе возможности пытать меня! – прокричал он в пустоту, в гневе стараясь побольнее уколоть словами невидимое существо. – Ты, продавшийся Тьме Четвертый, не сможешь совратить меня!

Едва эти слова сорвались с языка, как боль резко отступила. Фиоргаст, уже готовый призвать магию и покинуть этот ставший неприятным сон, помедлил, решив узнать, что изменилось.

– Я, великий Лавэр, никогда не предавался Тьме, – раздался тот же голос. – Кто тебе сказал такую ложь? Кто смог явиться тебе до меня?

– Ты такой же Лавэр, как я – гоблин! – не удержался от язвительности Фиоргаст теперь, когда он в любой момент мог проснуться. – Изыди, посланец Тьмы, прикрывающийся великим именем!

Прежде чем его собеседник успел что-либо сказать или сделать, Фиоргаст призвал магию. Сон мгновенно прервался, но наяву до него донеслись отголоски яростного вопля.

Фиоргаст резко проснулся и сел, ошарашенно моргая. Он делил комнату с Эндротом, который спал по-эльфийски, ровно вытянувшись на кровати и сложив руки на груди. Из окна были видны верхушки Зеркальных гор, за которыми медленно занимался бледно-розовый рассвет. Самое время для подъема, но Фиоргаст не спешил будить остальных. Он тихо поднялся с кровати и пересел в кресло в углу комнаты. Ему нужно было подумать.

Больше всего его пугал и одновременно интересовал первый гость, который, в отличие от всех остальных, ограничился разговором. Но всех ли? Фиоргаст тут же вспомнил предыдущий сон, когда из четверых визитеров тот, которого он больше всего боялся, не причинил ему боль, а лишь рассмеялся в лицо, а другой посоветовал идти выбранным путем. Однако таинственный гость из последнего сна его интересовал не меньше. Кем же он все-таки был?

Еще он вспомнил о Лавэре. В предыдущем сне его именем назывался тот, кто сразу начал причинять ему боль, так что было ясно, что это не он. Но в этот раз тот же посланец Тьмы, как его назвал алейрит, на время сам прекратил пытку, когда услышал, как Фиоргаст назвал его. Будто это на самом деле был Лавэр, и он был удивлен. «Нет, – оборвал сам себя Фиоргаст, – Лавэр не может творить такое, особенно после того, что мне рассказал Эндрот. Хотя, опять же, загадочный гость предупредил меня, что все Четвертые хотят быть богами в Элмаре, а ведь Лавэр – Четвертый… Загадки, загадки, сплошные загадки. Как понять, что происходит в моих снах, как понять, кто есть кто, у кого спросить…»

Когда все встретились за завтраком, в голове алейрита созрело решение.

– Так что, навстречу свежему горному воздуху? – поинтересовался Мортморн, уплетая яичницу.

Фиоргаст отложил нож, которым резал овощи, и обвел взглядом друзей.

– Мы идем в столицу.

Воцарилась тишина, друзья непонимающе переглянулись.

– Но, Фиоргаст, мы уже тут, – проговорил Эндрот. – Горы морлангов – до них рукой подать. День пути до подножия, потом наверх. Мы же хотели…

– Обстоятельства изменились, – прервал его алейрит с интонацией, которая удивляла слушателей, – такую спокойную решительность они в последний раз слышали во время беседы с капитаном Мелконом. – Нам нужно попасть к Философу.

Эльф был настолько удивлен, что не нашел, что сказать, лишь беспомощно огляделся.

– А как быть с морлангами? – осведомился Штойф, озадаченно проводя рукой по своей лысой голове.

– В столице я встречусь с Философом, а затем мы вернемся сюда.

– Дык ведь это крюк какой! – воскликнул Кент. – Туда, а потом обратно, в чем прок? Зачем тебе это нужно?

– Затем, что встреча с Философом важнее! – Фиоргаст хлопнул ладонью по столу, и друзья непроизвольно вздрогнули от прорезавшейся в его голосе стали, но он продолжил уже спокойным тоном: – Мне есть о чем с ним поговорить, и я возлагаю на него большие надежды.

– Почему? – удивился Мортморн. – Что изменилось с рассказа Эндрота о нем?

– Наш эльф что говорил? – вмешался Кент. – Что этот человек очень умен. Просто Фиоргаст хочет наконец поговорить с умным человеком. Понимаешь? Не с нами же болтать о великом!

Фиоргаст перевел на него взгляд, искренне намереваясь возразить и успокоить его, но наткнулся на озорной огонек в его глазах, и против воли улыбнулся.

– Не знаю, что ты задумал, – продолжил Кент, уплетая кусок яичницы и продолжая говорить с набитым ртом, – но не вижу проблемы. Сгоняем, значит, туда и обратно. В конце концов спешки нет, и если тебе это так важно, то в чем вопрос? Только я предлагаю не сразу после завтрака ехать. Давайте хотя бы город посмотрим, я так далеко от дома не был никогда.

– Если Фиоргаст не хочет делиться с нами всеми своими соображениями, – проговорил Штойф, медленно кивая головой, – то я тоже не вижу в этом проблемы. Придет время, и мы все узнаем. Верно?

Алейрит встретил внимательный взгляд шута и благодарно кивнул.

– В общем, если кто-то хочет составить мне компанию, я пошел город посмотреть, – сказал Кент, поднимаясь, – а выезжать предлагаю после обеда.

– Я с тобой, – Мортморн залпом допил молоко из стакана и тоже поднялся.

– Значит, после обеда, – согласился Фиоргаст.

Постоялый двор находился в одном из боковых переулков города, поэтому, немного поплутав, двое друзей вышли на просторную и широкую улицу, которая вела прямо к центру Волдонара. По ней лился бесконечный поток людей, и, когда Мортморн и Кент добрались до главной площади, поняли причину столпотворения.

Мортморн и раньше видел публичные казни в Шулрене, где расправлялись с преступниками. Он любил подобные «развлечения». Эндрот, узнав об этом, был неприятно удивлен: он считал, что желание людей поглазеть на чужую смерть – это отвратительно. Если Мортморн и пропускал казни в Корсендоре, то только чтобы убедить Эндрота в своем мнимом презрении к подобного рода зрелищам.

Сейчас эльфа рядом не было, и Мортморн решил, что своего не упустит. Он принялся энергично пробираться через толпу, работая локтями, и Кент не отставал. Повсюду слышалась ругань, но в драку лезть никто не осмеливался. Наконец добрались до строя стражников, которые окружали плаху. Мортморн внимательно окинул взглядом осужденного – седого, высо-

кого, крепко сложенного мужчину с кровоподтеками, порезами и иными следами пыток на лице и руках. Удивительно, но он улыбался.

– Возрадуйтесь, жители Волдонара! – возгласил стоявший рядом мужчина с нашивками лейтенанта имперской гвардии на доспехе. – Сегодня состоится казнь человека, чьи ужасные деяния известны далеко за пределами этого города. На этом самом месте прольется кровь вождя так называемых кулларов, насильников и душегубов, чьи поступки стоили жизни немалого количества честных жителей империи! Смерть Куллару!

– Смерть Куллару! – гаркнули гвардейцы, и небольшая часть толпы подхватила этот кровожадный вопль.

Куллар же словно не слышал слов лейтенанта. Он рыскал взглядом по толпе, будто ища кого-то, и в какой-то момент кивнул. Кент дернул Мортморна за рукав, намереваясь что-то сказать, но не успел: совсем рядом просвистела стрела и вонзилась в грудь глашатая. Тот захрипел и рухнул на плаху. Толпа взвыла и в панике подалась назад, гвардейский строй ощетинился клинками. Не успел шулренец оглянуться на того, кто пустил стрелу, как свистнула другая, сразив палача, и тот кулем свалился поверх глашатая. В толпе замелькали вооруженные люди, они бросились к гвардейцам, и началась яростная схватка посреди толпы. Кент и Мортморн попытались выбраться из людского месива, но поток подхватил их и потащил вперед.

Кент, будучи юрким и ловким, умудрился выскользнуть из толпы, но тут же попал в руки гвардейцев, которые моментально скрутили его и куда-то поволокли. Мортморн попытался пробиться к нему, но не сумел. Куллар между тем спрыгнул с помоста и бросился в толпу, прикрываясь нападающими. Гвардейцы кинулись за ним, но безуспешно – толпа замедляла бойцов, и вскоре вожак бунтарей как в воду канул. Мортморн оказался в кучке нескольких убегающих, но сам вовремя не успел улизнуть – его окружили и скрутили наравне с теми бунтарями, кого смогли настигнуть. Меч свой он даже не стал вынимать, благоразумно рассудив, что имперской гвардии это может не понравиться.

Тем временем оставшиеся в таверне друзья начали беспокоиться.

– Что-то их долго нет, – проговорил Эндрот, каждую минуту поглядывая на вход.

– Да небось пить начали с утра, пока гуляют и глазеют, – отозвался Дорин.

– Может, что-то случилось? – Фиоргаст встревоженно взглянул на друзей. – Кент взялся за старое, и его повязали. Или Мортморн учинил драку…

– Вряд ли, – покачал головой Дорин. – Они – ребята осторожные. Придут, куда денутся. Я пойду пока к себе.

– Я, пожалуй, тоже, – сказал Эндрот, – хочу кое-что записать.

Эльф и гном ушли, а обеспокоенные Фиоргаст и Штойф продолжали ждать. Сидеть без дела в ожидании вскоре оказалось невмоготу, поэтому, не сговариваясь, они встали и вышли на улицу.

– Пойдем к главной площади, – предложил Штойф. – Самое интересное обычно происходит вокруг, возможно, мы их там и найдем.

Найти никого не получилось, но они наткнулись на патруль городской стражи, который тут же остановил их и потребовал разъяснений, кто они такие, с особым подозрением глядя на низкорослую и худую фигуру алейрита.

– Мы в городе проездом, – вежливо ответил Штойф, разглядывая ногти на своей руке и не встречаясь взглядом с собеседником. – Ищем друзей, которые не вернулись после утренней прогулки. Может быть, вы подскажете, куда они могли бы пойти?

– Такой высокий рослый парень, шулренец, и с ним щуплый тип, который может показаться подозрительным, но, уверяю вас, он и мухи не обидит, – поспешил поддержать шута Фиоргаст. – Вдруг с ними что-то случилось?

– Случилось, говорите? – стражник прищурился и сплюнул на землю. – Очень может быть, да. Сегодня Куллара собирались казнить. Знаете, кто это? Так вот, этот сукин сын дал

деру и не без помощи своих приспешников. Была большая заварушка на площади, многих повязали. Может, и ваших друзей заодно.

Штойф красочно выругался.

– Куда их отвели? – Фиоргаст едва удержался, чтобы не схватить стражника за рукав.

– Да в ратушу, куда еще, – ответил тот. – Туда всех преступников тащат на справедливый суд Наместника. Так что вам туда дорога, господа хорошие. Вас пустят, не переживайте.

– Благодарю, – Штойф слегка поклонился и дернул Фиоргаста за рукав.

Поспешили к ратуше, большому и красивому зданию с колоннами, которое высилось на противоположной стороне площади. На входе было много народу, из чего друзья заключили, что не одни они пришли выяснять судьбу своих знакомых. Простояв какое-то время в очереди, добрались до одного из служителей ратуши, который записал их имена и направил в сопровождении двух гвардейцев вглубь здания. Долго шли по хитросплетениям коридоров и лестниц. Запахло сыростью и стены стали влажными – они спустились в подвальные помещения.

Гвардейцы привели друзей в большую комнату, тускло освещенную несколькими масляными лампами, где толпились люди, ищущие своих близких. За невысокой перегородкой, что делила помещение на две части, на полу сидели задержанные, и вид у них был изрядно потрепанный. Кента и Мортморна среди них не было.

– Это не наши, – тихо сказал Штойф.

– Проклятье! – выругался алейрит и тут же удивился, с какой легкостью произнес бранное слово.

За спинами друзей возник гвардеец с алебардой.

– Вы прибыли из Невваля? – уточнил он, с особым интересом оглядывая Фиоргаста.

– Да, – удивился Штойф. – Это имеет значение?

– Идите за мной.

Гвардеец двинулся по коридору, Фиоргаст и Штойф переглянулись и направились за ним. После пары поворотов друзья очутились в небольшой комнате, где из мебели был невысокий стол и пара грубо сколоченных лавок. За столом сидел мужчина, лицо его было изрезано шрамами.

– Капитан Мелкон! – воскликнул Штойф.

– Он самый, – усмехнулся тот. – Что-то вы припозднились, друзья мои. Ваши приятели уже заждались.

– Вы знаете, где они? – воскликнул Фиоргаст.

– Разумеется. Они вон за той дверью вместе с тремя другими непосредственными участниками мятежа, в результате которого из-под стражи бежал Куллар. Ждут, когда их начнут допрашивать особыми методами, потому что просто так они говорить не хотят. Вашим друзьям повезло, что я обратил на них внимание раньше, чем один особо ретивый лейтенант. Он хотел передать их мне после допроса, но я не уверен, что они были бы целы и здоровы.

– Значит, вы их освободите? – с надеждой спросил Фиоргаст, глядя на него исподлобья. В этот момент он словно вернулся на много лет назад, когда просил у взрослых прощения за совершенную детскую шалость.

– Не знаю, – Мелкон взглянул на алейрита и задумчиво побарабанил пальцами по столу. – Я могу отпустить только тех, в чьей невиновности уверен. Вы же, друзья мои, при нашей первой встрече общались с кулларами. Выглядело так, что вы препирались, но я не могу быть уверенным в вашей искренности.

– Да мы… – попытался возразить побледневший Фиоргаст.

Капитан добродушно усмехнулся.

– Ладно, ладно, не пугайтесь так. Я не поверю в вашу связь с кулларами. С вашими способностями и историей было бы опрометчиво размениваться на связь с бунтовщиками, – последнюю фразу капитан подчеркнул голосом и выразительно посмотрел на Фиоргаста.

На этот раз алейрит выдержал его взгляд, не моргнув глазом. Штойф невольно поразился столь мгновенной перемене по сравнению с просительным тоном раньше.

Мелкон сделал знак гвардейцам, и те вышли за дверь.

– Видите ли, – начал он, взяв в руки лежавший на столе кинжал, и стал непроизвольно крутить его в руках. – Вы сбежали с корабля очень быстро. Оказалось, что из всей команды в трюме остались лишь двое, которым повезло выжить. Через день, еще до того, как я направился прямиком сюда, они пришли в себя. Их рассказ я принял за горячечный бред, но лекарь развеял мои сомнения. Они сохраняли ясность ума, при этом были в полнейшем ужасе. Вы же догадываетесь почему?

Мелкон вперил свой взгляд в алейрита, но Фиоргаст снова легко выдержал это испытание. Для Штойфа подобное лукавство было профессиональным – он легко изобразил удивление.

– Я вижу, вы ребята упертые, – проговорил капитан после паузы. – Учтите, что то, что рассказали те матросы, как раз объясняет, куда подевались тела и как вы вшестером справились с такой оравой моряков. Жду объяснений, друзья мои. Сами расскажете или пойдем сложным путем? Ваши приятели здесь и останутся тут столько, сколько я захочу. Вы же легко можете к ним присоединиться.

Фиоргаст молчал, глядя на Мелкона. Штойф лихорадочно пытался придумать правдоподобное объяснение. Капитан переводил взгляд с одного на другого и, не дождавшись ответа, хлопнул ладонями по столу.

– Не хотите по-простому? Что ж, я сам выясню. Есть отличный способ.

Кинжал в его руках будто обвел фигуру алейрита по контуру. Тот вернул ему хмурый взгляд. Штойф, увидев в его глазах нехороший огонек, поспешно шагнул вперед и встал между Фиоргастом и Мелконом, подняв руку.

– Отличный способ, капитан, – криво усмехнулся шут. – Угрожать алейриту, чтобы вынудить его применить свои способности? Браво.

– Не вмешивайся, – мрачно предупредил Мелкон.

Штойф склонился над столом и пристально посмотрел на капитана.

– Вам не приходило в голову, что мой друг и в самом деле обладает силой, которая способна уничтожить вас? Неужели в поисках правды вы так стремитесь пострадать? И еще… – он выдержал паузу и усмехнулся: – Ваши бойцы настолько глупы, что даже не отобрали у нас оружие. Удивительно, как при таком подходе ваш Наместник еще жив…

В руках шута блеснули ножи. Фиоргаст испуганно охнул, а Мелкон медленно, нехорошо улыбаясь, поднялся из-за стола.

Неожиданно из коридора донесся приглушенный стон, дверь распахнулась, и в комнату, зажимая рану на боку и истекая кровью, ввалился один из гвардейцев. За его спиной маячили темные фигуры с обнаженными клинками в руках. Гвардеец рухнул на пол и затих.

– Куллары! – закричал Мелкон и пригнулся ровно в тот момент, когда метательный кинжал, брошенный одним из бунтовщиков, просвистел у него над головой. Капитан одним прыжком преодолел расстояние до двери, захлопнул ее и задвинул засов. Лицо его было бледным и встревоженным.

– Куллары в ратуше… Но как такое возможно?! – воскликнул он.

– Сдается мне, нам нужно сматываться, – проговорил Штойф, с сомнением глядя на дверь, которая сотрясалась от ударов.

– Где наши друзья? – Фиоргаст подскочил к капитану и схватил его за рукав.

Мелкон вырвал руку, извлек из ножен меч, бросился ко второй двери и исчез за ней. Спустя пару секунд он выбежал оттуда, а за ним – Кент и Мортморн. Чуть помятые, но живые.

– Чтоб вас разорвало! – рявкнул Штойф. – Как вас угораздило?!

– Все потом, – отмахнулся Мортморн. – Кажется, на нас кто-то хочет напасть? Верните оружие, капитан.

Мелкон что-то буркнул, указал в угол комнаты, где посреди груды другого оружия стоял меч шулренца, прислоненный к стене, и валялись кинжалы Кента.

– Я гляжу, у нас неприятности, – проговорил Кент, когда дверь треснула после очередного удара. – Кто это хочет свернуть нам шеи?

– Да не нам, а вот ему, – Штойф указал на капитана.

– Теперь им все равно, – невозмутимо проговорил Мелкон. – Я – капитан гвардии. Вы – хрен пойми кто, да еще и вооружены. Думаете, они будут разбираться?

– Знаешь что?! – завопил Кент, выплескивая накопившиеся за день эмоции. – Все эти ваши дворцовые перевороты нас не касаются! Ты втянул нас в эту заварушку, ты и вытаскивай, чучело ряженое!

Мелкон от такого обращения слегка поморщился, но промолчал.

– Если их там, – он указал острием меча на дверь, – достаточно много, через некоторое время вам будет уже все равно, кто вас куда втянул.

– Думаешь, мы погибнем? – хмыкнул Кент. – Я, конечно, в судьбу не верю, но…

Все смотрели на жалобно скрипевшую под мощными ударами дверь, и никто не ожидал опасности с другой стороны. Только Фиоргаст, стоящий чуть позади и сбоку, краем глаза заметил движение около второй двери. Из соседней комнаты, откуда Мелкон вытащил Кента и Мортморна, выскочили трое кулларов, которым каким-то образом удалось избавиться от пут. Один из них подобрал с пола кинжал, брошенный его соратниками в капитана, и кинулся на него со спины. Фиоргаст действовал не задумываясь. Яркая вспышка – и куллар рухнул на пол, выронив оружие; грудь нападавшего дымилась. Его товарищи в ужасе отпрянули и прижались к стене, поднимая руки. Мелкон на мгновение оцепенел, пристально глядя на алейрита, затем бросился к пленникам.

– Значит, матросы не врали, – пробормотал он, ставя пленников на колени возле держащейся на честном слове двери и связывая им руки их же поясами.

– Но на корабле был… огонь, – выдавил Мортморн, ошарашенно глядя на Фиоргаста. – Как тебе удалось вызвать молнию?

– Как-то, – хмуро отозвался алейрит, глядя сначала на свои руки, а затем на тело куллара. – Нам нужно уходить из этого города.

– Не могу не согласиться, – проговорил Мелкон, но больше ничего сказать не успел.

Дверь с треском рухнула на пол, и в комнату ворвались разъяренные куллары. Первыми погибли пленники, которые подвернулись под горячую руку, а дальше началась резня. В воздухе засвистели кинжалы Штойфа, блеснули мечи Мелкона и Мортморна. Противники превосходили количеством, однако друзья держались стойко, даже Кент, который драться умел плохо, умудрился ранить одного из кулларов. Напавшие вели себя безрассудно и храбро, но ни один из них не мог сравниться в мастерстве боя с капитаном имперской гвардии.

Когда все нападавшие были повержены, Мелкон кинулся наружу и крикнул:

– За мной!

Долго петляли по коридорам, слыша отголоски схватки. Капитан приказал всем ждать на месте, а сам исчез в темноте. Его не было достаточно долго, и друзья подумали, что Мелкон их бросил, но вскоре вернулся мрачный как туча.

– Я не понимаю, каким-то образом куллары смогли захватить ратушу и все другие здания имперской власти в Волдонаре, а значит, и весь город, – глухо сказал он. – Мы недооценили их. Думали, что на кулларов всем плевать, но ошибались. Без поддержки населения они бы не справились. Нам надо уходить из города.

– Постой! – воскликнул Фиоргаст. – Нас ждут друзья! Они ничего не знают…

– Если они достаточно сообразительны, чтобы остаться на постоялом дворе и не высовываться, с ними все будет в порядке, – отрезал Мелкон. – Догонят вас по пути. Если вы сейчас направитесь к ним, вас точно поймают. Так что идемте, я выведу вас из Волдонара.

Времени раздумывать не было. Фиоргаст понадеялся на то, что Эндрот и Дорин поступят верно и не станут ввязываться в драку. С тяжелым сердцем он поспешил за капитаном, как и остальные.

Мелкон вывел их, как и обещал. Через подвальное окно, куда все, кроме Фиоргаста, протиснулись с трудом, переулками, в которых невыносимо воняло помоями, прямо к ветхому заброшенному зданию почти у городской стены. Внутри обнаружился узкий подземный лаз, который вел за пределы городских стен. Друзья выбрались наружу, а за их спинами гудел, подобно растревоженному улью, охваченный восстанием город.

Глава семнадцатая

Произошло то, чего никто не ожидал и предвидеть не мог. Император и его советники всегда считали кулларов занозой в теле империи, но никогда не думали, что они способны на что-то серьезное. Эта уверенность основывалась на сведениях, получаемых от осведомителей, те регулярно отчитывались, что почти никто из простого народа не поддерживает кулларов. Случился полный провал разведки. Оказалось, что для немалой части жителей Волдонара слово «свобода» не было пустым звуком. Большинство жителей действительно не хотели избавляться от имперской власти ценой собственной крови и страданий, но это не мешало им помогать тем, кто был готов на такие жертвы.

Волдонар был сердцем сопротивления, но, даже зная об этом, раодарцы считали, что одного легиона из шести тысяч человек вполне достаточно для того, чтобы держать город в узде. Однако просчитались. Из более чем сотни тысяч взрослого населения, что проживали в городе, подавляющее большинство сочувствовали кулларам, а непосредственных участников восстания набралось порядка двенадцати тысяч. Конечно, это не стало бы проблемой для имперского легиона на поле боя, но свою роль сыграл эффект неожиданности и городские условия. Явно не обошлось без помощи близких к Наместнику людей. Из мирно спавшего в казармах легиона уцелели и смогли выбраться из города меньше тысячи солдат. Около пяти сотен были взяты в плен.

Самым лакомым кусочком для кулларов был не Наместник, а капитан имперской гвардии. Наместник был политической фигурой, и наместничество в Волдонаре считалось в столице империи, по сути, ссылкой для чиновника. А вот капитан имперской гвардии, один из высоких военных чинов Раодара, был бы очень ценным пленником. Однако схватить его им не удалось.

Капитан и еще несколько человек смогли выбраться из окруженной ратуши и каким-то образом уйти из Волдонара. Это привело Куллара в ярость, и он выслал погоню в разных направлениях от города, надеясь перехватить беглецов, пока они не успели далеко уйти.

Куллар не ошибся. Мелкон направился к столице, чтобы доложить о произошедшем и попытаться лично возглавить войско для подавления восстания. Тот факт, что его застали врасплох, почти пленили, а целый имперский легион был уничтожен практически без боя, приводил его в бешенство.

На первом же привале в лесу капитан устроился подальше от своих спутников и не сводил взгляда с Фиоргаста. Тот взглянул на него раз, другой и нахмурился.

– Так и будешь пялиться на меня, как на диковинку? – резко проговорил алейрит.

Друзья невольно подняли на Фиоргаста удивленные взгляды. Они ожидали, что он снова будет мрачен и немногословен после того, как в очередной раз отнял магией жизнь, но на лице алейрита было написано, скорее, раздражение, нежели привычные боль и горечь. К тому же слова, которые он использовал, больше подходили Кенту или Мортморну, чем тому, кто был воспитан в традициях Алейры.

– Так ты и есть диковинка, Фиоргаст, – попробовал разрядить обстановку Штойф.

Алейрит резко повернулся к нему, и шут отпрянул, увидев в его глазах неприятный блеск. Кент решил успокоить Фиоргаста и тоже встретил отпор, но был к этому готов.

– Слушай, дружище, я понимаю, что ты снова убил человека своей магией, – негромко и мягко проговорил он, – но мы в этом не виноваты. Возьми себя в руки. Ты среди друзей. Уж каких есть, но друзей, Тьма тебя побери!

Фиоргаст несколько мгновений смотрел на Кента немигающим взглядом, но затем расслабился и глубоко вздохнул.

– Простите, – смущенно пробормотал он. – Я действительно расстроен. Никак не ожидал, что мы попадем в такую переделку. Это плохо сказывается на моем настроении и спокойствии. Штойф, ты прав, я действительно диковинка, и понимаю, почему наш уважаемый капитан так воззрился на меня и боится подойти. Я его не виню. Не каждый день встречаешь мага, верно?

Фиоргаст неестественно рассмеялся, и никто не обратил внимание на тот факт, что впервые после совершенного убийства алейрит упомянул свои способности без привычной горечи. Из всех лишь капитан имперской гвардии остался в том же скверном расположении духа, как и до этого. Видно было, что ему очень хочется о многом расспросить Фиоргаста, но он не решался. Так и сидел, глядя то в костер, то на алейрита, и напряженно молчал.

– Интересно, после того, что произошло в Волдонаре, нам будут рады в столице? – Мортморн подбросил в огонь ветку и поежился. – Да еще Эндрот и Дорин… Что с ними стало? Если они все же выбрались, то, скорее всего, тоже направятся в Раодар. Пустят ли нас туда?

– С чего бы им нас не пускать? – удивился Штойф. – Мы простые купцы с запада, и…

– …и появляемся в столице ровно тогда, когда туда приходят вести о восстании. Приезжаем из Волдонара. Да нас тут же схватят по подозрению в пособничестве кулларам!

– Да ну! – отмахнулся Штойф. – Мы можем свернуть на другую дорогу и явиться в Раодар кружным путем. Нам не занимать фантазии, что-нибудь придумаем.

До них донесся легкий смешок. Они повернулись к Мелкону. Это был первый звук, который капитан издал с того момента, как они покинули Волдонар.

– Разумеется, – проговорил он. – Можно придумать идеальную историю. Четверо элмарцев в сопровождении капитана имперской гвардии, который несет ужасные известия из восставшего города. Не подкопаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.